

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская бречь

1988 НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

В ПОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 175-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева

- 3 А. А. Николаев. «Понятным сердцу языком...»
9 В. И. Норудоминский. Гоголь и Даль (Из творческих общений)
18 Л. Р. Ланский. «Мой русский стих, живое слово...»
24 А. Кавацца. «Круг чтения» Л. Н. Толстого (Переводы из Влеза Паскаля)

К уроку литературы

- 30 Л. С. Кателина. «О Русь — малиновое поле...» (Эпитеты в лирике С. Есенина)
34 В. В. Волков. «Слово, яснее полдня...» (Антонимы в поэтическом мышлении Роберта Рождественского)

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Наши публикации

- 39 Мих. Осоргин. Слова и выражения
49 С. А. Пугач. Вычленил кого-либо
51 Л. И. Рахманова. Построить гигант или построить гиганта?

К УРОКУ РУССКОГО ЯЗЫКА

- 56 Л. Ф. Бердник. Предложения со значением желательности

СРЕДИ КНИГ

- 60 В. Д. Бондалетов. Социальная лингвистика
61 В. В. Колесов. Мир человека в слове Древней Руси
63 Петр Тимофеев. Добрые дела не исчезают

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 66 А. А. Шайкин. Русский язык во Вьетнаме

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

К 1000-летию введения христианства на Руси

- 71 Е. М. Верещагин, В. П. Вомперский. Как началось искусство книжного слова на Руси

-
- 78 *А. П. Ужанков*. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI—XIII веков
- 85 *Т. А. Кильдибеева*, *В. П. Гущина*. От двора к фабрике и заводу
- 90 *Е. И. Кедайтене*. Полезен народу
- 95 *А. Л. Топорков*. Из рукописных материалов П. Г. Богатырева
-
- ХРОНИКА**
- 100 Высокая награда
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 103 *Н. В. Киричко*. Слово *парламент* в русском языке
- 107 *О. П. Паумов*. Статья на якорь
-
- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**
- 110 Что косит год високосный?
- 112 Кабульский и джамбульский
- 114 СуперЭВМ
- 116 Не превращайте «Бурду» в «Бурду»
- 119 Такие разнообразные значения...
- 122 Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1988 году
-
- 121 Кроссворд
-

На обложке рисунок В. Захарова

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА

*„Понятным сердцу
языком...”*

А. А. НИКОЛАЕВ,
кандидат филологических наук

Поэзию Ф. И. Тютчева (1803–1873) отличает идейно-художественная цельность, которая не была свойственна русским романтикам ни до, ни после него. В таких стихотворениях, как «День и ночь» или «О вещая душа моя...», «Над виноградными холмами...» или «Святая почва на небосклон взошла...», тютчевский образ мира – единого и двойственного, находящегося в вечном движении, становлении и разрушении – предстает в наиболее концентрированном виде. Космическое и хаотическое, гармоническое и диссоциирующее, Юг и Север, Восток (Россия) и Запад, Земля и Небо, человек и природа, личность и общество (Свет, толпа), созерцательно-лирическое и героико-гражданское,

государственного деятеля, но и символы двух государств — России, в гербе которой орел (и не только символ могущества, но и традиционного для XVIII века русского дворянского гиперсоциального воспитания), и Баварии (в ней поэт прожил 20 лет), в гербе которой Лебедь и во главе которой во времена Тютчева стоял Людвиг I Баварский — художник, поэт, музыкант («Лебедь»); мотылек из суфийской мистики как символ бессмертной любви, соединения с божеством в любовном экстазе, залетевший в стихотворение «Тени сизые смешались...» из лирики Гете, увлекавшегося Хафизом; летящий камень из средневековых схоластических споров об одухотворенности природы (стихотворение «Problème»), давший (благодаря Тютчеву) название знаменитому сборнику О. Э. Мандельштама «Камень»; «вещая душа» из «Слова о полку Игореве»; «мыслящий тростник» из «Мыслей» Б. Паскаля («Певучесть есть в морских волнах...», где, кстати, «строй», «согласье», «гармония в стихийных спорах» отсылают к пифагорейскому учению о гармонии); «дневной месяц» из «Путевых картин» Г. Гейне, претворенный Тютчевым в образ поэта в светском обществе («Ты зрел его в кругу большого света...») и т. д.

Работу Тютчева над словом Л. В. Пумпянский (Поэзия Ф. И. Тютчева// Уралия: Тютч. альманах; 1803–1928.— Л., 1928. С. 52) называл «беспримечательной словесной культурой». Очень богата лексика поэта: около 6000 слов на 33 000 словоупотреблений; около 11 000 словоформ. Это намного больше, чем у Лермонтова и Пушкина, и чуть больше, чем у Баратынского (при сравнении того же объема поэтических текстов). Словесное богатство достигается преимущественно за счет обилия изобразительно-описательной лексики (свет, цвет, звук, запах, реалии внешнего мира и их движущиеся формы). Из стилистически окрашенной лексики Тютчев широко пользовался старославянизмами, русскими архаизмами, историзмами и поэтизмами. Из терминов употреблял по преимуществу отвлеченные философские понятия. Диалектные и народно-поэтические слова у него единичны (*огневица, синець, листьє, макушка*), но всегда уместны. Неологизмов и авторских новообразований (оказнализмов) поэт избегал.

Необычно богата и тютчевская поэтическая фразеология. Так, к понятию «человек» находим свыше 30 перифраз: «сын Земли», «сын Природы», «злак земной», «гость на земле», «обреченный заключенью», «сирота бездомный», «беспомощное дитя», «игра и жертва жизни частной», «жертва роковой игры», «мыслящий тростник», «греза природы» и др. Эти определения дают большее представление о тютчевском человековедении, чем самые глубокие научные рассуждения. Традиционные перифразы («слезы

Авроры» — утренняя роса и т. п.) используются наряду с оригинальными. В духе классицизма Тютчев создал несколько стихотворений-загадок, в которых описываемый предмет (явление) не назван прямо: «конь морской» — волна («Конь морской»); «воздушная арка» — радуга («Как неожиданно и ярко...»); «белокрылые виденья» — лебеди («Осенней позднею порою...»); «змеи морской» — пароход («По равнине вод лазурной...») и др. При этом иногда с помощью однокорневого слова дается намек на слово, обозначающее описываемый предмет: «конь с седой, волнистой гривой», «радужное виденье» и т. п. Многие перифразы Тютчева (*древо человечества, демоны глухонемые, жилища двух миров, громокипящий кубок, на пороге двойного бытия* и др.), наряду с тютчевскими афоризмами (*Мысль изреченная есть ложь!, Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые!, Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется* и др.), вошли в общий язык, стали заглавиями книг и статей поэтов, критиков, ученых, публицистов, пропагандистов, названиями кинофильмов, радио- и телепередач.

Но еще более, чем словесное изобилие, поражает в языке Тютчева богатство смысловых нюансов, многообразие способов художественного преломления, смещения и совмещения значений слов. Как истинный романтик Тютчев часто избегал автологии — стиля речи, в котором слова и выражения употребляются в их прямом, основном значении. Так, глагол *дышать*, встречающийся в стихах Тютчева 32 раза, в основном значении употреблен только трижды, да и то с обстоятельством образа действия, обозначая физическое и душевное состояние человека: *толкуются, дышат через силу; грудь дышит легче и вольней; легче нам дышать.*

С помощью этого глагола поэт передавал общее состояние природы (*Лениво дышит полдень мгlistый* — в натурфилософском олицетворении), изображал движение и плеск волн, шум прибоя (*дышит лазурный сонм женеvских вод; озеро дышало; море ходит, и дышит, и блещет*), колебание отражения на водной поверхности (*месяц дышит в зеркале Лемана; великое былое словно дышит в забvтьи* — об отражении Екатерининского дворца в царскосельском пруду). Очень важным для поэта-пантеиста является значение «жить, существовать; обладать свойством органического бытия; обнаруживать признаки жизни» и переносное «действовать»: *У грудиv благой природы Все, что дышит, Радость пьет!; Для них и солvцы, знать, не дышат; Могу дышать, но жить уж не могу; Железный мир и дышащий Велением одним* (в последнем случае действительный залог употреблен в значении страдательного).

Метонимически глагол *дышать* использовался Тютчевым с субъектом, обозначающим орган речи и саму речь: *уста дышали тихими речами; дышала на устах молитва*. Из устойчивых метафорических значений, базирующихся на основном, у Тютчева неоднократно употреблено значение «веять, дуть; обдавать чем-либо; источать что-либо; издавать запах, аромат; пахнуть, испаряясь»: *воздух весною дышит, прохладой дышит сад, дышит полдень знойный в растворенное окно, небо дышит светом и теплом, поля дышат на зное* (в последнем случае речь идет о запахе цветущей гречихи, известного медоноса с белыми цветами, ибо в предыдущем контексте: «с белеющих полей веет запахом медовым»).

Вторая группа употреблений слова *дышать* объединена значением «жить чем-либо, видеть цель своего существования в чем-либо; жить благодаря чему-либо; иметь содержанием жизни»: *песнями дышал он, душа любовью одной дышала, чем ты и дышишь, и живешь, дышать божественным огнем*. Наконец, третья группа употреблений этого слова объединена значением «быть проникнутым чем-либо, выражать что-либо; обнаруживаться где-либо, проявляться в чем-либо»: *все дышит простотой, живая прелесть дышит в ней, небесный дух дышит под сводами чертогов*.

У поэта почти нет стертых, общеязыковых метафор. Живыми связями соединены у него *дуновенье — дыханье — дух — душа — вдохновенье, гроза — угроза, волна — волнистый — волнение, радуга — радужный, рыть — взрывать*. В иных случаях первоначальное значение является единственно употребляемым: *присущий* — «присутствующий», *томный* — «чахлый, вялый, болезненный» (а не «нежащий, вызывающий сладкую истому»), *истома* — только «мука» (*истома смертного страданья*), *испещренный* (в сочетании *испещренные деревья*, без дополнения) — только причастие от *испещриться*, то есть «стать пестрым, покрытым большим количеством чего-либо мелкого и однородного, контрастного по цвету» (возвратно-страдательная форма в функции возвратно-непереходной).

Оживлял Тютчев и традиционные перифразы, изменяя их в зависимости от контекста. Так, во фразе *Благоухающие слезы Не о былом Аврора льет* компоненты перифразы распались. И хотя речь идет о росе, но в то же время *слезы* входят в сочетание *лить слезы* («жалеть, горевать, сокрушаться о чем-либо»), ибо задача данного стихотворения («Весна») не пейзажно-описательная, а натурфилософская, и смысл приведенной выше фразы таков: вечно обновляющаяся и каждое утро пробуждающаяся к жизни природа не сокрушается о своем прошлом, а если и льет слезы,

то слезы радости, умиления существа, вся жизнь которого «в настоящем разлита».

Гораздо шире, чем традиционную метафору, Тютчев использует метонимию — перенос по сходству, с целого на часть и наоборот, перенос свойства предмета на его действие или на другое свойство и т. п.: *росисто вьется долина, рядов пехоты длинный блеск*. Он совмещает слова разных смысловых рядов, означающих цвет, «свет», «звук», «запах», «пространство»: *музыкальные виденья, благовест лучей, гремящая тьма, тихая лазурь, воздушные руины*. нередки оксюмороны: *мирно-боевой, мучительно-отрадный, темно-брезжущий, мгlistый полдень, пышность ветхая* (в варианте — *ветхость пышная*). Часты и плеоназмы, экспрессивно-избыточные, оттеночные выражения: *темный сумрак, сумрачная тень, ночь хмурая, тень нахмурилась темней, затихло вокруг тебя молчанье*.

Особенно интересны случаи совмещения значений, одновременной многозначности. Так, во фразе «Разоблаченная с утра, Сияет Белая гора» слово *разоблаченная* означает и «открывшаяся; очистившаяся от облаков», и «лишенная таинственного ореола», и даже «изобличенная» (последнее значение связано с тем, что Белая гора — Монблан — центр Европы, Западного мира, освещенный с Востока лучами восходящего солнца).

В основе гармонической завершенности стихотворений Тютчева логика развития эмоционального образа. Этой логике подчинен отбор всех смысловых компонентов текста. О чем бы ни писал Тютчев, его стихи всегда посвящены состояниям, а не предметам и свойствам, и обращены к сердцу. А. Д. Григорьева в книге «Слово в поэзии Тютчева» (Л., 1980) пишет: «Это поэт, стремившийся уловить и запечатлеть мгновение, процесс, будь это душевное движение, тайное ощущение, очень часто смутное и неосознанное, или миг в жизни природы, вечно текущий и подвижный. Его произведения — психологическая повесть с одним героем, составленная из стихотворных фрагментов, разделенных многоточиями не вылившихся в стихи эмоций».

О воздействии на читателя лирики Тютчева можно сказать то, что поэт говорил о воздействии на него песен ночного ветра:

Понятым сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

Гоголь и Далъ*

(из творческих общений)

В. И. Порудоминский

Сопоставление хронологической канвы жизни Гоголя и жизни Даля выявляет незначительные возможности их личного общения. В письме А. И. Толстого, близкого знакомого Гоголя, находим едва ли не единственное свидетельство их личных отношений: «Мы часто здесь беседуем о Гоголе с человеком, который мало знал его лично, но весьма высоко ставит его произведения. Это г. Далъ» (Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 617–618).

Любопытен отзыв Даля о Гоголе — кажется, единственный до нас дошедший. В его письме к М. П. Погодину от 4 апреля 1842 года находим: «Удивительный человек Гоголь! Увлекаешься рассказом его, с жадностью проглотишь все до конца, перечитаешь еще раз и не заметишь, каким диким языком он пишет. Станешь разбирать крохоборчески — видишь, что совсем бы так писать и говорить не следовало; попробуешь поправить — испортишь, нельзя тронуть слова. Что, как бы он писал по-русски?..» (там же).

Видимо, желая смягчить резкость оценки, публикатор письма комментирует: «Отзыв Даля вызван «Римом» (...) и является свидетельством резко отрицательного отношения Даля к высоким литературным стилям» (там же). Но резкость тут кажущаяся.

* Окончание. Начало в № 5 за 1988 г.

Последняя фраза, без сомнения, относится не столько к Гоголю, сколько к заведомо преувеличенному представлению Даля о разрыве между языком литературы и народной речью, — это представление Даль увлеченно утверждает всякий раз, когда ему случается высказывать свои взгляды (он и в сочинениях Пушкина лишь иногда находит «русский дух»), но забывает о нем, когда сам берется за перо, — придерживаясь в своем творчестве общей традиции отечественной литературы.

Что же до отзыва в целом, то он, на наш взгляд, исполнен восхищения перед непостижимой свободой, с которой Гоголь создает особый, не поддающийся подражанию язык своих творений. Только этот язык и может стать материалом, из которого возводится этот удивительный мир — мир Гоголя.

Слова Даля вполне сопоставляются с тем, что писал, защищая язык Гоголя от нападков «пуристов, грамматоедов и корректоров», Белинский: «Возьмите самый неуклюжий период Гоголя — его легко исправить, и это сумеет сделать всякий грамотей десятого разряда, но покуситься на это значило бы испортить период, лишить его оригинальности и жизни» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. IX. С. 229).

Записные книжки Гоголя полнятся сведениями и пометами о быте, нравах, обычаях, природе, жилищах, одежде, кушаньях, подробностями и названиями, относящимися до разного рода занятий, ремесел и промыслов. Некоторые записи словно бы взяты прямо «из Даля». Привлекают внимание, к примеру, страницы, посвященные Оренбургской губернии — краю в ту пору малоизвестному, — Даль, однако, прослужил в нем почти восемь лет, извездил вдоль и поперек, досконально изучил и как чиновник, и как этнограф, и как натуралист, и просто как наблюдательный человек, не устающий пополнять и углублять свою бывалость. Гоголь отмечает тонкости, касающиеся хлебопашества в губернии и продажи хлеба, садоводства и употребления в дело выращенных плодов, пчеловодства и качеств получаемого меда. Описание степных пожаров — палов — заставляет вспомнить строки казахской повести Даля «Бикей и Мауляна». Нет оснований утверждать, но невозможно не предположить, что в «записочки» Гоголя перекочевывала «живая статистика» из сочинений и устных рассказов Даля, — иначе с чего бы заявлять Гоголю, что каждая строчка Даля учит его и вразумляет.

Но дело, конечно, не в прямых заимствованиях. Можно без труда обнаружить весьма близкое родство, допустим, нескольких страниц гоголевской тетради, жадно заполненных сведениями, известными лишь знатокам «собачеям» (материал для поразитель-

ной картины поздревской псарни), и соответствующими «собаководческими» и «охотничьими» гнездами Далева Словаря, но выявленное родство вовсе не свидетельствует, что к этим страницам поэмы Даль имел хоть какое-нибудь отношение. Не служат доказательством обращения к Далю некоторые заметки о женской одежде, описание которой встречаем в рассказах Казака Луганского. Дело не только в самих подробностях, хотя Гоголь, без сомнения, черпал их и из Далевых текстов, а в наполненности материала этими достоверностями, без которых постижение жизни превращается в бесплодное умствование. Суть в сходном у Гоголя и у Даля отношении к материалу, который не мыслится вне этих драгоценных подробностей.

«Я стал знакомиться с людьми, от которых мог чему-нибудь поучиться и разузнать, что делается на Руси; старался наиболее знакомиться с такими опытными практическими людьми всех сословий, которые обращены были лицом ко всяким проделкам внутри России (...) — рассказывает Гоголь в «Авторской исповеди». — (...) Я старался завести переписку с такими людьми, которые могли мне что-нибудь сообщать (...) Сведения эти мне, просто, пужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их вокруг по стенам, затем, чтобы (...) не погрешить ни в чем против действительности, протипу времени, или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. (...) Чем более вещей принимал я в соображение, тем у меня верней выходило создание» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.—Л., 1952. Т. VIII. С. 446—447; далее — том, стр.).

Эти же начала лежали в основании творчества Даля, не говоря уже о том, что он не только имел обширнейшие знакомства среди опытных практических людей, но и сам был таковым.

В конце 30-х годов Жуковский, проезжая Оренбург, просил Даля подобрать ему сюжет для «восточной» поэмы или баллады; Даль по некоторому размышлению отказал Жуковскому. В объяснении отказа — суть воззрений Даля на соотношение материала и «создания»: «Дело вот в чем, рассудите меня сами: надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды Ваши наполовину пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсакскою, уральскою, — но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. (...)

Может быть, я ошибаюсь, может быть, меня одолевает мономания народности (в Словаре Даль толкует: «*Мономания* — помешательство на одной мысли, предмете» — В. П.), но ей, ей я не в состоянии сделать дело это наполовину, я бы упрекал бы себя во всем, что могло бы показаться недостаточным или неверным» (опубликовано в кн.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е годы XIX века. М., 1956. С. 132).

Еще в начале пути, замышляя первые повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь просил мать сообщать ему «обычай и нравы малороссиян наших», ждал от нее «описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это все называлось», «равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до самой последней ленты, также нынешними замужними и мужиками». Ему нужно «еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей», а к тому же все, что известно о гаданиях, духах, домовых — и опять-таки подробно и с названиями. И само собой анекдоты и истории — смешные, забавные, печальные, ужасные. «Не пренебрегайте ничем, — просил Гоголь, — все имеет для меня цену» (X, 141, 166).

Тут можно бы порассуждать (материалу довольно!) об украинской теме в творчестве (и биографии) Даля, можно бы привести свидетельства о Дале как замечательном знатоке свадебного обряда (только П. В. Киреевскому, к примеру, он передал подробнейшее описание свадебных обрядов в горных заводах Урала с приложением 76 песен; в собрании Киреевского есть песни, записанные и Гоголем), но, повторимся, для нас сейчас не так дорого совпадение частностей, как общность начал.

Один из героев повести Даля «Савелий Граб или Двойник» отправляется странствовать по России и при этом намечает для себя программу деятельности, совершенно совпадающую с программой самого Даля:

«1) Собирать по пути все названия местных урочищ, расспрашивать о памятниках, преданиях и поверьях, с ними соединенных, с тем, чтобы применять все это впоследствии к бытописанию России, которое необходимо должно, во многих случаях, поясняться этими памятниками старины.

2) Разузнавать и собирать, где только можно, народные обычаи, поверья, даже песни, сказки, пословицы и поговорки и все, что принадлежит к этому разряду.

3) Вносить тщательно в памятную книжку свою все народные слова, выражения, речения, обороты языка, общие и местные, по неупотребительные в так называемом образованном на-

шем языке и слогe» (Даль В. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб.— М., 1897. Т. II. С. 280; далее — том, стр.).

Здесь же, следом, несколько страниц авторского отступления — размышления Даля о русском языке, изложение взглядов, которым он останется верен до конца жизни: «*Духу* нашего языка надобно учиться пыне у костромского, ярославского и вообще всякого русского крестьянина, у простолюдина, потому что этому из книг научиться нельзя» (там же, 281).

В № 3 журнала «Отечественные записки» за 1847 год помещено обращение к читателям, в котором редакция просит подписчиков доставлять Далю описания местных обрядов, рода жизни, обычаев, игр, празднеств, месяцеслова земледельца, особенностей в промыслах и занятиях и проч. — сведения эти необходимы для работы над Словарем.

Изучение народной жизни и изучение народного языка неразсторжимо взаимосвязаны: каждая, самая малая подробность быта, нравов, занятий непременно выражается в слове, и, наоборот, любое услышанное слово требует подыскания соответствующего понятия и зовет к уразумению самых малых подробностей быта и нравов. Даль смолоду собирает слова, позже приходит к идее соединения их в словарь — именно это оказывается для него первоначальным и сильнейшим побуждением к всестороннему и тщательному исследованию народной жизни. Гоголь без такого постоянного исследования не мыслит своей литературной работы, но оно наряду со множеством необходимых сведений обильно дарит ему слова, зовет погрузиться в мир народного слова.

В 1847 году Гоголь из-за границы просил доставить ему журнал «Иллюстрация» за прошлый год и объяснял: «В книге этой есть повести Даля, которые мне очень нужны» (XIII, 211). В «Иллюстрации» за 1846 год печатался труд Даля «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа», содержащий множество, можно уверенно сказать, бесценных для Гоголя сведений — приметы, обряды, заговоры и т. п. Первые главы Далева труда помещены в «Иллюстрации» за 1845 год и были, конечно, тоже известны Гоголю (иначе с чего бы стал требовать продолжение). Но там они публиковались одновременно с другой, давно уже забытой работой Даля — «Русский словарь» — едва ли не первой его попыткой придать накопленным запасам «словарный вид».

«Русский словарь», предлагаемый читателям «Иллюстрации», — пока лишь разрозненные заметки, цель которых, прежде всего, пригласить возможно большее число образованных людей «держаться своего, русского слова», собирать это слово и «пускать

добро это в оборот» (Иллюстрация. 1845. № 1). В заметках Даль объясняет значение того или иного ходящего в народе слова, предлагает несколько малоупотребительных слов в ряд к известному или русское слово под пару иностранному, учит находить разницу в сходных, казалось бы, словах.

«В статье „Последние минуты Пушкина“ напечатано со слов моих: „он был *повáдлив*“, — пишет Даль в одной из заметок. — Это опечатка: „*поводлив*“. *Повáдлив* — тот, кто склонен воспользоваться всякой повадкой, поновкой, потачкой; кто легко приучается и привыкает к тому, что несколько раз сделал. *Поводлив*, напротив, тот, кто послушен, дает руководить себя, не упрямится» (Иллюстрация. 1845. № 15).

Вряд ли Гоголь, просматривая журнал, мог не заинтересоваться подобными заметками. Значительную и важную часть собственных его записей в 40-е годы составляют как раз слова и их толкование: сперва это заготовки для «Мертвых душ», впоследствии Гоголя все больше захватывала мысль о составлении «объяснительного словаря» русского языка.

Еще в 1842 году он как бы предлагает К. С. Аксакову взяться за подготовку запасов для такого словаря (хотя сама идея создания подобного труда, возможно, в ту пору не возникла): «Пред вами громада — русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его (...) Какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас» (XII, 125–126). Гоголь просит Аксакова не проповедовать при этом «законов общего», работать «чисто фактически», заниматься «совершенно стороною внутреннею русского языка», исследуя «все уклоненья, исключенья, малейшие подробности и частности» (там же, 126).

Через несколько лет, уже в наброске предисловия к словарю Гоголь окончательно определит задачу: «В продолжении многих лет занимаясь русским языком, поражаясь более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его, выказал бы ощутительней его достоинство, так часто не замечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение. Тем более казался мне необходимым такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, так мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренных русских слов, одним приписывается другой смысл, другие позабываются вовсе» (IX, 441).

Даль полтора десятилетия спустя будто заглядывает в сокровен-

ные страницы гоголевского черновика, когда в «Напутном» к своему Словарю напишет и о тревожившей его «несообразности письменного языка нашего с устною речью простого русского человека», и о жизненной свежести народного духа, придающего языку «стойкость, силу, ясность, целость и красоту», и о необходимости по духу спознаться с языком народа, и об «исправленном», «искаженном» языке, как бы отрехшимся «от родины и почвы своей, от основных начал и стихий», перенесенном «с природного корня его на чужой» (X, 246, 243).

Просматривая собранные Гоголем слова и предложенные им толкования, и здесь без труда обнаружим общность его и Даля подхода к задаче «объяснительного» (толкового) словаря, прежде всего — желание и стремление «выставить лицом русское слово», любуясь меткостью и разумом его, выказать его достоинство, опаружить происхождение.

Гоголь остро чувствует выразительность слова, связанную именно с происхождением его. *Выпороток*, помечает он (см. Материалы для Словаря русского языка и Записные книжки с объяснениями слов — VII и IX) — «животное, извлеченное из брюха самки». Даль *выпоротком* тоже, конечно, не пренебрег, но уточняет: «недоносок, вынутый из убитого, либо из палого животного»; к тому же пополняет толкование: *бран.* небрачно рожденный; *мск.* *нег бран.* неслух, неуклюжий ребенок» (не от *выпороть* ли — высечь? — В. П.). У Гоголя в «Записной книжке: *Отбнок* — «изношенный лапоть, отопки, осметки». Даль опять-таки несколько уточняет: «отоптанный сапог, башмак; обносок; о лапте говор. *ошметок*».

У Гоголя явная страсть к редкому, не истертому употребленным слову (он писал однажды, как пошлет всякое слово, «само по себе невинное, но повторенное двадцать раз» — XI, 296). *Зашеец*, выписывает Гоголь, — «маленький залив». Даль предлагает: «*Зашеек* — заливец с перехватом между двух мысов».

И Гоголь и Даль непременно стараются указать неизвестное или малоизвестное значение известного слова. *Зайцы* у Гоголя — «запенившиеся волны». У Даля — «белая пена на курчавой вершине волны». Гоголь помечает: «*малыш* — «меньшой брат» (у Даля: «младший в семье, последний сын или дочь, брат, сестра»); *малец* — «мальчик и вообще холостой» (у Даля это значение тоже отмечено). *Кавардак*, кроме того, что беспорядок, еще и «густое кушанье из щей, сухарей, луку», записывает Гоголь; Даль называет целый ряд блюд, обозначенных этим словом.

Гоголя и Даля роднит стремление к местным речениям и толкованиям. «Слова волжеходца» озаглавливает Гоголь один из

составленных им списков. Здесь читаем, например: *губка* — «руль на мелких судах» (у Даля среди значений слова *губа* — «волж. румпель, рукоять руля»). Среди «Слов по Владимирской губернии» Гоголь помещает *бурун* — «множество чего-нибудь, хлеба, денег и проч.» (в Далевом Словаре после таких значений, как «короткое, но сильное волнение у берегов или над подводными скалами; прибой, толкун; пурга, метель, вьюга», есть и «владимирский» *бурун* — «много, множество, куча, тьма, пропасть»)...

Между словами, имеющимися среди записей Гоголя, по-своему любопытно: «*Огуряться* — не повиноваться» — слово редкое и в известном смысле введенное в обиход Далем. В повести «Мичман Поцелуев», таящей немало автобиографических страниц, он предлагает «целый список новых слов, принятых и понятных в морском корпусе» (II, 382), где учился герой повести и сам автор, попросту говоря — слова кадетского жаргона («читайте и отгадывайте»). Среди этих слов есть и *огуряться*. Но с годами, по зрелом исследовании, Даль убедится, что некоторые из прежде жаргонных слов сделались общепринятыми и всем понятными (к примеру, *распечь* или *втереть очки*), другие же представляли местные речения. Упомянув в повести слово *огуряться*, Даль, по обыкновению, не отказывается от того, чтобы сделать примечание, никак не беллетристическое: «Огуряться вошло в корпусе в употребление от новгородцев, поступающих туда прежде в большом числе. Мы встречаем слово это также у Посошкова (новгородца); оно означает: отделяться от обязанности своей, не исполнять ее, не быть налицо, где должно» (там же, 383).

В иных случаях Гоголь присовокупляет к услышанному слову примером и пословицу: «*Поклялый* — опущенный вниз, наклонившийся: На покляное дерево и козы скачут». В Словаре Даля пословицы составят основную часть примеров, при слове *поклялый* здесь та же пословица, что и у Гоголя, прибавлено, правда, и еще несколько.

«Крики носящих», то есть возгласы и прибаутки уличных торговцев, также привлекают внимание Гоголя: в них ярко являет себя, по словам Даля, тот «живой русский язык, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине» (X, 250). Гоголь записывает:

Владимирская клюква,
Владимирская крупна,
Эки бабашки,
Брали девушки Наташки.

Образчики «криков» обширно представлены в Словаре Даля и в составленном им сборнике «Пословицы русского народа».

В Словаре при слове *клякша* обнаружим прибаутку, очень похожую на подслушанную Гоголем.

Любопытны гоголевские русские синонимы (по-Далеву — тождесловы) к иноязычным словам; Даль в Словаре будет предлагать такие в изобилии. У Гоголя: «Звездонаблюдальце — обсерватория. Звездословие — астрономия». У Даля: астрономия — тоже звездословие, астроном — звездоблюстителъ, звездонаблюдатель, звездослов, даже звездовщик и звездарь!

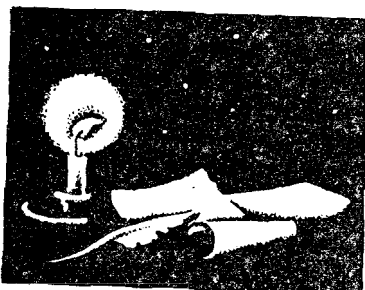
«Не потому, чтобы я чувствовал в себе большие способности к языкознательному делу; не потому, чтобы надеялся на свои силы <...> Нет, другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительным словарем: ничего более как любовь, просто одна любовь к русскому слову, которая жила во мне от младенчества и заставляла меня останавливаться над внутренним его существом и выражением». Это опять Гоголь — из наброска предисловия к Словарю (IX, 442). Нет нужды цитировать, но в «Напутном» Даля, в его статьях и заметках мы читаем буквально то же и в тех же выражениях высказанное. Не потому, конечно, что Даль заглядывал в бумаги Гоголя или Гоголь записывал за Далем, но потому, что и Гоголь и Даль раньше большинства других почувствовали, осознали истину, записанную Далем на первой же странице «Толкового словаря живого великорусского языка»: «Пришла пора подорожить народным языком».

„Мой русский стих, Живое слово...“

Л. Р. Ланский,
кандидат филологических наук

«Какая свежесть, сила пощипанья, сколько реализма в его поэзии, и сколько поэзии в его реализме», — восхищенно писал о Н. П. Огареве Герцен, характеризуя своего друга как натуру «по преимуществу русскую и поэтическую, широкую, беззаботную, увлекающуюся, детскую и многостороннюю».

Современники почти единодушно отзывались об Огареве как о человеке редкого обаяния, искреннем, гуманном, отзывчивом, обладающем особым «тактом сердца»...

Эти свойства Огарева в полной мере отразились и на его поэзии.

175-летие Н. П. Огарева (1813–1877)... и в то же время 130-я годовщина появления в «Полярной звезде на 1858» одного из его лучших стихотворений — «Искандеру» (то есть Герцену). Позднее оно стало называться «Свобода»:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежным, —
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом упылый
Покинул я край мой родимый и милый,

Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра почного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, пово
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И всё-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода,
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою пыне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! испни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

Удивительное стихотворение! В нем и автобиография, и исповедание веры, и манифест, и политическое завещание... Как много здесь высказано о себе, о России, о русском народе — и сколько любви к ним!

«Свобода» написана вскоре после получения из Петербурга вести о близящемся освобождении крестьян. Все семь строф ее до сих пор испускают сильные электрические разряды... Ближайший друг и соратник Огарева по революционной борьбе, по Вольной печати, по набату «Колокола» — Герцен — был в восторге от этого «звучного порыва»...

Шедевр Огарева вскоре — и надолго — стал любимой песней, своего рода гимном свободолобивой России.

«Свобода» — не единственное стихотворение Огарева, перешедшее в разряд народных песен. Наиболее известной из них — и подлинно народной — стала последняя строфа его поэмы «Забутье», фрагмент из которой мы здесь приводим:

«Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья,
Поднялась толпой-народом
Сила русская, сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, собирайтесь...»

И другие стихотворения Огарева — «Арестант» («Ночь темна. Лови минуты!»), «Михайлову» (строфы: «Закован в железы с тяжелою цепью» и далее исполнялись на мотив песни «Среди долины ровныя...») и др. — распространялись по России в многочисленных списках и печатных листовках, входили в песенники для «простонародья», декламировались и распевались в студенческих кружках, на сходках, в солдатских казармах, тюремных камерах, на каторге; известны они были и демократической интеллигенции. Популярность Огарева увеличивали и многочисленные романсы, написанные на его стихи такими знаменитыми композиторами, как Чайковский, Алябьев, Аренский, Булахов, Варламов, Гурилев, Танеев. Интересно, что русский текст одного из прекраснейших произведений мирового вокального репертуара — «Серенада» Ф. Шуберта («Песнь моя летит с мольбою тихо в час ночной») является переводом Огарева с немецкого стихотворения Л. Рельштаба. Забавно, что этот третьестепенный стихотворец, с которым Огарев познакомился в Германии, жаловался ему, что Шуберт «испортил» его стихи.

В 1858 году Огарев написал еще одно примечательное стихотворение — «Нанутствие» — торжественный призыв к революционеру-агитатору, идущему «в народ» с проповедью социалистических учений. Поэт настойчиво убеждает его «забыть уныния язык» и, благоговей «перед святынею глагола», отбросить рабский слог, слог книжника и фарисея, и учить лишь тех, искренних и сильных людей, которые жаждут «рассудка простоты несложной».

И заключает:

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
 Ступай по городам и селам
 И о грядущем говори
 Животрепещущим глаголом.

Это, в сущности, панегирик живой, ясной и правдивой русской речи. Такую страстную хвалу русскому глаголу можно встретить — и то лишь позднее — в известном стихотворении Тургенева... В «Напутствии» явно ощущается переключкичка с «Пророком» Пушкина — особенно в определении *глагола*.

С предельным лаконизмом провозглашает Пушкин глагол как орудие нравственного очищения. Огарев же подчеркивает его первенствующее, «животрепещущее» значение в историческом развитии человечества и в освободительной борьбе.

Среди произведений Огарева, долго остававшихся ненапечатанными и выявленных только в последние десятилетия, есть одно лирическое стихотворение, написанное в 1860-х годах и обращенное к цыганке:

Мой русский стих, живое слово
 Святыни сердца моего,
 Как звуки языка родного,
 Не тропет сердца твоего.
 На буквы чуждые взирая
 С улыбкой ясною, — умей,
 Их странных форм не понимая,
 Понять в них мысль любви моей.
 Их звук пройдет в тиши глубокой,
 Но я слышу их потому,
 Что этот голос одинокой --
 Он нужен чувству моему.
 И я так рад уединенью:
 Мне нужно самому себе
 Сказать в словах, подобных пенью,
 Как благодарен я тебе —
 За мягкость ласки бесконечной;
 За то, что с тихой простотой
 Почтила ты слезой сердечной,
 Твоей сочувственной слезой —
 Мое страданье о народе,
 Мою любовь к моей стране
 И к человеческой свободе...
 За всё доверие ко мне,
 За дружелюбные названья,
 За чувство светлой тишины,
 За сердце, полное вниманья
 И тайной, кроткой глубины.
 За то, что нет сокрытых терний
 В любви доверчивой твоей,
 За то, что мир зари вечерней
 Блестит над жизнью моей.

Установить, к кому обращены эти строки, не представляло особого труда.

Образ пушкинской «милой, ласковой Мери» и его знаменитая здравница, вероятно, часто возникали у Огарева в присутствии «его собственной» Мери.

Англичанка Мери Сатерленд, последняя любовь Огарева и его подруга последних полутора десятилетий, женщина из «простонародья», ни слова не знала по-русски, да и в английском литературном языке была не особенно сильна. Ей удалось, однако, создать вокруг Огарева ту атмосферу любви, дружбы и душевного покоя, о которой он долго и безуспешно мечтал, живя за рубежом. Мери спасла его от горького одиночества, внесла тепло и радость в его существование. «Ты не нуждалась в моей любви,— писал он Мери, которая была лет на двадцать моложе его,— я навязал тебе свою любовь; ты увидала во мне доброе сердце, хорошее чувство, гуманный ум — и ты подумала, что, наверное, будешь счастлива. А я — я был счастлив с тобой и не подумал, что моя жизнь сильнее и покойнее твоей, что я имею целый мир надежд для своей родины, работы для науки и для поэзии, а у тебя нет ничего, кроме меня и твоего ребенка <...>»

Мучась сознанием, что он недостаточно сделал, чтобы придать жизни своей подруги осмысленный и возвышенный характер, Огарев продумывает для нее особую систему воспитания. Свое письмо он заключает следующим призывом: «Постараемся любить друг друга всем сердцем, сохранить душевный покой, и трудиться и трудиться. Работа — удовольствие моего возраста, и я нахожу, что она заменяет другие удовольствия <...>»

Мери по временам сокрушалась, что допускает орфографические ошибки. — «Конечно, в твоих письмах много ошибок, Мери,— отвечал ей Огарев,— по в них и другое — есть истинный язык сердца, и это-то меня так радует <...> Завтра я напишу тебе первый урок грамматики и объясню строение *стихов*. Ты увидишь, что урок не будет таким скучным, как ты, может быть, думаешь; по крайней мере, я постараюсь сделать его интересным для тебя».

И в другом письме:

«Будем вместе терпеть маленькие лишения в жизни, по тщательно беречь душевную красоту. Ты не имеешь образования, моя Мери, но ты поймешь меня, быть может, лучше, чем образованная; у тебя есть здравый смысл, иными словами — честность ума, и у тебя есть природная душевная красота; береги и то, и другое, их так легко потерять; но еще мало — иметь их от природы, надо их развивать. Я искренно благодарил тебя за твое хорошее письмо; оно было плохо написано, но правильно прочув-

---

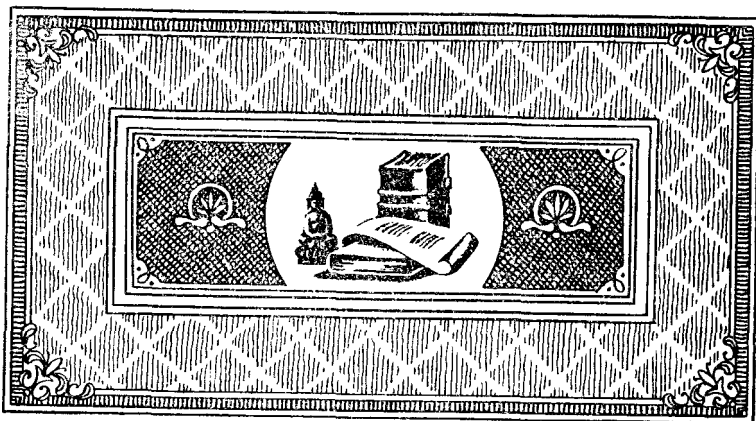
ствовано. Научись писать, по еще более того научись легко читать, чтобы без труда читать серьезные книги, которые расширили бы твой природный ум, дали тебе новые интересы в жизни (...)» (Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М.—Л., 1930. С. 102—106, 115).

Огарев обладал, по словам Герцена, «особой магнитностью» и «способностью притяжения». К нему льнули многие, в том числе и дети его друга, которые любили его чуть ли не больше, чем собственного отца, и это очень нравилось Герцену.

«Огарев, друг мой Огарев,— писал как-то в трудную минуту старший сын Герцена Александр Александрович в еще не изданном у нас письме.— Прежде всего я чувствую потребность тебе сказать, что я тебя люблю — что вся моя любовь к матери перешла к тебе. Я знаю, как ты меня любишь, и знаю, что что бы ни случилось, в чем бы ты меня ни обвинил, ты это сделаешь не с чувством наслаждения над унижением другого — а с материнской болью обо мне; поэтому, в чем бы ты меня ни обвинил (...), я буду все-таки тебя любить той же — нескончаемой — любовью...»

Приведенные отрывки из писем Огарева и к Огареву являются наилучшим комментарием к его стихотворениям, по-новому освещаая и его личность.

„КРУГ ЧТЕНИЯ“

Л. Н. Толстого

Переводы из Блезе Паскаля

А. Кавацца

В творчестве Л. Н. Толстого последних лет книга «Круг чтения» занимает особое место — как по содержанию и своеобразной литературной форме, так и по значению, какое придавал ей ее создатель.

«Какая хорошая книга! Я сам ее составлял, а всякий раз, когда ее читаю, я духовно возвышаюсь», — говорил Толстой (У Толстого, 1904–1910. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 3. С. 405; далее — Маковицкий, том II стр.). В разговоре с посетителями Ясной Поляны Толстой часто сожалел о том, что книга не стала достоянием широкого читателя.

Впервые «Круг чтения» был издан в 1906 году, но идея собрать под одной обложкой мысли выдающихся философов по таким, всегда волнующим человечество вопросам, как любовь, страдание, война, смерть и т. д., и одновременно показать, что эти мысли представляют собой «вечные истины», то есть общечело-

веческие ценности — появилась у Толстого в 1884 году и не оставляла его на протяжении последних лет жизни. В 1884 году Толстой записал в Дневнике: «Надо себе составить «Круг чтения»: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаотцы, Будда, Паскаль, Евангелие.— Это и для всех бы нужно. Это не молитва, а причащение» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 49. С. 68; далее — том и стр.). Через четыре года в письме к Г. А. Русанову он вновь сообщил о своем намерении: «Давно уже я понял, что нужен этот круг чтения, давно уже я читал многое, могущее и долженствующее войти в этот круг, и давно я имею возможность и перевести, и издать,— и я ничего этого не сделал» (64, 152). «Кругом чтения» Толстой стремился привлечь внимание к тем страницам древней и современной литературы, которые он считал полезными для каждого: «(<...> это будет указание на мысли хороших писателей, так что потом будут читать их самих» (Маковицкий, 1, 314).

В Юбилейном издании «Круг чтения» занимает два тома (41 и 42), выпущенных небольшим тиражом (5000 экз.); таким образом, и в наше время этот труд Л. Н. Толстого остается малодоступным широкому читателю.

По форме «Круг чтения» представляет собой сборник изречений, фрагментов, выдержек и цитат, объединенных общим замыслом и расположенных по дням. Книга предназначалась для ежедневного вдумчивого чтения; это — духовная пища, пища для размышлений. Каждый день «чтений» обычно открывался и закрывался сентенциями, принадлежащими Л. Н. Толстому; далее следует тематическая подборка текстов разных времен, стран, языков и народов: Сократа, Платона, Марка Аврелия, Эпиктета, Мора, Ларошфуко, Паскаля, Вольтера, Будды, Лаотцы, а также европейских ученых и писателей нового времени: Шопенгауэра, Капта, Руссо, Ампеля, Мадзини, Рескина, Торо, Достоевского, Чехова и др.

Кроме ежедневных чтений, Толстой включил в «Круг чтения» и так называемые «недельные чтения». Они состоят из отрывков художественных произведений, биографий людей, которых Толстой считал духовно близкими себе. Намерен он был дать и «месячные чтения» (они были запрещены цензурой и появились только в немецком издании).

Свои собственные замечания, суждения Толстой не подписывал; все другие материалы имели ссылку на автора, но без указания источника. Такая форма организации и подачи материала, обладающего, по мнению Толстого, внутренним единством и однородностью, была для него принципиальной: «Важно то, что раз-

ные люди, разных времен сходятся в одном» (Маковицкий, 2, 342), — сказал он Сергею Львовичу, сожалевавшему, что в книге нет точных сносок и библиографических справок. Кроме того, Толстой, будучи автором, редактором и переводчиком текстов, чувствовал себя не просто составителем, но, в известном смысле, и автором этой книги, о которой он сказал: «Это лучшее, что я когда-либо написал» (там же, 525).

В нашей статье мы ограничимся анализом текстов Паскаля, включенных Толстым в «Круг чтения».

Блез Паскаль (1623–1662) — французский физик, математик и мыслитель, которого Толстой очень высоко ценил. В письме к М. М. Ледерле (66, 68) Толстой характеризовал Паскаля как одного из авторов, произведшего на него «огромное» впечатление в возрасте от 50 до 63 лет. Но знакомство Толстого с идеями французского ученого произошло гораздо раньше: в черновиках «Отрочества» упоминается идея Паскаля (известна под названием «пари») и говорится о стремлении, пусть кратковременном, Николенки Иртеньева следовать ей в жизни (2, 287).

Желание бороться против «страсти славы людской» — черта Паскаля, которая особенно поразила Толстого. Именно по этому поводу он любил напоминать себе и другим следующий факт из жизни французского мыслителя: «Паскаль завел себе пояс с гвоздями, который он пожимал локтями всякий раз, как чувствовал, что похвала его радует. — Мне надо завести такой пояс» (62, 265).

В Яснополянской библиотеке хранятся книги Паскаля: «Pensées» («Мысли»), Paris, 1850 и «Les provinciales» («Письма к провинциалу»), Paris, 1873. «Мысли» содержат много пометок Толстого. Они зафиксированы В. Ф. Булгаковым в описании иностранных книг Яснополянской библиотеки, которое хранится в Рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого.

Среди мыслителей, на которых Толстой ссылается в «Круге чтения», Паскаль несомненно занимает важное место. Его жизни и трудам Толстой посвятил очерк, который он включил в «Круг чтения» как «недельное чтение». Именно в этой статье Толстой называет «Мысли» Паскаля книгой «пророческой».

В 57 мыслях Паскаля, включенных Толстым в «Круг чтения», можно выявить три тематических раздела. В первом содержатся мысли о благе, самоотречении, служении ближнему, размышления о боге, вере. Во втором, напротив, читатель обнаруживает сентенции о насилии и войнах, о зле, с которым связаны человеческие пороки и заблуждения. В третьем — размышления о знании, высказывания о науке и разуме.

До «Круга чтения» мысли Блеза Паскаля входили в книги, подготовленные другими составителями и переводчиками (А. И. Орловым, П. Д. Первовым, С. Д. Долговым). Все эти книги были в распоряжении Толстого, иногда он пользовался ими, редактируя перевод, но чаще переводил сам с французского оригинала. В этой работе над источниками ясно обнаруживается манера, стиль Толстого.

Вот, например, как выглядит буквальный перевод мысли Паскаля о нелепости войны, сделанный Первовым: «Может ли что-нибудь быть нелепее факта, что такой-то человек вправе убить меня, потому что он живет по ту сторону воды и его государь в ссоре с моим, хотя я никакой не имею с ним ссоры?» (Мысли. М., 1899. С. 62).

У Толстого иначе, точнее и проще: «Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живет на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?» (42, 83).

Неясное в русском контексте «по ту сторону воды» заменилось конкретным: «на той стороне реки»; исчезли книжные обороты: вместо «нелепее факта» — «нелепее того»; «не имею с ним ссоры» — «не ссорился с ним».

Характерна и другая черта в работе Толстого: стремление к меткости, краткости, к афоризму, который бы запоминался, сразу западал в память и сознание читателя. Вот как звучит в переводе Первова рассуждение Паскаля об имущественном неравенстве и его несправедливости: «Без сомнения, равенство имуществ справедливо; но не имея возможности принудить человека повиноваться справедливости, люди сделали так, что стало справедливым повиноваться силе; не будучи в состоянии сделать сильною справедливость, они сделали справедливою силу, чтобы соединить справедливость и силу, чтобы водворить мир, который есть высшее благо» (там же, 85–86). На этой основе Толстой создал свое оригинальное краткое изречение, афоризм, отличающийся от текста Паскаля: «Из того, что возможно насилем подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилем» (42, 44).

Толстой часто любил повторять в последние годы своей жизни: «Умирать придется одному». Эта мысль Паскаля встречается в Дневниках и письмах Толстого в связи с его размышлениями о самоотречении и о природе духовных благ. В «Круг чтения» она вошла в авторский текст самого Толстого о вере и о том, как ее приобрести: «Чтобы иметь истинную веру, надо воспитывать ее в себе. А чтобы воспитывать, надо творить дела веры.

Сущность же дел веры не в великих подвигах, а в делах незаметных, ничтожных, но творимых исключительно для бога.

«Умирать придется одному», сказал Паскаль. И жизнь истинная — только та, когда живешь один, перед богом, а не перед людьми» (41, 35).

Эта тема разживается в письме к А. В. Алехину от 14 мая 1891 года (65, 296). «Умирать придется одному» — часть достаточно пространного размышления Паскаля. При сравнении с подлинником выясняется, что Толстой перевел не буквально, а с серьезными поправками. Надо заметить также, что Толстой не сохранил глагол в первом лице единственного числа («Я вижу, что мне не помогут умирать: я умру один...»), а перевел в третьем лице единственного числа, то есть придал изречению всеобщий, относящийся ко всем смысл. Этой стилистической форме вообще отдается предпочтение в «Круге чтения».

Толстому важно было обличить зло, научить добру. Поэтому иногда он не сокращает, а дополняет Паскаля (таких случаев в книге три), обозначая под текстом: «по Паскалю».

Например, под 12 мая помещен такой отрывок: «Представьте себе толпу людей в цепях. Все они приговорены к смерти, и каждый день одни из них умерщвляются на глазах у других. Остающиеся, видя этих умирающих и ожидающих своей очереди, видят свою собственную участь». Следующую фразу Паскаля: «Такова же человеческая жизнь» (перевод Первого) Толстой преобразовал в вопрос: «Как надо жить людям, когда они в таком положении?» и продолжил так: «Неужели заниматься тем, чтобы бить, мучить, убивать друг друга? Самые злые разбойники в таком положении не будут делать зла друг другу. А между тем все люди находятся в этом положении — и что же они делают?» (41, 320).

Ответить на этот укоризненный вопрос Толстой оставляет читателю.

Доступность переводов большинству — главный принцип, которым руководствовался Толстой в своей работе переводчика и редактора Паскаля. В соответствии с этим он часто сокращает длинные предложения или излагает их упрощенно, устраняя все синтаксические трудности, которые характеризуют текст Паскаля. Однако там, где у малоквалифицированного литератора, каким был Первый, можно встретить стилистические шероховатости («в излишней послушности», «гибельный порок»), у Толстого — литературно чистый текст («в излишнем послушании», «губительный порок»).

Толстой переводил свободно, но для того, чтобы отойти от

водлинника, у него были основательные причины: облегчить понимание текста, устранить все, что в нем является лишним по содержанию и по стилю. О том, что он не всегда придерживается оригинала и что было бесполезно искать в «Круге чтения» точные переводы, он сам предупреждал в предисловии: «Если же кому нужны точные переводы, то всегда найдутся такие работники — ремесленники, которые, в роде работы типографов, будут исполнять это, тоже в своем роде, не бесполезное дело» (42, 473). Точный перевод не является его главной целью. Цель другая: «<...> сделать книгу как можно более доступною и полезною большинству читателей» (там же).

До последних лет жизни Паскаль оставался для Толстого одним из любимейших писателей. 17-го июля 1910 года Толстой написал в Дневнике: «Очень, очень слаб, ничего не работал. Читал чудного Паскаля» (58, 80). В августе того же года, когда Толстой продиктовал В. Ф. Булгакову для сборника «Путь жизни» перевод паскалевского высказывания «Своя воля никогда не удовлетворит <...>» (45, 389), он ее прокомментировал следующим образом: «Вот эта мысль <...>, которая меня переворачивает сегодня, мне так близка, точно моя!.. Я чувствую, как я в ней сливаюсь душой с Паскалем. Чувствую, что Паскаль жив, не умер, вот он! <...> И так через эту мысль он соединяется не только со мной, но с тысячами людей, которые ее прочтут» (Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 317). Паскаль был не только любимым мыслителем Толстого, но чем-то большим: с ним Толстой испытывал духовное родство и через него с другими людьми. Именно для того, чтобы питать эту духовную общность между людьми, предназначен «Круг чтения» — любимый труд Толстого последних лет жизни.

Болонья, Италия

Чем более понятно произведение искусства, тем оно выше. Искусство тем более общедоступно, чем оно проще, кратче и потому яснее передает чувство. Точно так же, как в области логической мысли передача ее тем драгоценнее, чем она проще, короче и яснее. Точно так же в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде.

Л. Н. Толстой

К УРОКУ ЛИТЕРАТУРЫ

„О Русь — малиновое поле...“

Эпитеты в лирике С. Есенина

Л. С. Кателина,
кандидат филологических наук

В поэзии Сергея Есенина эпитеты занимают особое место, в них ярко отражается своеобразие его лирики, особенности языка и стиля поэта. В этой связи приведем исчерпывающее высказывание академика А. Н. Веселовского: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением. И не только стиля, но и поэтического сознания» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 73).

Эпитеты Есенина весьма разнообразны по своему лексическому составу, причем с годами они заметно изменялись, совершенствовались. В ранний период творчества Есенина в качестве эпитетов нередко использовал различные устойчивые выражения живого разговорного языка: *дремучая глушь, крепкий сон, незавидная доля, широкий простор*. Эти и подобные им словосочетания, конечно, свидетельствовали о народности языка поэта, но являлись довольно нейтральными в стилистическом отношении, и позднее он их почти не употреблял.

В ранних стихах Есенина можно еще встретить просторечно-диалектные эпитеты: *вихлистое приволье, забольная кукушка, дьячишко ледящий, летошняя весна, сухой войлок* и др. Однако вскоре он осознал ненужность употребления таких эпитетов. Например, в первом издании «Радуницы» находим диалектный эпитет *странник улогий*. Впоследствии Есенин писал: «Весь этот местный рязанский колорит я из второго издания своей „Радуницы“ выбросил» (Есенин Сергей. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. М., 1961, с. 355; далее стихотворные примеры даются по этому изданию). В частности, *странник улогий* был заменен им на *странник убогий*.

На заре творчества у Есенина встречаются, обусловленные особенностями его детского воспитания, церковные мотивы и образы: *божья мать, иорданские псалмы, пречистый спас* и др.

Однако религиозность Есенина не была глубокой. В одной из «Автобиографий», касаясь своего детства, поэт писал: «В бога верил мало. В церковь ходить не любил». Употребляемые в некоторых (преимущественно ранних) стихах Есенина религиозные эпитеты сколько-нибудь значительных идейно-эстетических функций не выполняли, чаще они имели назывной, номинативный характер.

Совершенно иное дело — фольклорные эпитеты, органично вошедшие в его поэзию. Приведем лишь некоторые примеры: *белая береза, снега белые, красная девица, крутая гора, море синее, земля сырая, темная ночь, черная ворона, поле чистое*. При этом Есенин обнаруживает глубокое понимание специфики эпитетов различных жанров народного творчества. В стихотворении «Сиротка», в котором использован сюжет известной народной сказки «Морозко», употребляются устойчивые выражения разговорной речи и сказочные эпитеты: *мороз трескучий; мачеха злая, лисья, сердитая; сестрица неродная* и др.

В стихотворении «Лебедушка», написанном на основе распространенной народной песни «Как по морю — морю синему», используются общефольклорные эпитеты и эпитеты традиционных лирических песен: *лебедь белая, слезы горькие, красна зорюшка, цветы лазоревые, детки малые, малые лебедушки, родимая мать, лес темный, туча черная, трава шелковая* и др. Эти фольклорно-песенные эпитеты употребляются в стихотворении вместе с авторскими эпитетами, созданными по их подобию. Показательным является, например, первый куплет стихотворения «Лебедушка»:

Из-за леса, леса темного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Однако наиболее характерными для Есенина были эпитеты, созданные на основе современного ему литературного языка. Их отличает самобытность, оригинальность. Многие его эпитеты являются метафорическими. Только у Есенина можно встретить: *багряная метель, васильковое слово, журавлиная тоска, лунная осень, соловьиный рассвет*.

Обращает на себя внимание особое пристрастие Есенина к некоторым эпитетам. Так, Е. М. Галкина-Федорук подметила, что излюбленными для него являются определения *голубой, синий и золотой* (Галкина-Федорук Е. М. О стиле поэзии Сергея Есенина. М., 1965, с. 59–62). Приведем примеры использования таких эпитетов: *голубые воды, голубой край, голубой покой, голу-*

бое поле, синие глаза, синий вечер, синий май, синяя звездочка, листва золотая, золотой огонь, золотая Русь и др. Как видим, некоторые из них являются метафорическими.

Эпитеты (во всех их лексических разновидностях) выполняют в лирике Есенина очень важные идейно-художественные функции. Они служат созданию яркой образности, эмоциональному выражению мыслей и чувств поэта. В связи с этим остановимся на некоторых темах и мотивах поэзии Есенина.

Одной из важнейших в лирике Есенина, проходящей через все его творчество, является тема природы. При помощи разнообразных эпитетов поэт рисует картины природы всех времен года. Причем эти картины, отдельные штрихи природы — типично русские: *Россия полевая, рязанское раздолье, золотые снопы, рыжие стога, белые березы, рябина красная, черемуха душистая, голубая полынь, августовская прохлада, снеговое раздолье, воробышки игривые*. С ростом мастерства поэта описания природы становились все более и более колоритными.

Тема природы в поэзии Есенина сливается с темой России, выраженном любви к Родине. Приведем строки из его стихотворения «Запели тесаные дроги» (1916):

О Русь — малиповое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Любовь к Родине, родному краю — лейтмотив лирики Есенина. Это нашло свое отражение и в эпитетах: *Русь родная, край родной, родные поля, край родимый, родимые места, отчий край, отчий кров, Родина любимая, земля любимая, любимые края*. Использует Есенин и другие эпитеты, с помощью которых он также выражает сыновью любовь к Отчизне, родной земле. Так, в стихотворении «Русь» (1914), заметив, что зимой в глухой русской деревне тонут избушки в «ухабных», «воют в сумерки долгие, зимние, волки грозные с тощих полей», поэт заявляет:

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Поэт не оставался равнодушным к многострадальному русскому крестьянину, искренне сочувствуя его бедности, его горестям: «Ах, поля мои, борозды милые, / Хороши вы в печали своей! / Я люблю эти хижины хилые / С поджиданьем седых матерей».

Но он верил в лучшее будущее Родины. В 1925 году в стихотворении «Неуютная жидкая лунность...» Есенин писал:

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

Отличительные черты лирики Есенина — ее искренность, правдивость и эмоциональность. Поэт выражал сложнейшие душевные состояния, передавал глубокие психологические, нередко противоречивые, переживания. Это отразилось и на характере его эпитетов: *грустные думы, грустные слова, грустная усталость, душевные муки, тоска мятежная, радость убогая, чувственная дрожь, чувства нежные, простые, тяжелые; улыбка тихая, злая, лукавая, странная.*

Известно глубокое определение своеобразия лирики Есенина, принадлежащее Горькому: «⟨...⟩ Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком» (Горький М. Собр. соч. в 30 томах, Т. 17. М., 1952, с. 64).

Высокая эмоциональность, напряженный психологизм стихов Есенина были обусловлены отраженным в них полным драматизма историческим периодом, особенностями душевного склада поэта, его творческим кредо: не щадя себя, говорить в своих стихах только правду, только то, что глубоко пережито и прочувствовано самим. В 1925 году Есенин писал:

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Воронеж

«Слово, яснее полдня...»

Антонимы в поэтическом мышлении
Роберта Рождественского

В. В. Волков,
кандидат филологических наук

Раздвоение едпного и познание противоречивых частей его (...) есть *суть* (...) диалектики, — читаем в лепинской заметке «К вопросу о диалектике» (Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316). В науке о языке принцип «раздвоения единого» представлен как противопоставление противоположных по значению слов, раскрывающих общее им родовое понятие. Так, противоположные стороны понятия «общительность» выражаются антонимичными прилагательными *разговорчивый* и *молчаливый*, «искренность» — *правдивый* и *лживый*, антонимы *большой* и *маленький* сходятся в понятии «размер», а *веселье* и *грусть* объединяются в «настроении».

Анализ антонимических противопоставлений помогает определить, какие понятия являются ключевыми для проблематики и идейного строя художественного произведения. Так, у Пушкина читаем (здесь и далее в стихотворных примерах курсив наш. — В. В.):

Они сошлись: *волна* и *камень*,
Стили и *проза*, *лед* и *пламень*
Не столь различны меж собой.

Волна и *камень*, *лед* и *пламень* — явно несовместимы. Но ведь сошлись Онегин с Ленским «и скоро стали неразлучны» в том, что объединило противоположные характеры, — в дружбе. Это ключевое понятие, расширяясь до «дружбы-вражды», довлеет над всей историей взаимоотношений пушкинских героев. И глубоко неслучайно, что именно Дружба — одно из самых значимых для Пушкина понятий — реализовано не в одной, а сразу в трех антонимических парах.

Обратимся к поэме Роберта Рождественского «Посвящение», а конкретнее, к тому отрывку, где поэт, защищая стихотворчест-

во от пустомыслия, полемически остро излагает свое художественное кредо:

Как это?
Слово,
    яснее полдня,
слово,
    свежей, чем запах озона,
и тяжелее ночного боя,—
вдруг
    невесомо?

В самом деле, из чего складывается «весомость» поэтического слова? Прежде всего из его ясности, неординарности, содержательности, на что указывают сравнительные обороты; *яснее полдня; свежей, чем запах озона; тяжелее ночного боя*. Тщательный подбор антонимов вызывает к размышлению: как может такая поэзия оказаться «невесомой»? Нет, утверждает автор в другом отрывке, «слово, расцвеченное особо, слово, обрушивающееся, как кувалда», — весомо!..

Некоторые ключевые понятия, лежащие в тематической основе произведений Рождественского, объединяются в антонимические пары. «Жизнь» и «смерть», сливающиеся в Памяти, — это его поэма «Реквием»; «сегодня» и «завтра», выразившиеся в Революции, — это мысль, заложенная в другой его поэме «Письмо в тридцатый век». Здесь прямое продолжение отечественной традиции использования стилистического приема антитезы. Вспомним у Блока в «Двенадцати»: «Черный вечер. Белый снег» — символическая антитеза Революции; у Маяковского: «Блэк энд уайт» — антонимическая пара как символ расизма.

У нашего современника Рождественского в поле поэтического зрения нередко оказываются такие ключевые понятия, как Эпоха, Выбор, Память, Ответственность. Поиск нужного слова (или, скажем, емкой пары антонимов!) поэт часто ведет, соединяя личное и общественное, индивидуальное и коллективное. Понимая, что проблема смысла жизни — глубоко личная проблема, поэт тем не менее вопросом «Зачем?» (в «Поэме о разных точках зрения») задается не для себя одного, а для всех нас:

Зачем?
Грядущие
    и прошлые,
Громадины,
Горошины,
Плохие
    и хорошие,
Зачем?

софская правда. Действительно, как сказал другой наш хороший поэт, Б. Окуджава, «высокопарных слов не надо опасаться» — просто надо уметь их произнести. И все же некоторые, особенно дорогие нам идеи пужаются в сугубой защите. Среди них — понятие Будущего и нашей за него Ответственности. Лучший способ защиты от глупца — для начала дать ему высказаться. Отсюда нередкое в современной гражданской поэзии открытое противопоставление поэта и обывателя. Мецанин попытается пародийно «заземлить» авторские антитезы:

Но зачем в тридцатый?
Можно дальше!
.....
Ну а если бить наверняка, —
ты б дожил
до будущего года,
пишущий

в грядущие века.

Письмо в тридцатый век

В двух словах на столь ядовитую реплику не ответил. Ответом становится сам формирующийся сегодня Человек завтрашнего дня — человек, способный творчески принять в себя все противоречия мира и слить их в диалектической гармонии созидания, человек, четко очерченный Блоком в поэме «Возмездие» еще на заре нынешнего столетия:

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь глад ума.

Стремление объять мир во всем его многообразии и целостности — важнейшая примета лирического героя поэзии Рождественского. «Кому принадлежу?» — спрашивает поэт и, отвечая, крупными мазками набрасывает картину внешнего и внутреннего мира современной личности, для которой естественно принимать в себя все — не только «удачи и ураны», «закат и зарю», но и талант, и бездарность, «законы и присяги», «твисты и присядки»... До высокого пафоса эта мысль поднимается в стихотворении «Родился человек» — «нищий», беспомощный и в то же время, с младенчества, «властелин мира»:

Взрослеет человек.
Он —
нищ.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Слова и выражения*

Мих. Осоргин

II

Пытаюсь ответить на письма и устные замечания по поводу моей статьи «Слова и выражения». Очень хорошо и приятно, что находятся охотники беседовать о таком, казалось бы, скучном предмете, как русский язык.

Один читатель, с фамилией на «о», обиделся на мое замечание, что чистая великорусская речь портится внесением в нее южнорусских и, в частности, «одесских» выражений. Он пишет: «Конечно, нам, южанам, далеко лезть в калачный ряд». И вслед за тем приводит список иностранных слов из разных заметок, напечатанных в том же номере газеты, что и моя статья (сплин, эмиссары, конгресс, инсургенты и пр.).

Вонстину — в злоупотреблении этими легко заменимыми словами (скука, посланцы, съезд, повстанцы) южане не виноваты, — по их ничто и не винят. В данном случае речь шла только о словах областных и местечковых, но по корню русских, и об испорченных русских же выражениях.

* Окончание. Начало см. «Русская речь» № 5 за 1988 г.

Пример такой испорченности дает сам пишущий возражатель: «Нам, южанам, далеко лезть в калачный ряд». Что это значит? Почему «далеко»? Есть русская пословица: «С суконным рылом, да в калашный ряд». Родилась эта пословица, по-видимому, в Новгороде (новгородская «суконная сотня»), распространилась повсюду. Еще говорят «с посконным» и «с мякшнным» рылом, а также «С калашным рылом да в булошную» (по московскому говору) или «калачным» — «булочную» (плохой питерский говор). Подразумевается «нечего соваться». Эту пословицу (в ее первом виде) охотно и многократно употребляли Островский («Семейная картина») и Щедрии («Благонамеренные речи», «За рубежом» и др.). И коверкать ее не следует.

Говоря же о словах иностранных, я даже сам подчеркнул, что следует очищать речь от слов ненужных и напрасных, а все не выпаривать их без остатка. Сам привел и примеры слов, уже окончательно вошедших в русскую речь (календарь, библиотека, директор, идиот), хотя для этих понятий имеются и русские (месяцеслов, книгохранилище, управляющий, слабумный). Следовательно — не нападение на иностранщину, а только защита от нее; защита природных богатств от чужого мусора. Сам же, в начале этой статьи, с чистой совестью употребил слова «фамилия», «газета».

Но вот любопытное возражение (кстати — слово «любопытный» может прилагаться и к человеку и к вещи, и в смысле «любящий допытываться» и в смысле «занимательный»; придирки к этому слову напрасны!). Пишет мне один возражатель («оппонент»), что «чем больше языки волюют друг в друга свои корни, тем доступнее станет взаимное понимание, отсутствие которого (т. е. разность языков) мешает ходу («процессу») исторического развития и слиянию человечества в единый народ.

Идея всечеловечества («космополитизм») весьма высока и священна. Но ошибочно думать, что жить в мире, в тесном и братском общении, человечеству мешает разноязычие. Русский солдат Платон Каратаев, ни единого слова не знавший по-французски, отлично понял француза, как и француз понял его, — и оба вместе осуществили идею общечеловеческого единения. Француз отдал Каратаеву обрезки полотна, а Каратаев это оценил: «Говорят — нехристи, а тоже душа есть. Сам голый, а вот отдал же». Язык любви и человечности бессловен и беззвучен. Конечно, разностранцы — философы или математики лучше понимают друг друга, чем люди несхожих занятий и устремлений. А всего лучше понимают друг друга дипломаты, — так не от них ли ждать подвига на путях мира всего мира?

Есть такой анекдот. Мальчик спрашивает отца:

— Папа, что такое воляшюк?

— Это — общий для всех народов язык.

— А кто на нем говорит?

— Никто.

Идя пока-что взад-пятки по путям развития идеи всечеловечества, встречая на этих путях самую крайнюю и ожесточенную защиту народностями своих «прав» на самоопределение и на родной язык, мы, не оставляя служения этой идее, должны найти к ней совсем иной подход. Говорить о нем здесь — значило бы далеко уйти от основного предмета беседы. Возвращаясь же к нему, я скажу, что широкое распространение знания иностранных языков оказывается гораздо более плодотворным, чем постепенное образование международного «воляшюка», к которому начинает приближаться русский газетный язык. Это не язык будущего, а просто — жаргон, различный для каждой страны, где есть русские. Почитайте «русские» газеты, выходящие в Нью-Йорке! Их не всегда поймет даже наш парижский воляшюкист! В Берлине говорят «взять унтергрунд», а в Париже «взять метро»; в Берлине «вы были в Цоо?» — а у нас «я живу в Пассах». С другой стороны, сейчас не редкость встретить человека, говорящего на десяти иностранных языках. На днях один безработный в письме в редакцию заявил, что он владеет четырнадцатью (что, конечно, не мешает ему голодать). Писали об ученом, владевшем 70-ю языками. Усложняется жизнь, увеличиваются потребности, изощряются человеческие способности и память. Это так же естественно, как было бы естественным и правильным в России не упрощать правописание (в силу ложной надежды поднять этим грамотность), а постепенно усложнять его из потребности в новых звуковых сочетаниях, для которых недостает точных знаков. Более, чем мы, нуждаются в этом, например, французы, у которых нет ни твердого «л» (русского и английского), ни «х» (русского), или итальянцы, не умеющие оканчивать слово согласной буквой.

И — еще ближе к предмету — за чей же счет, какой язык принося в жертву, создавать язык международный? Выходит, что за **русский**, или вообще славянский счет? Но почему? Потому что он занимает по распространенности (по числу на нем говорящих) второе место на свете? Или потому, что он — самый на свете богатый (это совершенно бесспорно) язык? Тут вопрос не о «национальной гордости», а о простом здравом смысле!

Во всяком случае мы, русские, не имеем никаких оснований

жертвовать своим языком во имя «идеи всечеловечества»; для этой идеи мы жертвовали и еще пожертвуем многим другим.

Но — или быть языку, или ему не быть. Если быть, то развиваться он должен из своих корней в возможной своей чистоте, чтобы остаться цельным и породистым. Чехи это понимают, изгоняя иностранные слова с изумительным усердием.

Мы не призываем к такому «избиению младенцев», так как нет у нас для этого политических оснований. Но нужно, по меньшей мере, щадить ухо сородичей. Лишь об этом я и писал в своей предыдущей статье.

Еще одно разъяснение. Заменять слова иностранные — русскими, это не значит переводить иностранные слова. Это совершенно не нужно, потому что всякое понятие можно выразить русским словом или оборотом, не прибегая к переводу. Самый точный перевод даст только один оттенок, а наш природный язык богат именно оттенками равнозначущих слов («синонимами»). Можно привести много примеров. Беру первый попавшийся — слово «натуральный», так часто употребляемое. Его перевод — «природный»; его русские оттенки к случаю — естественный, подлинный, настоящий, неподдельный, правильный, правдивый, верный, бесспорный, неприкрашенный, действительный, несомненный, явный, ясный, прямой, цельный, целостный, убедительный, непреложный, неложный, истинный, похожий (про цвет лица), вполне передающий, хорошо сделанный, чистый, без примеси (про вино), соответствующий, отвечающий и еще множество. То же слово, в форме наречия («натурально»), вызовет дополнительный поток слов: конечно, разумеется, точно, без сомнения, ясное дело, в самом деле, заведомо, надо признаться, не шутя, есть тот грех, шутки в сторону, еще бы, ей-ей, что говорить, а как же, — и опять без конца выражений всевозможного оттенка. Я сам выше употребил слово «идея»; оно заменимо, но прочно вошло в язык. Но «идеальный» — вполне ненужное слово: совершенный, возвышенный, высокий, исключительный, недостижимый, непостижимый, прекрасный, превосходный, заверченный; в других смыслах — духовный, мыслимый, надзвездный, заоблачный и т. д., и т. д.,

Конечно, если патолкать в русскую речь две трети слов иностранных, то ее, возможно, поймет и француз; но плохо то, что ее не поймет русский человек с неисковерканным ухом. Не все знают, какое глубокое возмущение простого читателя вызывают статьи писателей, злоупотребляющих напрасными иностранными словами! Недовольство вполне законное: никто не обязан разбираться в тарбарщине, когда то же самое может

быть сказано на хорошем родном языке. Наше «просвещенное» («интеллигентское») ухо привыкло, в сущности, к чудовищному «русскому» языку. Кого удивят такие выражения:

«Лидеры тред-юнионов категорически протестуют против декрета» (вожди рабочих союзов решительно возражают против указа...).

«Происходят операции японской армии по оккупации района Кииджоу» (происходит движение японских войск для занятия округа Кииджоу).

«Опубликованы результаты референдума» (обнародован подсчет голосов).

«По проекту президента секции, должны быть сконцентрированы все активные элементы оппозиции правительству» (по мысли председателя отдела, должны быть собраны воедино все живые силы противников правительства).

«Урегулирование (упорядочение) отношений»... «Комментарии (толкования) излишни»... «Активный бойкот выборов (противодействие выборам)»... «Формирование и комплектование (сбор и пополнение) отрядов»...

И вот, наконец, последний пример того, как в две строчки попадает восемь лишних слов иностранного корня, — а наше ухо их почти не замечает:

«После лекции выступали оппоненты, причем большинство ораторов указывало на шаткость основной позиции лектора и дефекты в разработке деталей темы». А по-русски проще: «Большинство выступивших после доклада указало докладчику на шаткость его основного положения и на ошибки в подробностях разработки предмета».

Я несколько злоупотребил примерами, чтобы больше не возвращаться к вопросу об иностранных словах. Гораздо труднее и сложнее вопрос о засорении языка своими, русскими, жаргонными оборотами и словечками, речи не обогащающими (пройти «тудаю и сюдою» вместо «там и здесь»; «одеть» на нос очки; повесить «польта»). Если уж возвращаться — то к подобного рода примерам. Но газета — не школа, и приходится щадить читателей, которым важнее всего знать, как «комментирует официальная пресса ультимативную декларацию германской делегации в репарационной комиссии».

III

Две мои статьи под тем же заголовком прибавили работы писмоносцам: передо мной груда читательских сочувствий и возражений. Вступать в споры об отдельных словах я не могу,

а чтобы это не было принято за «отлынивание», с охотой допущу, что в приведенных мной заменах иностранных слов их однозначными русскими могли быть неточности и ошибки. Но (отвечаю одному из читателей) считать, что слова «лошадь», «ямщик», «башмак» — тоже иностранные, так как происхождения татарского, я никак не согласен. «Иностранные» — те слова, которые заимствуются из живого языка иной страны. Нельзя же, например, к иностранным причислять слово «ведать», так как оно от санскритского корня!

Вообще, я не пытаюсь усложнять вопрос, углубляясь в корнеизыскания. Пусть даже слово иностранное; если оно давно уже стало нашим, всякому попятно и ничьего уха не режет, если оно необходимо и незаменимо — какой смысл против него воевать? Из «принсипа»?

Не зря пишу это слово «принсип». Один из читателей прислал мне небольшой перечень исковерканных иностранных слов, прижившихся в нашем зарубежном жаргоне. Так, например, у нас здесь в ходу слово «фотоженичный» (вместо фотогеничный); пишут у нас «насифизм» (вместо пацифизм). «Что же, — спрашивает читатель, — уж не начать ли говорить «автоженная сварка», «гижиена» и «биоложия»? — Замечание тем любопытное, что оно намекает на появление русских жаргонов, особых для разных стран рассеяния. Одни говорят «кино», другие «сино», третьи «чино» (в Италии), как одни носят шляпу «па́нама» (Италия), другие «панáма» (так говорили в России), третьи «панамá» (во Франции). А кубики для несъедобного супа покупают в «Магги», у «Маджи» и у «Мажи».

Говорить ли о «трам» — «трамвай», «метро» — «унтергрунд», «кило» — «кíло», «такси» — «тэкси», «ауто» — «ото» и прочем? О привившихся восклицаниях — «тьен», «джа», «зо»? Жаргон готовый!

Еще отрывок письма читателя из Болгарии. С удивлением прочитал, что «причиной автомобильного аксидана был дерапаж». Слово «автомобиль» общеизвестно; можно догадаться по смыслу, что значит «аксидан»; но как узнать, что это — просто занесло машину на скользкой дороге? И какими «ажанами» населен Париж? И почему у вас молодые люди сдают «башо», а не оставляют его себе? И какой он, этот «башо», большой, маленький, красный, зеленый? — «Чтобы читать русские газеты, — пишет другой, — нужно иметь не словарь, а целое собрание словарей». — И еще один пишет мне: «Почему бы не завести в редакциях и в обществах штрафную кружку? У нас в полку завели, чтобы стучить от матерных слов, — и, представьте, сначала

деньги в нее лились рекой, а после люди приучились к воздержанию от «таких» выражений».

Большинство читателей, упрекая газетных и журнальных сотрудников в злоупотреблении иностранными словами, объясняют это тем, что вот люди «хочут свою образованность показать». Вряд ли справедливое обвинение! Думаю, что это простая лень мысли, даже в большей степени, чем незнание и спешка. Русский язык, с его богатством оттенков, очень труден. И вот, вместо того, чтобы подыскивать подходящее слово русское, человек обходится привычным — иностранным, чеканным («штампованным», «шаблонным»), годным на все случаи, как ко всем гайкам подходит английский ключ и ко всем замкам воровская отмычка. Оттенок, правда, остается неиспользованным, — но поймут и так! Сначала широко пользуются иностранными словами, понятными большинству русских («экономическое» положение — вместо хозяйственное, «резюлюция» — вместо решение), затем появляется «пакт» вместо договора и соглашения, а там, по скользкой дороге, докатываются и до «аксидана» с «дерпажем». При доброй привычке к коверканью речи человеку уже и в голову не приходит, что кому-то все эти слова покажутся новыми и непонятными. Кончается это тем, что русский человек, выхолостивший из своего языка все богатство оттенков, — сам перестает понимать родную речь, если она не переведена на международный воляпюк. Он знает, что значит «горизонт», еще помнит, что есть слова кругозор, небосклон, небосвод, но уже изумлен остальными русскими «переводами» горизонта, как озор, огляд, овид, завес, завесь, небозем, глазоём, закрой. Они ему и непонятны и смешны! Он их стыдится ввести в речь, опасаясь упрека в «славянофильской назойливости». И он, вероятно, искренне уверен, что таких слов люди порядочные и образованные употреблять не должны, — как нельзя носить высокие сапоги и косоворотку па больших парижских бульварах! Да и кто понимает и говорит их? Кто-то «там, в глубине России», где так узок умственный «кругозор»!

«Охрана родной речи» делается гораздо труднее и сложнее, когда от злоупотребления иностранщиной мы переходим к исковерканным словам и выражениям русским.

Еще легко смеяться над «парой пустяков», — но как, например, быть с «парой штанов», предполагая, что она от двух «пиджачных пар»? В «Известиях» были опубликованы «Правила обложения предметов роскоши», где есть строка: «Освобождению от цалога подлежат: одна пара часов» и пр. А как сказать? Две

штуки часов? Двое часов? Два часа? Две часы? Почему нужно говорить «двое мужчин», а нельзя «двое женщин»? Я гулял с «тремя» или с «троими» товарищами? Она не ценит себя «саму» или «самое»? «Рабу» или «рабыню»? В «одних» или в «одних» рубашках? Но в таком случае — спрашивают — почему же «обеими», а не «обоими» руками?

Отвечает на это, конечно, грамматика, но отнюдь не всегда ясно и вразумительно. И никакая грамматика не помешала узакониться в советской печати ужасному канцелярскому выражению, уже воспринятому и здесь: «Согласно постановления», «согласно вашего письма»... Это гораздо хуже, чем советское же жаргонное «ну, пока», правильно сокращенное из «ну, пока до свидания!» Впрочем, говорят и просто: «ну, до!» Говорят же итальянцы: «чао!»

Русский беженец «хорошо смотрит», «хорошо выглядит» (даже «выглядывает!») и «делает впечатление». Между прочим, «делали впечатление» еще в шестидесятых годах, когда вообще портили свой язык французской болтовней; затем это забылось, а сейчас появляется снова. В Москве нанимали извозчика, западнее его стали «брать», а в Париже мы уже «берем» целое метро.

Выписываю из тетрадки газетные выражения; точно так же, впрочем, и говорят многие:

«Аэроплан закончен постройкой. Газета приостановлена выходом. Войска одержали значительный успех. Вы в недоумении поднимаете плечами. Летчик вылетел из аэродрома. Французская лошадь не обскакает английскую. Я очень устал сделать это сам. Убийца, выстрелив, стал бежать. Самое непосредственное участие. Продавали почем попало. Г-жа Кюри, садящая дерево. Последний снимок румынского короля. Дальнейшие шаги прекрасной инициативы. Еще не засохли перья, оплакивавшие смерть. Травы упруго ворочались под подошвой. Билет дает право на сидячее место. Не могли прийти на помощь заживо сгоревшим. Лекции по теории шахматов. Начало вечера обещало быть скучным».

«Аэроплан, конечно, закончен рабочими, а не постройкой, как и газета приостановлена людьми, а не выходом. «Стал бежать» — даст невозможный образ бега на месте. «Снимок румынского короля» намекает на пристрастие короля к занятию фотографией. «Сидячее место» — не совсем прилично. Что касается до «садящей дерево» г-жи Кюри, то тут мнения расходятся. Один из читателей основательно возражает мне, приводя такие примеры из пушкинского «Онегина»:

1. Капусту садит, как Гораций.
2. Сажают прямо против Тани.
3. Зовут, сажают двух друзей.

Или в русской песне:

Сама садик я садила,
Сама буду поливать.

Иными словами — можно одинаково употреблять «садить» и «сажать». И, все-таки... невозможна «г-жа Кюри, садыщая дерево», и это признает всякий, «имеющий ухо». Правила пет, по должен быть слух. И, не связанный стихом, вряд ли Пушкин сказал бы «садить капусту»! «Садик садила» — появилось в песне так же, как «думу думала», «горе горевала», — для красоты созвучья.

Вообще же — ссылка на авторитеты не всегда убедительна. Сам Пушкин писал: «на теме гор» (вместо на темени), «был отказан» (ему отказали), «остановлял взор» (останавливал). Позже он признал и исправил эти ошибки. Толстой писал: «Через маленький полчаса», «Вследствие наслаждения отдыха», «Эту встречу мы сделали», «Я не гадлив» (в смысле «не брезглив»; все примеры из «Путевых заметок»). Тургенев писал: «Лицо его могло показаться смешным, благодаря длинному носу». Наш большой мастер языка Бунин делает опisku: «Тысяча отвратных фигур, лиц»... (слову «отвратный» равнозначнее не «отвратительный», а «отвратимый»; встретив это слово в статье М. Лобанова, Пушкин отметил его вопросительным знаком). Нет и не может быть писателя, который не делал бы ошибок!

Еще один читатель, поделившийся со мной любопытнейшими соображениями о русской разговорной речи, пишет между прочим:

«Почему же питерский говор, говор Гумилева и Блока, плохой, почему он хуже московского?»

Стихи Блока прекрасны. Но что общего между стихами и говором? Пушкин, воспевающий Петербург, в отношении говора отдавал предпочтение московским просвириям («Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям: они говорят удивительно чистым и правильным языком»).

Труднейшее в русском языке — ударения. Тут ссылка на «авторитеты» окончательно невозможна:

«Что ты клопишь над водами, ива,
макушку свою?»

Тютчев

«У наших ушки на макушке».

Лермонтов

Возможно, что у Тютчева в одной строке две ошибки в ударении («водами» и «макушку»). Но словарь Даля отмечает оба ударения в последнем слове. Некрасов, Никитин пишут «кладбище», в Москве говорят «кладбище», Даль и Зеллинский отмечают оба ударения. Где ударения в словах «ворвался» (у Майкова на конце), «взобрался» (у Тютчева на конце), или в словах «рубей», «мельком», «английский»? Опять — слух, предписывающий говорить «зарубежный» и решительно воспрещающий говорить «деньга́ми», «ломоть», «молодежь». Легче со словами иностранными («библиотека», «госпиталь») — тут есть чем руководиться. Ужаснейшие ударения в беженстве: «поня́л», «чи́хать», «позво́нишь», «послала́», «здро́рово» (в смысле «полезно»),

Я не пытаюсь не только исчерпать, но и подробно наметить искажения русского говора и русского письма. Это — дело языковедов («лингвистов»), которые несомненно могли бы поддержать или опровергнуть многое из того, что здесь написано. Скажу только, что у нас подход неизбежно должен быть разным. Языковед обязан быть «ученым» и «бесстрастным». Для него помень и слияние языков — законное и естественное явление. Для нас, простых «любителей» чистого русского языка, всякое его искажение — как бы источник личных страданий. Может быть, любви к нему в нас больше, чем его настоящего знания, — но любовь не сильнее ли знания? Предоставляя политикам, техникам и философам стряпать особый язык, на котором им удобнее объясняться и который «будет общим языком человечества», — мы повторяем вслед за Пушкиным: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований». И в своих суждениях о чистоте и правильности русской речи мы исходим из сопоставлений с языком своего народа, а не тех «избранных», для которых «перпендикуляр» понятнее и милее русского отвеса.

Пишет один читатель: «Неужели вы надеетесь, что таким походом против порчи языка можно чего-нибудь у нас достигнуть?» — «Поход» — слишком громко! Можно ли достигнуть хоть малого — не знаю. Но, на худой конец, не так уж плохо быть и «гласом вопиющего в пустыне»! Усердный отклик читателей, которым всем ответить я не в силах, доказывает, что пустыня не совсем пустая: кое-кем заселена.

Публикация О. Г. Ласунского

Вычислить кого-либо

С. А. Пугач,
кандидат филологических наук

Слово *вычислить* в последнее время испытывает смысловые и стилистические изменения, которые проявляются в речевой практике и представляют интерес для изучения процессов, происходящих в лексике русского литературного языка наших дней. Оно продолжает широко употребляться в тех значениях, которые закреплены языковой традицией. Его основное, исходное значение академической «Словарь русского языка» в четырех томах раскрывает так: «произведя действие над числами, найти искомое; высчитать». Например: «Формулы, предложенные им, позволяют вычислить скорость и направление движения льдов в любом районе Северного Ледовитого океана» (Каверин. Два капитана).

Вместе с тем в смысловом объеме слова стало складываться совершенно неожиданное значение, не отмеченное современными нормативными словарями, но уже зафиксированное в качестве семантического неологизма «Словарными материалами — 81» (под редакцией Н. З. Котеловой) — «*вычислить* кого-либо. Выяснив, сопоставив общие данные, соотнести их с кем-либо (в разг. речи)»: «Скажем сразу — непросто было „вычислить“ Ларису Артюхову среди сотен работниц Ленинградского производственного объединения. Нужна была, так сказать, среднестатистическая Лариса, типичная сборщица... Мы листали табели, конторские книги, долго беседовали в отделе кадров. Получилось вот что: нашей героине лет 23–29, стаж работы на заводе пять-девять лет, образование среднее, разряд третий-четвертый» (Неделя. 1981. № 37).

Из приведенного примера видно, что «вычисление» в данном случае не предполагает обычных операций с числами и направлено не на предметы, которые могут быть сосчитаны, а на человека — *вычислить Ларису*, то есть найти, установить ее. Необычность такого значения очевидна. Она чувствовалась и самим автором, что отмечено заключением слова в кавычки.

Формирование неологизма — это реакция языка на возросший авторитет и притягательность точных методов исследования, основанных на современной аналитической технике. Но не все можно считать, поэтому в прежнем слове сохраняется только звуковая оболочка, а его содержание и грамматические свойства

перестраиваются, приспособляясь для передачи соответствующего понятия. Первоначально обозначая «установить, подсчитывая», переходный глагол *вычислить* мог сочетаться только с названиями неодушевленных предметов, подлежащих счету: *вычислить зарплату, вычислить стоимость постройки* и т. п.

Решающим сдвигом в становлении нового осмысления оказалось устранение из его значения идеи арифметического подсчета. Слово стало управлять названиями предметов, не поддающихся счету. В этом смысле глагол применяется не столько для регистрации уже известных фактов, сколько для познания новых. Так у слова сложилось расширительное значение — «установить, выявить, обнаружить»: «...Волгина интересовал вопрос: единственный ли раз в жизни присутствовал автор „Карамазовых“ при подобном зрелище... „Вычислить“ это было несложно» (Комсомольская правда. 1986. 13 окт.); «Я вычислил это в тех документах, которые мне поручили рассортировать в архиве» (Семенов Ю. Экспансия).

Такое значение не случайный, изолированный в речи факт. С ним по смыслу перекликается своеобразный синоним — слово *просчитать* (варианты, ходы), то есть найти методом перебора, тоже еще не зафиксированное в этом значении нормативными словарями: «Все равно ты не сможешь просчитать ходы тех, кто обладает информацией и свободой передвижения...»; «Каждое слово она просчитывает сейчас, она все время хочет мне сказать что-то и не решается...» (Семенов Ю. Экспансия).

И еще одна ступень развития нового значения связана с расширением действия переходного глагола на названия лиц — *вычислить кого-либо*. Вот интересный пример, в котором отразились две фазы формирования неологизма: переход действия на названия предметов, не допускающих счета, и далее на наименования одушевленных предметов: «Вдумайся! Неужели ты этого не понимаешь? Нет, так кто-то другой непременно должен был бы столкнуться с тобой. А я вычислил эту встречу... — Быть может, ты и меня вычислил? — И тебя. Наша встреча с тобой была неотвратима...» (Айтматов. Плаха).

Сфера употребления нового значения глагола *вычислить* остается стилистически ограниченной рамками разговорной речи и ее отражением в языке художественной литературы и публицистики. Иногда его выбор как бы подсказывается описанием в том или ином отношении сходных ситуаций: «Лишь память о том, что старика он заранее вычислил на платформе как своего, смирила недовольство» (Штемлер. Поезд); «Поскольку отставной полковник предупредил, что будет встречать в форме, дочь Люб-

ченко, Марина, сразу „вычислила“ на вокзале Симона Агаловича» (Правда. 1987. 2 янв.). Другие примеры: «Скажите, Валентин Дмитриевич, есть ли у медиков возможность выявить наркомана, „вычислить“ его в толпе?» (Комсомолец Донбасса. 1986. 5 окт.); «Он поднялся, устало думая о том, как Роумэн смог его вычислить...» (Семенов Ю. Экспансия).

Итак, новое значение слова *вычислить* – «установить, обнаружить, опознать кого-либо путем сопоставления общих данных» – является фактором речи, но еще не стало общепринятым, нормативным. Его возникновение связано с усиливающимся в наши дни стремлением аналитически рассматривать различные, в том числе и бытовые, ситуации, расширением способности этого глагола сочетаться с другими словами, растущим влиянием на литературный язык разговорной и профессиональной речи. Неологизм встречается и в авторской речи, и в диалогах. Отдельные писатели проявляют к нему явную склонность, что мотивировано его смысловым «удобством», тематическими, жанровыми и стилистическими особенностями текста.

Белгород

Построить гигант или построить гиганта?

Л. И. Рахманова,
доцент Московского университета

се говорящие на русском языке при употреблении слов в прямом значении обычно легко ориентируются в том, какие существительные являются одушевленными (а значит, имеют форму винительного падежа, совпадающую с формой родительного), а какие – неодушевленными (винительный их совпадает с именительным). Иными словами, как правило, не существует проблемы, какую именно форму следует употребить в винительном падеже. Но она может возникнуть, и часто возникает, когда пишущий (говорящий) прибегает к образным средствам, представляющим собой олицетворение (или одушевление). Например, автомашину или какой-то другой механизм называют *добрым другом*, *именитым конкурентом*, *красавцем*, *именинником*, *деревом – старшим собратом растений*, *кедр – царем тайги*, необычно

крупные плоды — великанами. Используя подобные средства, одни авторы выбирают винительный одушевленности: «Машина вернулась с кучей пробоин. Зайцев... вместе с техником накладывает заплату на своего „красавчика“» (Московская правда. 1971. 20 февр.); другие — винительный неодушевленности: «Этой стальной конь местные хлеборобы получили с завода еще в 1936 году» (Правда. 1976. 10 марта); «Детенышей обезьян отнимали от матери и растили в клетке, где они имели на выбор две искусственные «мамы» — металлическую, которую можно было сосать («кормящая мама»), и другую, с мягкой шерстью, но не кормящую» (Яновская. Тайны, догадки, прозрения).

Как видим, разнобой налицо. Но, может быть, дело в недостаточном знании грамматических правил, и тогда нужно просто посмотреть в соответствующие справочники? Нет, в данном случае они мало чем помогут. Во-первых, потому, что они описывают неполно те группы существительных, которые, называя переносно неживое, сохраняют одушевленность. Во-вторых, речь в них идет о переносных значениях традиционного характера, то есть о тех метафорах и метонимиях, которые отражены в толковых словарях и в большинстве своем образность утратили, например: *счетчик* — о приборе, *дворник* — о стеклоочистительном механизме, *истребитель* — о самолете и под.

Чем же тогда руководствоваться при затруднениях в выборе формы винительного падежа, если используемое выразительное средство является индивидуально-авторским?

Чтобы дать какие-то рекомендации, необходимо сказать сначала о той общей тенденции, которая проявляется в современном употреблении: использовать формы в зависимости от реального содержания. Поэтому пишут (и говорят) часто «врач пришла» о женщине (хотя слово *врач* имеет грамматический мужской род), и «большинство молодых игроков выступают в сборной впервые» (хотя *большинство* — единственное число), «три новых дома построены» и т. д. Эта тенденция распространяется и на выбор падежа: то, что переносно становится названием живого, связывается с грамматической одушевленностью (этот переход осуществляется достаточно последовательно); то, что переносно становится названием неживого, обычно связывается с грамматической неодушевленностью. Точнее говоря, наблюдается тенденция к замене противопоставления «одушевленность-неодушевленность» противопоставлением «живое-неживое», где под живым современное языковое сознание говорящих понимает предмет, способный к «самостоятельным» действиям (см. об этом главу III в книге В. А. Ицковича «Очерки синтаксической нормы». М., 1982).

Следовательно, если автор, используя выразительное средство, одушевляет неживой предмет, приписывает ему признаки, действия живого существа, то логичен винительный одушевленности. «А тем, кто обижает зеленого *друга* [о деревьях, кустарниках], следует напомнить о законе» (Мичуринская правда. 1979. 17 апр.) – винительный одушевленности *друг*, который ассоциируется с живым существом, с человеком, поддержан здесь другим словом – *обижать*, также вызывающим представление о людях. То же можно сказать и о слове *товарищ* – по отношению к судну – в следующем контексте: «Подошедший спасатель ледового класса „Сибирский“ пробирался метр за метром к „Сабску“ и „Боевому“. К концу дня, *устранив* собственные неполадки, к нему на помощь пришел дизель-электроход „Виктор Васнецов“. Двое суток они *бились за «товарища», попавшего в беду...*» (Правда. 1987. 19 февр.).

Но и в тех случаях, когда ощутимой сколько-нибудь поддержки в контексте нет, винительный одушевленности можно считать оправданным, если выразительное средство (называющее в прямом значении живое существо) относится к индивидуально-авторским, поскольку в сознании носителей языка оно связывается именно с живым, активно действующим существом: «Одно из воздушных течений и занесло «пришельцев» [воздушные шары] на австралийскую землю» (Комсомольская правда. 1987. 4 янв.).

Что же касается тех выразительных средств, которые сейчас уже не принадлежат к индивидуально-авторским, то есть тех метафор и метонимий, которые в нашем сознании не являются характеристикой только живого существа, то в выборе винительного падежа существенную роль играет характер контекста. Так, если в нем в той или иной степени развивается олицетворение, то есть уподобление предмета живому существу, более оправданным следует считать винительный одушевленности. Если же, напротив, контекст не предполагает олицетворения, более логичен винительный неодушевленности. «Сейчас по товарообороту оно занимает в городе четвертое место, пропустив впереди себя только признанных *гигантов* „Гостинный двор“, ДЛТ и „Пассаж“» (Веч. Ленинград. 1972. 4 февр.). Оправданно выбранная здесь форма одушевленности служит средством, подкрепляющим выраженную лексически образность (*пропустив впереди себя*), которая, в свою очередь, поддерживает и эту форму.

А вот примеры контекстов иного рода: «Проектировщики разрабатывают новые металлургические *гиганты*» (Правда. 1971. 21 марта); «Создавать такой *гигант* приходилось впервые» (Ком-

сомольская правда. 1965. 5 янв.). Ближайшее лексическое окружение метафоры *гигант* (*разрабатывать, создавать*) явно исключает идею одушевления, поэтому в обоих случаях автор логично выбрал винительный неодушевленности.

В печати встречаются такие метафоры, которые, несмотря на частое использование по отношению к неживому, все-таки связываются в сознании преимущественно с обозначением человека. Этим, по-видимому, объясняется винительный одушевленности в следующих примерах: «На всех этих участках, включая и *первенца* сибирской электрификации, пуско-наладочными работами руководил...» (Кузбасс. 1967. 1 апр.); «Километровая дорога свяжет две крупные магистрали, превратит тупиковый проект Вернадского в *дублера* Ленинского проспекта» (Веч. Москва. 1972. 17 марта). Но этим формам не отвечают контексты, которые не только лишены других олицетворяющих средств, но и явно не предполагают своим деловым характером никакой живности.

Что же предложить в таком случае? Винительный неодушевленности? Но ведь слова *дублер* и *первенец* вызывают в памяти прежде всего представление о человеке. Очевидно, наилучшим выходом было бы избежать вообще употребления винительного падежа. Так, в первом примере после слова *включая* можно было бы дать название того конкретного предприятия, которое имелось в виду, во втором — вместо *превратит* употребить, например, глагол *сделает*, для которого нужна конструкция с творительным падежом: *сделает дублером...*

Рассмотрим теперь олицетворяющие выразительные средства с точки зрения другой грамматической проблемы — рода. В этом случае речь пойдет о нарицательных существительных па -а, входящих в состав слов общего рода, типа *малютка, неженка, рабояга*.

В современной речи они нередко характеризуют свойства, качества неживых предметов: «*Работяга* вертолет, добрый помощник строителей» (Комсомольская правда. 1965. 26 окт.); «*Домкрат-малютка* просто незаменим, когда нужно поднять груз, расположенный в труднодоступном месте» (Комсомольская правда. 1987. 9 июня). При таком употреблении никаких грамматических трудностей не возникает. Они появляются тогда, когда подобные слова сопровождаются определениями, в которых и отражается представление о роде существительных общего рода в конкретных условиях их использования; мы говорим: «Петя — *такой* перяха», «Маша — *такая* перяха».

Наличие этой трудности подтверждается сравнением примеров, где предметы, называемые существительными одного грамматического рода (в приведенных ниже примерах — мужского), характеризуются сочетанием слова общего рода то с определением в мужском роде, то в женском: «Конкурент «ТУ» — харьковский малышка [о вертолете]» (Комсомольская правда. 1966. 13 мая); «АН-2 — отличный работяга» (Правда. 1965. 11 янв.); «Юркая «малютка». Этот маленький погрузчик поистине вытворяя чудеса: крутился на месте, как волчок, демонстрируя исключительную маневренность, и одновременно уверенно работал ковшом...» (Правда. 1985. 22 мая); «Этот миниатюрный автомобиль собрал житель Западного Берлина Клаус Хофман... Эта малютка очень экономична» (Комсомольская правда. 1987. 10 апр.). Как видим, примеры иллюстрируют грамматический разнобой в одноименных случаях употребления. Следовательно, одни из них правильны, другие — нет. Какие же правильны?

Во всех примерах существительные общего рода выступают в роли изобразительного, олицетворяющего средства, уподобляют предмет живому существу, поэтому естественно воспринимать грамматический род названий как своеобразный показатель «пола». Это значит, что, употребленные применительно к предметам (или животным), существительные общего рода должны иметь определения в формах того рода (мужского или женского), к которому принадлежат названия предметов (или животных). Поэтому правильны примеры: конкурент «ТУ» — харьковский малышка, АН-2 — отличный работяга; неправильны: юркая малютка — о погрузчике и эта малютка — об автомобиле.

Но предмет, названный существительным среднего рода, тоже может в стилистических целях получить олицетворяющую характеристику: «Дынное дерево — большая неженка». Совершенно очевидно, что определение *большая*, сопровождающее существительное *неженка*, нельзя ставить в зависимость от слова *дерево*, поскольку грамматический средний род не имеет соответствия с биологическим полом. В таких случаях решающим становится морфологический «облик» существительных общего рода. Иначе говоря, слова *малютка*, *неженка* при названиях среднего рода следует употреблять с прилагательным в женском, как это диктуют слова с окончанием *-а*. Так и поступил автор цитированного примера: «Дынное дерево — большая неженка».

Предложения со значением желательности

Л. Ф. Бердник,
кандидат филологических наук

В

школьной грамматике простые предложения по цели высказывания делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные. Так, предложение «Дни поздней осени бранят обыкновенно...» (Пушкин. Осень) – повествовательное; «Кто при звездах и при луне Так поздно едет на коня?» (Пушкин. Полтава) – вопросительное; «Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня, Черноглазую девицу, Черногривого коня!» (Лермонтов. Узник) – побудительное. А как классифицировать предложение «О, если б голос мой умел сердца тревожить!» (Пушкин. Деревня)? Оно явно не относится ни к одному из названных трех типов. А таких предложений много в русском языке, и они играют определенную роль в процессе общения людей. Это предложения со значением желательности, или оптативные.

В русской грамматической традиции описания этих предложений нет, только в работах последних лет они учтены как самостоятельный тип, но отмечены пока самые общие их признаки (см., например: Современный русский язык / Под редакцией В. А. Белошапковой. М., 1981; Современный русский литературный язык / Под редакцией Н. М. Шанского. М., 1981). В «Русской грамматике» они определены как «предложения со значением желания» (М., 1980. Т. 2. С. 88).

Оптативные предложения имеют специфическое модальное значение, которое нельзя отождествлять с побудительным, особые средства выражения этого значения; их нельзя преобразовать в вопросительные, в отличие от повествовательных. «Русская грамматика» определяет их как высказывания, выражающие «эмоционально-волевое устремление к тому, чтобы что-либо осуществилось, существовало».

Эти предложения имеют сложную и разнообразную семантику. По выражаемому в них смыслу они делятся на два основных типа:

1) предложения, выражающие желательность, которая может стать реальной, и 2) предложения, выражающие желательность, которая никогда не осуществится. Примеры первого типа:

«Отдохнуть бы! Устал я, Надя!» (Горький, Враги). Примеры второго типа: «Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твоё предсказанье!» (Пушкин. Песнь о вещем Олеге).

Эти общие значения распадаются на целый ряд частных. Так, предложения первого типа могут выражать собственно желательность: «Напиться бы, — сказала Федосья. — Да, напиться бы, — повторила Маслова» (Толстой. Воскресенье); «Вот бы съездить на эту дачу! — сказал я» (Алексин. Повесть Алика Деткина); оттенки нетерпеливого желания: «Скорее бы он пришел!», «Хоть бы лето скорее!», «Ах, кабы ночь поскорей!..» (А. П. Островский. Гроза). Или желания-опасения: «Поезд бы не опоздал!», «Как бы дождь не пошел!», «Как бы он нас не догнал»; желательность избираемого и единственного: «...Мне только бы досталось в генералы!» (Грибоедов. Горе от ума); «Только б слушать песни — сердцем подпевать, Только бы струилась легкая прохлада, Только б не сгибалась молодая стать» (Есенин. «Я иду долиной. На затылке кени»); желательность целесообразного и полезного: «Вот бы взять да и уехать от этих людей!» (Горький. Достигаев и другие); «Хоть бы какая-нибудь Мона Лиза из восьмого или девятого класса отвлекла его! — выражала надежду Оленька» (Алексин. Безумная Евдокия).

Предложения второго типа также имеют несколько частных значений. Они выражают желательность, которая не может стать реальной: «Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!» (Чехов. Вишневый сад), а также желательность, которая не осуществилась, но была бы целесообразна: «Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» (Чехов. Три сестры).

В русском языке есть глагольные и неглагольные типы онтативных предложений. Глагольные типы различаются способом выражения сказуемого. Это может быть глагол прошедшего времени с частицей *бы*, *б*: «Вы бы меня угостили, что ли» (Катаев. Сын полка); «Сидели б вы себе спокойно там» (Пушкин. Каменный гость); инфинитив с частицей *бы*: «Лошади наши в тайге, скоро и мы там будем, только бы задержать немного» (Фадеев. Разгром); глагол повелительного наклонения: «Хоть душу отпусти па покаянье!» и «...Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев, и барская любовь!» (Грибоедов. Горе от ума). Неглагольные типы бывают двух видов: номинативные (назывные) и генитивные (с главным членом — родительным падежом существительного): «Без занавесок можно обойтись. А вот тумбочки

бы... тумбочки очень нужны...» (Вигдорова. Дорога в жизнь); *«Эх, теперь бы хороший костер!»* (Волончук. По тылам врага); *«Чаю бы!»*; *«Воды бы!»*

В опативных предложениях обязательный компонент — частицы *бы, если бы, лишь бы, только бы, пусть бы, хоть бы, чтоб, хорошо бы, вот бы, когда бы, кабы* (просторечная), *лишь бы только, скорей бы только* и др. С помощью этих частиц, а также ситуации и контекста выражаются различные оттенки в значении предложений. В отрицательных высказываниях сообщается нежелательность действия, поступка, состояния: *«Не глядя на жену, но понимая, что ей стыдно за мать, он пробормотал: — Не надо бы отцу плясать. — И матушке не надо бы, — ответила она тихо»* (Горький. Дело Артамоновых); *«Ах, если бы не война! Или тогда не ощущал бы так остро всей этой прелести природы?»* (Сердюк. Разглашению не подлежит).

На первый взгляд кажется, что желательность всегда обращена в будущее. Однако это не так. В каждом конкретном случае возможна временная соотнесенность: *«Чаю бы!»* — сейчас, в данный момент; *«Я писала тебе, а ты не ответил. Ну и что же... Только бы ты прочел. Только бы душа была обогрета, глаза усмехнулись из-под век, только б счастлив ты был, что где-то существует твой собственный человек»* (Тушнова. «Ночью на станции — ветер, ветер...») — желательность обращена в прошлое; *«О, если бы пожизненно быть мне такой нелюбимой!»* (Тушнова. «Я рядом с тобою...») — в будущее.

Рассматриваемые предложения передают субъективное отношение говорящего к высказываемому, его личную заинтересованность, поэтому встречаются в разговорной речи и в художественной литературе (в диалогах и монологах действующих лиц), особенно часто в поэзии: *«Хорошо бы, как ветками ива, сирокнуть в розовость вод»* (Есенин. «Закружилась листва золотая...»); могут быть ярким средством художественного изображения внутреннего мира человека, его переживаний, дум, чувств:

Я молод: но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

Лермонтов. «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья»

Выражение воли определенного лица, чаще всего лирического героя, влечет за собой определенные эмоции — отрицательные или положительные:

*О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурсю братом назвался бы я!*

Лермонтов. Крест на скале

Смысловое своеобразие оптативных предложений определяет их роль в тексте. Они могут выражать отношение говорящего к событиям, давать оценку реальной ситуации, выражать желание того, чтобы эти события осуществились или не осуществились: «Зверь теперь в поле... Эх, кабы борзые!» (Бунин, Антоновские яблоки);

Давно бы из сил я выбилась,
когда бы все время не помнила:
только бы не споткнуться,
только бы не разбилось,
только бы кто не отнял!

Тушнова. «Гере несешь — думаешь, как бы с плеч сбросить...»

Окружающий текст часто подтверждает нереальность выполнения пожелания: «Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. *Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало...* Вы психонат, нюня, а *будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион*» (Чехов. Иванов).

Приведенный иллюстративный материал свидетельствует, что оптативные предложения отличаются большим разнообразием смысловых и стилистических оттенков, обогащают литературную речь живыми, разговорными интонациями.

Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Объясните, пожалуйста, значение слова *ренегат*».

Н. Н. Коржов, *Людиново, Калужской обл.*

Ренега́т (от латинского *renegare* — отречься) — человек, изменивший своим убеждениям и перешедший на сторону противников; изменник, отступник.

В. Д. Бондалетов. СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Интерес к языку как социальному явлению — одна из отличительных черт языкознания XX столетия. Сегодня вряд ли возможны серьезные занятия лингвистикой без учета природы и функций языка, обусловленных происходящими в обществе процессами.

Подход к языку как общественному явлению всегда был методологической основой советского языкознания. Однако многие вопросы этой науки еще недостаточно глубоко изучаются в вузовских курсах лингвистических дисциплин, не находят места на занятиях по русскому языку в средней школе, остаются неизвестными широкому читателю. Поэтому представляется весьма своевременным выпуск издательством «Просвещение» первого в нашей стране учебного пособия «Социальная лингвистика» (М., 1987), написанного известным ученым-лингвистом В. Д. Бондалетовым и адресованного студентам-филологам.

Цель этого пособия автор формулирует следующим образом: «...познакомить с методологической основой социально-лингвистических исследований в нашей стране, с предметом и основными понятиями социолингвистики, историей советской социальной лингвистики, ее современной проблематикой, а также методами и приемами этой

науки». Книга знакомит читателя с наиболее известными в отечественном языкознании определениями социальной лингвистики, принадлежащими таким крупным исследователям, как В. М. Жирмунский, Ф. П. Филин, Б. Н. Головин, Ю. Д. Дешериев и др. Опираясь на широкое понимание социальной лингвистики как науки, изучающей «общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество», В. Д. Бондалетов намечает круг важнейших проблем, в частности, общественные функции языка, функции литературного языка и нелитературных речевых сфер, вопросы речевой вариативности и многие другие.

Автор предпринял попытку проследить зарождение, становление и современное состояние социолингвистики как науки. Выделены три основных этапа в истории этой науки: 20–40-е годы нашего века (труды А. М. Селищева, Н. М. Каринского, Е. Д. Поливанова и др.); 50–60-е годы, когда совершенствовались методы исследования в процессе изучения темы «Русский язык и советское общество», накопец, современный этап, ознаменовавшийся развертыванием социолингвистических исследований на базе не только

языков народов СССР, по и других стран.

Наиболее важными в книге представляются главы, в которых дан анализ результатов изучения русского языка в социолингвистическом аспекте. Например, рассмотрен вопрос о соотношении литературного языка и таких форм общения, как народно-разговорный язык, койне, просторечие, территориальные и социальные диалекты, вспомогательные смешанные языки межэтнического общения (язык-пиджин), «креольские» языки, образующиеся в результате современных этнических интеграций, и т. д.

В пособии рассматривается проблема социально-исторического типа языка и его развития

на протяжении различных общественных эпох, истории русского языка в связи с историей народа и культуры. Читателя, без сомнения, заинтересуют материалы о развитии русского языка в условиях современного научно-технического прогресса и, в частности, о формировании научных терминологических систем.

Закономерен вывод о том, что современная социальная лингвистика призвана решать широкий и разнообразный круг задач, которые входят в проблему «язык и общество».

А. А. Буров,
кандидат филологических наук
Пятигорск

В. В. Колесов. МИР ЧЕЛОВЕКА В СЛОВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Новая книга ленинградского профессора В. В. Колесова «Мир человека в слове Древней Руси», выпущенная издательством Ленинградского университета (Л., 1986), органично сочетает в себе признаки «узкой» монографии (обращенной к специалистам) и массового научно-популярного издания, вполне доступного широкому читателю, если он готов к вдумчивому чтению. Ничем не поступаясь в строгости, глубине и обстоятельности анализа, не отказываясь от многочисленного (а потому и доказательного) фактического материала, сохраняя характерный для монографий аппарат (цитаты, ссылки, литература, источники) и не сокращая объема своей публикации, В. В. Колесов одновременно учитывает, паряду с интересами коллег-лингвистов, и потребности адресата: используются приемы стимуля-

ции внимания, манера изложения напоминает непринужденную беседу, лишь в абсолютно необходимых случаях употребляется профессиональная терминология и т. д.

Рассматривая историю слов, развитие их семантики, В. В. Колесов показывает и «реальную историю древнерусского общества», строит «модели человеческого мира в представлениях Древней Руси» (с. 6).

В. В. Виноградов подчеркивал, что древние тексты «возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры средневековья», поэтому для лексиколога необходима не только «широкая сравнительно-славянистическая и историко-этимологическая подготовка», но и хорошее знакомство «с древнерусской культурой, бытом, идеологическими

воззрениями, научно-общественными течениями, состоянием техники, профессионального труда Древней Руси и т. п.» (Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. ВЯ, 1968, № 1). Эти требования полностью выдержаны в монографии В. В. Колесова. Он формулирует яркий лингвистический афоризм: «Признак — всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов — исходных представлений — в законченное понятие о предмете» (с. 13). По мнению автора, «каждое древнее слово по исходному своему смыслу является мотивированным, и в своей реконструкции мы всегда можем сказать, что именно лежит в основе данного исходного представления» (там же). Таким образом, начальный этап исследовательской работы — установление мотива именования, а когда этот мотив установлен, он приоткрывает нам фрагмент древнего мировоззрения.

Фиксация мотива именования — это отправная точка для изучения истории слова, причем если (с современных позиций) конечным результатом развития можно считать те смыслы, которые отражаются толковыми словарями последних лет, то исследовательским предметом историка русского языка (древнейшего периода) оказывается промежуточное, среднее, состояние. Не чураясь игры слов, В. В. Колесов подчеркивает: «Средние века (...) последовательно и неуклонно объективировали мир в глазах человека. Эти века потому и «средние», что в развитии цивилизации стоят на середине пути — от древнего варварского мира (...) к представлениям нашего времени» (с. 15). Задача историка языка — адекватно

(т. е. без модернизации и других извращений) уловить и внятно описать эту «среднюю» лексическую семантику, и при этом важно не упустить ее национальное своеобразие: «...национальное своеобразие проявлялось в словесных образах, в той «внутренней форме слова», которая возникает в глубокой древности при каждом новом пазывании, затем развивается постепенно во множестве переносных значений слова, сохраняющих заветный предками словесный образ» (с. 294). Существенно также принять во внимание коренную ломку мировоззрения, которую претерпевала духовная культура Древней Руси: «...эпоха Древней Руси связана со схваткой язычества и христианства в борьбе за умы людей» (там же).

Такова, в самом общем представлении, общетеоретическая позиция автора книги. Не меньший интерес представляют конкретные разыскания В. В. Колесова, который в пяти главах рассматривает древнерусскую лексику пяти обширнейших семантических полей: «свой и чужие» (с подразделениями: племена и колена, род и семья, семья и свои, близкие и ближние, друг и брат, чужой и гость, враг и ворог); «жизнь и свобода» (также с подразделениями); «человек и люди»; «дом и мир»; «власть и держава». Приверженность автора фактам делает его заключительный тезис не декларацией, а закономерным обобщением частных наблюдений: «Неопределенный и не всегда поначалу точный признак древнего словесного образа выкристаллизовывался со временем в термин-понятие, что составляет определенный этап в постижении... мира... конкретный мир языческого быта сме-

вается условной и пока что неясной отвлеченностью средневековых идей; научная абстрактность постижения мира будет

достигнута позже — уже современной нам культурой» (с. 294).

*Е. М. Верещагин,
доктор филологических наук*

Петр Тимофеев. ДОБРЫЕ ДЕЛА НЕ ИСЧЕЗАЮТ

Фольклорный сборник «Добрые дела не исчезают» (М., 1987) включает в себя песни, частушки, пословицы, поговорки и сказки Донбасса. В нем впервые народное творчество этого края представлено без излишних писательских прикрас и «доработок», в том виде, в каком оно живет в народном сознании.

Петр Тимофеев более десяти лет усиленно занимался записями фольклора Донбасса. Нет в Донецкой области села, в котором бы он не побывал, не познакомился бы с местными исполнителями песен и сказов. Исследовал он и часть Ворошиловградской области.

Известно, что каждое исполнение может быть очень разным — от образцового, творческого воспроизведения до заурядного пересказа. В связи с этим перед составителем стояла задача: отобрать из огромного числа вариантов текстов наиболее совершенные в художественном отношении.

В качестве особенности фольклорных текстов Донбасса можно назвать то, что ввиду их позднего образования в них почти полностью отсутствуют ритуально-магические черты, которые присущи произведениям устного народного творчества более ранних эпох. Фольклорные тексты Донбасса полностью находятся в области чисто словесного искусства.

Русский фольклор Донбасса, имеющего сравнительно молодую историю, развивался в

соответствии с русскими фольклорными традициями и шире — со славянскими традициями; на него большое влияние оказывал бытующий рядом украинский фольклор. Это еще одна особенность народного творчества данного региона.

Весьма интересной частью сборника являются пословицы и поговорки, которых здесь около 230. Если в песнях, частушках, сказах народ Донбасса передавал и передает свое поэтическое осознание действительности, то в пословицах отразились обобщения народного ума: *Кто ложёт, тот и крадёт; Куда сердце лежит, туда и око глядит; Гнилой сарай новой крышей не удержишь; Скажешь курице, а она всей улице; Рада бы курица на свадьбу не идти, да за хвост волокут; Шапочка в две денежки — и та набекрень; Какой у тебя разум, такая у тебя и жизнь; Горняцкая дружба крепка не лестью, а правдой и честью* и мн. др.

Хороши в сборнике и варианты сказов «Шубин» и «Верная дружба», которые существенно отличаются от уже известных. Они лаконичны и по-народному непосредственны. Познакомившись со сказом «Верная дружба», читатель поймет, откуда идут истоки крепкой, надежной шахтерской дружбы, которая неоднократно освещалась в современной художественной литературе.

Основную часть сборника составляют песни. Причем пред-

ставлены здесь обрядовые свадебные, хороводные, шуточные песни, частушки — как дореволюционные, так и советской эпохи. Песня, пожалуй, самый любимый жанр у народа. Люди поют всегда: когда им трудно и когда отдыхают, когда тяжело на душе и когда радостно. В песне в значительной степени отражается целостность поэтического восприятия народом окружающего мира, поэтому, читая или слушая народные песни, нельзя не обратить внимания на преобладание в сознании нашего народа здоровых, жизнеутверждающих, гуманных начал.

К настоящему времени многие народные обряды, например, связанные со свадьбой, ушли в прошлое. Постепенно забываются и исчезают свадебные песни. В сборнике Петр Тимофеев дает реконструкцию свадебного обряда, последовательно называя его элементы, характерные для Донбасса. Каждой части этого ритуала соответствуют определенные песни. И включение их в сборник позволяет сохранить этот важнейший этнографический и художественно-эстетический материал, что придает книге особую ценность. Причем в сборнике содержатся сведения об исполнителях, о месте и дате записи каждого приводимого текста. Составитель проводит и сопоставительную работу: при наличии общерусских вариантов текста называются ранее изданные источники, где эти варианты зафиксированы.

Частушки представлены в сборнике циклами, они сгруппированы так, что одна предполагает другую, вызывает ее к жизни и дополняет. Основная часть частушек — а всего их в сборнике более 350 — отличается тематическим богатством, лексическим разнообразием (здесь и диалектизмы, и украинизмы, и шахтерская лексика), художественностью и динамичностью. Например:

Голубые глазки — злые,
Карие — лукавые,
Но а серые глаза
Режут сердце без пожа.

Говорят, не в красоте
Счастье заключается,
Только парни почему-то
Не в меня влюбляются.

В сборнике Петра Тимофеева много достоинств, но, к сожалению, есть и недостатки. И в главном из них следует упрекнуть издательство. В книге, включающей такое большое количество текстов, нет оглавления, не указаны даже страницы разделов. Это, конечно же, затрудняет работу с ней, ее приходится часто листать в поисках нужного материала.

Думается, что книгу «Добрые дела не исчезают» с пользой для себя прочитают все, кто интересуется поэтической мыслью русского народа.

В. А. Филатов,
кандидат филологических наук,
Донецк

**Из Нормативно-стилистического словаря
русского языка**

В — за. При обозначении срока, временного промежутка употребляются и предлог *в* и предлог *за*: *сделать работу в один день* и *сделать работу за неделю* и (с оттенком разговорности) *выздороветь в неделю* и т. д.

Конструкции с предлогами *в* и *за* могут различаться оттенками значения: с предлогом *в* указывает на срок, период со-

вершения действия, а конструкция с *за* — на протяженность во времени, на длительность процесса, выполняемой работы и т. п. Например: *сделать в три часа* (т. е. в такой отрезок времени) и *сделать за три часа* (т. е. в течение, в продолжение трех часов); *в прошлом месяце* (т. е. какое-то время назад) и *за прошлый месяц* (т. е. за истекший срок).

Деверь — шурип. Слова различаются по значению.

Деверь — «брат мужа» (обозначает родство жены по мужу).

Шурип — «брат жены» (обозначает родство мужа по жене).

В современной обиходно-разговорной речи и просторечии наблюдается смешение этих разных по значению слов. Ошибка возникает в результате забвения многих старых терминов родства, их утраты в активном употреблении.

Всякий — всяческий. Слова имеют различия в значениях в употреблении. В значении «всевозможный, самый разнообразный» употребляется и слово *всякий*, и слово *всяческий*: *всякий вздор* и *всяческие приемы* и *всяческие приемы*. При этом в стилистическом отношении *всякий* расценивается как нейтральное слово, а *всяческий* — как разговорное.

В значениях «каждый, любой» и «какой бы то ни было» употребляется только слово *всякий*. Например: *всякий раз, во всякую минуту; без всякой идеи, быть в стороне от всякой опасности* и т. п.

Русский язык во Вьетнаме

А. А. Шайкин

Одним из первых вьетнамцев, освоивших русский язык, был Хо Ши Мин. 30 июня 1924 года Хо Ши Мин (которого тогда знали как Нгуен Ай Куо-ка) прибыл из Парижа в Страну Советов для участия в пятом конгрессе Коминтерна и для встречи с Лениным. Тяжелая болезнь Владимира

Ильича помешала встрече, но 21 января 1924 года Нгуен Ай Куок, несмотря на жуткий для вьетнамца тридцатиградусный мороз, слился с бесконечной толпой, медленно движущейся к Дому союзов. Он хотел проститься с вождем мирового пролетариата и навсегда запечатлеть для себя черты любимого учителя.

Товарищ Хо Ши Мин не один раз выступал на съездах КПСС, и говорил он по-русски. Хо Ши Мин настолько овладел русским языком, что стал автором лучших переводов некоторых советских книг. В конце 1951 года, когда во Вьетнаме еще шла ожесточенная борьба с французскими колонизаторами, под псевдонимом Нгуен Зу Кик (партизан) товарищ Хо Ши Мин перевел и опубликовал на вьетнамском языке книгу известного организатора партизанского движения на Украине А. Ф. Федорова «Подпольный обком действует». Книга эта стала «книгой под головой» для многих вьетнамских коммунистов и бойцов в годы Сопrotивления французским колонизаторам.

С именем Хо Ши Мина связаны первые страницы летописи дружбы народов Вьетнама и Советского Союза. Многие соратники Хо Ши Мина, пламенные революционеры, также хорошо знали язык Ленина, язык народа, впервые в истории взявшего власть в свои руки.

Через год после освобождения от французских колонизаторов

(1956 г.) были созданы двухгодичные курсы — первое учебное заведение, в котором началось систематическое преподавание русского языка. В 1958 году при Ханойском педагогическом институте был открыт факультет иностранных языков, самым крупным отделением которого стало отделение русского языка, а в 1967 году на базе этого факультета сформировали первый во Вьетнаме Ханойский педагогический институт иностранных языков, который недавно отметил свое двадцатилетие. Среди четырех факультетов Института — русского, английского, французского и китайского языков — факультет русского языка самый крупный. Институт готовит учителей русского языка в основном для провинций и городов северного Вьетнама. Для центрального и южного Вьетнама факультеты иностранных языков были открыты в педвузах Хуэ, Дананга и Хошимина.

Кроме педагогических институтов, русский язык преподается в Ханойском институте иностранных языков, где готовятся русисты различных профилей, хорошо поставлено преподавание русского языка в Военном институте иностранных языков Бинь-да. Созданы факультеты или отделения русского языка в университетах страны, в Ханойском политехническом и медицинском институтах, в институте внешней торговли, вводится русский язык в программы обучения строительного, сельскохозяйственного институтов и большинства технических вузов.

В Ханойском педагогическом институте русский язык преподается не только на специальном факультете, в качестве второго иностранного языка его изучают студенты английского и французского факультетов. Они охотно участвуют в конкурсах чтецов, посвященных А. С. Пушкину, и нередко завоевывают призы.

Развивается и послевузовская система изучения русского языка в форме разного рода специальных курсов и факультетов повышения квалификации. Здесь дается углубленная подготовка для учителей средних школ и молодых преподавателей вузов.

Самые широкие возможности для желающих изучать русский язык обеспечиваются многочисленными кружками, вечерними курсами, курсами при Советском обществе дружбы и т. п. Только в Ханое действуют десятки подобных учебных заведений. Их слушателями являются врачи, строители, инженеры, научные работники, — словом, люди любых специальностей, желающие читать и говорить по-русски.

В последнее время в Ханое была создана Национальная комиссия для проведения защиты диссертаций по русскому языку, и уже появляются вьетнамские русисты, успешно защитившие диссертации у себя на родине, но, конечно, пока еще

большинство вьетнамских специалистов по русскому языку проходят подготовку в Советском Союзе.

Более 25 лет русский язык преподается в средней школе Вьетнама. Поначалу он входил только в программу старших классов (собственно средняя школа в СРВ), но затем преподавание русского языка перенесли в среднее и младшее звенья (базисная школа). И это привело к ощутимым успехам. Яркий пример тому — блестящая победа ученика пятого класса Нгуен Фу Виня на V международной олимпиаде школьников по русскому языку в Москве. Винь получил максимум возможного — 150 баллов.

В школах СРВ русский язык считается общеобразовательной дисциплиной. Все больше открывается специальных школ с углубленным изучением иностранных языков, и большинство классов в таких школах — классы русского языка. Одна из школ действует при Ханойском педагогическом институте, где работают вузовские преподаватели и советские специалисты.

Стали традицией ежегодные национальные олимпиады школьников и студентов по русскому языку, из победителей которых отбираются вьетнамские участники международных олимпиад. В 1981 году пять вьетнамских школьников участвовали в такой Олимпиаде в Москве и завоевали три золотые и две серебряные медали. В 1984 году семь вьетнамских школьников на V Международной олимпиаде в Москве были награждены шестью золотыми и одной серебряной медалями. Радостно отметить, что большинство из них, кроме высоких баллов за ответы на обязательные вопросы, получали дополнительные баллы за эмоциональность речи, увлекательные рассказы. Так, уже упоминавшийся Нгуен Фу Винь, выразительно прочитав большие отрывки из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, порадовал в 1984 году экзаменаторов своим умным и совсем не детским ответом на вопрос о том, что он бы попросил у золотой рыбки. «Я ничего не просил бы для себя, — ответил мальчик. — Не сделал бы, как эта жадная старуха. Я хотел бы только просить, чтобы золотая рыбка сделала всех людей на нашей земле счастливыми, чтобы наше небо было всегда чистым, мирным, без мрачных туч войны».

На вопрос о будущей профессии одиннадцатилетний Винь, не задумываясь, ответил: «Хочу стать учителем русского языка, учить вьетнамских детей языку великого Ленина, языку дружбы. Еще я мечтаю стать космонавтом, если удастся, как Фам Туан. Вы знаете, Фам Туан — мой земляк. Он, как и я, родился в провинции Тхай Бинь».

В Международной олимпиаде 1987 года в Москве принимали участие уже 15 вьетнамских школьников, причем в их числе были учащиеся не только из Ханоя, но и из Хошимина, Хайфона.

Школьники, студенты, слушатели курсов русского языка ежегодно принимают участие в конкурсах чтецов, посвященных А. С. Пушкину. Они проходят под традиционным названием «Я лиру посвятил народу своему» и представляют собой красочный, массовый праздник русского языка. Проводится он обычно в день рождения поэта.

Начиная с 1975 года, после победы вьетнамского народа над американской агрессией и объединения страны, преподавание русского языка распространилось по всей территории СРВ. В университетах и педагогических институтах студенты систематически знакомятся с произведениями русской и советской литературы в оригинале. Отраднее наблюдать, как от курса к курсу увереннее и сложнее становится русская речь студентов. Ректор института, преподаватели не только говорят по-русски, но могут тонко пошутить на русском языке, используя оттенки переносных значений или то, что называется «игрой слов».

С первых дней образования школ, вузов и курсов, связанных с изучением русского языка, вьетнамским русистам действительную помощь оказывали советские специалисты. Совместно создавались учебники и пособия по развитию речи, современному русскому языку, переводу, методики преподавания русского языка и литературы для вьетнамцев. Советские специалисты непосредственно работают во вьетнамских студенческих аудиториях и школьных классах, с их помощью проводятся вечера русского языка и литературы, выставки, демонстрации учебных кинофильмов, конкурсы чтецов и переводчиков. Существенна их помощь в повышении квалификации учителей и молодых вузовских преподавателей, на кафедрах русского языка и литературы они читают спецкурсы, выступают с докладами по актуальным теоретическим и методическим проблемам, ездят в командировки в провинции и города страны.

Инициатором преподавания русской литературы стал Ханойский институт иностранных языков, где в 1962 году была создана специальная кафедра. Ее возглавил кандидат филологических наук Чан Винь Фук, защитивший в Москве диссертацию по творчеству Л. Н. Толстого. Он же стал автором первых программ и учебных пособий по русской и советской литературе (Чан Винь Фук также любезно предоставил автору данной статьи

необходимую информацию о состоянии русистики во Вьетнаме, часть которой и была с благодарностью использована при подготовке этого материала.— А. Ш.).

Интерес к русской литературе во Вьетнаме возник давно. К настоящему времени на вьетнамский переведены основные произведения русской классики, начиная со «Слова о полку Игореве». Оперативно переводятся произведения современных советских авторов.

Вьетнамская русистика добывается и заметных научных результатов. Специалисты из СРВ стали постоянными участниками международных научных конференций, конгрессов, симпозиумов, проводимых в Москве, Будапеште, Варшаве, Берлине и других городах. Их статьи, доклады, научные сообщения публикуются в авторитетных изданиях. Интересное методическое пособие принадлежит Чан Винь Фуку. В его основе принцип обыкновенных игральных карт, по «играть» надо в знание того или иного языка. На каждой карте обозначена та или иная языковая единица, и надо уметь выбрать такой ход, чтобы из двух и более карт получилось новое языковое целое от слова до предложения. В дело идут предлоги, приставки, падежные и глагольные окончания и т. п. Находка Чан Винь Фука отмечена «Золотой медалью» вьетнамской национальной ярмарки-выставки, медалью «Научно-техническое творчество молодежи» от ЦК ВЛКСМ на международной выставке в Москве. Жаль, что пока не находится организации, которая взялась бы за тиражирование этого интересного пособия, полезного не только для изучения иностранных языков, но и родного (Чан Винь Фук разработал свою игру применительно к разным языкам).

На улицах Ханоя встреча с вьетнамцем, говорящим по-русски,— не редкость. Если вы остановились перед лавочкой и испытываете затруднения в объяснении с продавцом, непременно кто-нибудь из прохожих предложит свои услуги в качестве переводчика.

Русский язык для вьетнамцев — язык практической необходимости, ибо советские специалисты оказывают помощь Вьетнаму во всех областях экономики, науки, медицины, в спорте и культурных программах. Вьетнамцы ценят знание русского языка, языка народа, оказавшегося надежным другом в трудные годы борьбы и строительства новой жизни, языка дружбы, языка идей, связанных с мирной концепцией в международной жизни.

Алма-Ата

К 1000-ЛЕТИЮ ВВЕДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Как началось искусство книжного слова на Руси

Е. М. Верещагин,
доктор филологических наук,
В. П. Вомперский,
доктор филологических наук

Под годом 6420-м от сотворения мира (912-й год от Рождества Христова) «Повесть временных лет» рассказывает о посольстве князя Олега в Константинополь. Олег — это первый исторически достоверный князь Киевской Руси, известный, кстати, своим военным походом в Византию. Его послы приехали в Царьград как раз для заключения мирного договора. Император Лев VI не пропустил возможности познакомить язычников с «истинной верой»: послы видели мощи святых, гвозди, которыми были прибиты на кресте руки и ноги Иисуса Христа, терновый венец и багряницу; они видели множество золота, паволоки (богатые шелковые ткани), драгоценные камни... Летописец особо отмечает: царь

«пристави к ним (т. е. к послам) мужи свои показати им церковную красоту».

Красота. Первое употребление в нашей начальной летописи слова-понятия, которое окажется судьбоносным.

Отвергнув мусульманство и иудаизм, окончательно склонившись к христианству, великий Киевский князь Владимир на перепутье: какой обряд избрать — «папешский», западный, или патриарший, восточный? Его доверенные люди побывали на Западе, у немцев: «видехом в храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхом никоеяже (красоты не видели никакой)». Они же ходили на Восток, к грекам, и вынесли совсем другое суждение: «ведоша ны (повели нас), идеже (где) служить Богу своему, и не свѣмы (и мы не знали), на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такога вида ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати (и не знаем, как и рассказать об этом)». Посланцы снова и снова восхищаются увиденным: «Мы убо не можем забыть красоты тоя». Пережитое эстетическое чувство оказалось лучшим доказательством истинности восточной православной веры: «Токмо то вѣмы (одно лишь знаем), яко онде (что там) Бог с челоувѣки пребываеъ, и есть их служба паче всѣх стран». Услышав такое восторженное свидетельство, Владимир принял решение и спросил своих бояр: «Гдѣ крещенье приемем?» Бояре и дружина целиком положились на князя: «Гдѣ ти любо».

Очарованные великолепием греко-византийского богослужения, славяне скорее сердцем, чем умом выбрали себе веру, тысячелетие введения которой на Руси отмечалось как подлинный народный праздник.

Не обманулись русские люди. На их земле стали возводиться белокаменные храмы, и мы до сих пор видим в них эталон совершенства. Одухотворенные строгие лики святых на иконах воспитывали созерцательность. Изысканная мелодика знаменитых распевов неотделима от возвышения духа. Блистание украшенных одежд, мерцание свечных и лампадных огоньков, струящийся ладан, мерное совершение торжественных выходов и входов, а над всем этим — звучащее родное слово, такое понятное и такое высокое. Слово не обыденное, а, напротив, ушедшее от суетного мира и способное увести за собой человека.

Книжно-письменный язык Руси, а он восходит к просветительной деятельности Кирилла и Мефодия, стал не только средством рациональной образованности, языком школы и науки (о чем мы говорили в предшествующих статьях), но и средством передачи эстетического содержания, выразителем той красоты, которую Владимирова посла «недоумели сказати».

Еще в IX веке первоучитель Мефодий перевел на славянский язык *гомилію* (проповедь) греческого книжника Епифания Кипрского «Слово о сошествии во ад». В Византии была тщательно разработана техника украшения речи, *каллилогия* и, в частности, широко употреблялась конечная грамматическая рифма (*сходноконечность*, или *гомеотелевты*). Переводчик мог, конечно, не соблюдать сходноконечности, но Мефодий воспроизводит ее с максимальной тщательностью. Приведем образец славянорусского текста из гомилии Епифания (однако предупреждаем читателя: стихотворные строки (кбланы) соотносятся между собой единством синтаксического построения, сигналами начала и конца, но не равным количеством ударений).

В гомилии отражено представление о том, что воскресший Иисус Христос побывал в преисподней, вывел из нее праведников и произвел переполох среди нечистой силы. Бесенята разных видов — они называются: *ови* (т. е. *эти*), *инии* (*иные*), *друзии* (*другие*) — пришли в страшное смятение:

и ови темницу от самех основании раскопавааху,
 ови же противныя силы гоняаху,
 и инии прѣисподняя хранилица и вырица и печи искааху и течааху,
 и ови друг друга инуду связня господеви привождааху,
 и инии мучителя вязааху,
 и друзии вѣчьныя связня испущааху,
 и ови входящу внутрь госноду прѣдтечааху,
 ови же яко богу и цѣсарю и побѣдителю прѣстояаху.

Чувствуете явную конечную рифму? *Раскапывали — гоняли — искали — приводили — вязали — испускали*. В современном языке не удастся выдержать ряда: вместо *привождали* нам пришлось сказать *приводили*, и эта перебивка нарушает однородную цепь. Византийцы были большие мастера играть или одинаковыми окончаниями глаголов, или сходноконечностью падежной флексии, они строили гигантские фразы вплоть до сорока колонов. Мефодий не всегда воспроизводит конечную рифму — в первую очередь следит за смыслом, однако, если есть возможность и смысл сохранить, и внешнюю форму передать, никогда не пропускает такой возможности.

С именем Мефодия связывают также перевод на славянский язык одной из важнейших богослужебных книг — *Постной триоди*, хотя, пожалуй, больше оснований думать об ученике первоучителя Клименте Охридском. Во всяком случае не позже начала X века славяне познакомились со знаменитым *Богородичным*

акафистом, входившим в состав Постной триодии. *А-кафист* буквально значит «не-седаен», то есть текст, во время чтения которого запрещается сидеть. Согласно церковному уставу, и Псалтырь, и Апостол можно было слушать сидя, а при чтении Прѣлога или жития святого даже предписывалось сидеть, но уважение к действительно совершенной, вдохновенной поэме в похвалу Богородице было настолько высоким, что оно выразилось и в соответствующей форме литургического поведения.

Собственно, акафист состоит из многочисленных обращений-воззваний к деве Марии, и по-гречески приветствие звучит как *хайрэ!* (в славянском переводе *радуйся!*). Хайретизмы состоят из стихотворных строк, связанных между собой синтаксическим параллелизмом и конечной рифмой. Эта сходноконечность не всегда сохраняется при переводе, но все же и случаев ее воспроизводства немало:

Радуйся, свѣт неизреченно родившая,
 радуйся, еже како, ни одинагоже научившая
 Радуйся, невидимых врагов мучение,
 радуйся, райских дверей отвержение.
 Радуйся, воскресения образ облистующая,
 радуйся, ангельское житие являющая...

В Богородичном акафисте представлены, кроме конечной рифмы, и другие случаи «любования», бескорыстной игры внешней формой слова. Так, в нем встречается рифмовка не последних слов строк-колонов, а синтаксически соотнесенных слов из середины строк:

Радуйся, высоту неудобовосходящая человеческими помыслы,
 радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими очима.
 Радуйся, пиво, растящая гобзование щедрот,
 радуйся, трапезо,носящая обилие очищений...

В Акафисте при внимательном чтении можно заметить глубокомысленную переключку сложносоставной лексики:

Радуйся, добрая младопитательнице дѣвам,
 радуйся, невѣстокрасительнице душ святых...

Эта вдохновенная поэма — настоящий мир красоты, причем не только внешней, но и внутренней, потому что в соотнесенных колонах есть и остроумие, и совмещение противоречивого, и парадоксальное сближение, и изысканная метафорика, и неожиданные эпитеты, и многое другое. Нет, совсем не удивительно, что Акафист надо было слушать стоя!

Вместе с Кирилло-Мефодиевскими переводами византийская каллилогия, книжная украшенная речь, пришла на Русь и уди-

вительно быстро была воспринята русскими образованными людьми. Авторы оригинальных произведений, сознательно рассчитанных не только на сообщение определенного смысла, но и на эстетико-эмоциональное воздействие, стали использовать наряду с фольклорными приемами художественности и средства греческой словесной украшенности. Так, знаменитый Киевский митрополит Иларион, первый в середине XI века митрополит из русских, в своем «Слове о законе и благодати» «сплел словесами» похвальный венок крестителю Руси князю Владимиру, привычно используя сходноконечные рифмы. Иларион с радостью вспоминает, как Владимир повелел «всѣм быти христианомъ» — «малыим и великым, рабом и свободным, уным и старым, бояром и простым, богатым и убогим».

В другом месте «Слова» Иларион говорит о первых шагах новокрещеного князя: «капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся, идолы сокрушаахуся, и иконы святых являахуся». Благотворительность (действительно ставшего милосердным) Владимира описывается следующим образом: «просяциим подаваа, нагья одѣвая, жадныя и алчныя (т. е. испытывающих жажду и голод) насыщая, боляциим всяко утѣшение посылаа, должныя испускаа, работным свободу даа».

Иларион прибегает также к рифмовке срединных соответственных слов в колонках. Обращаясь к крестителю Руси, он вновь и вновь перечисляет его благодеяния:

Ты бѣ, о честнаа главо, нагым одѣние,
ты бѣ алчным кормитель,
ты бѣ жаждющим утробѣ ухлаждение...

Одушевляясь желанием поставить Русь в один ряд с другими христианскими странами, митрополит Иларион так излагает свою задачу: «Вся страны и гради и людие чтуть и славятъ кождо их учителя, иже (который) научиша я (их) православныи вѣрѣ; похвалим же и мы, по силѣ нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сотворшааго, нашего учителя и наставника, великааго кагана (государя), нашеа земли Володимера». Похвала удалась как нельзя лучше. Между внешней формой речи и ее смыслом есть тесная связь. Казалось бы, нагнетая однозвучные слова, автор похвалы идет на поводу у этих слов, а на самом деле доискивается глубинного смысла. «Созвучья слова — не случайны. Хоть связь речений далека. В ней неразгаданные тайны Всегда живого языка».

Традиция звукописи достигла на Руси высшего расцвета в эпоху так называемого плетения словес. Этот литературный стиль

сложился на рубеже XIV—XV веков и нашел свое наиболее яркое выражение в Житии Стефана Пермского, написанном просвещенным писателем-иноком Епифанием. Епифания недаром прозвали Премудрым: что касается книжной премудрости, то он не имел себе равных. Высокие познания тем не менее в его мироощущении сочетались с подлинной скромностью; он прямо предостерегает читателя: «Аз бо есмь умою груб, и словом невежа, худ имея разум и промысл вредоумен, не бывшую ми во Афинех от уности, и не научихся у философов их ни плетения, ни ветиских (риторских) глагол, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжах, ни философия, ни хитроречия не навыкох». Насколько сказанное справедливо, судите сами. Вот, например, Епифаний описывает, как Стефан в далекой и темной стране Пермской, подобно князю Владимиру, искоренял языческих идолов:

И обухом идола в лоб бьяше,	и на иверие раскрошаше я,
и по ногама сокрушаше я (их),	и до конца искореяше я,
и секирою ссечаше я,	и огнем сжегаше я,
и на удеса рассекаше я,	и пламенем испепеляше я.
и на поление раздробляше я,	

Опытный ритор, Епифаний, приступая к заключительной похвале Стефана — «просветителя зыряя», неистощим, скажем, в перечислении синонимов:

Что ты нареку?	Проповедника ли ты проглашу?
Апостола ли ты именую?	Евангелиста ли ты нареку?
Законодавца ли ты призову?	Святителя ли ты именую?
Крестителя ли ты провещаю?	Учителя ты прозову?

И нет оснований русскому книжнику сетовать на нехватку слов; он совершенно неистощим в подборе не только по смыслу уместных выражений, но еще и созвучных по форме:

Что еще ты нареку?	руководителя умою ослепле-
Вожа заблужшим,	нным,
обретателя погыбающим,	чистителя оскверненным,
наставника прелщениым,	взискателя расточениым,
	стража ратным...

Знакомясь с нашей древней литературой, преисполняешься национальной гордости. Войдя в сообщество литературных языков своего времени, древнерусский язык быстро стал прекрасным инструментом как рационально-рассудочного мудрствования, так и высокой книжно-словесной красоты. В настоящей статье мы показываем лишь малую часть искусства книжного слова — грамматическую рифму.

Сейчас к ней относятся скептически, считают ее банальной и избитой, изгоняют из стихотворчества, но все же будем ей благодарны. Ведь перед нами традиция, которой тысяча лет! Действительно, ее истоки отыскивают в IX веке, у первоучителя Мефодия. А где ее завершение?

Пожалуй, мы действительно можем указать на время ее завершения. Сравнительно недавно Н. Н. Покровский ввел в научный оборот найденную «Повесть дивную», которая возникла в староверческой среде. По всем канонам старых житий в «Повести» описывается мученичество некоего Владимира Трегубова — уральского казака, который не подчинился начальству и был прогнан сквозь строй. «Повесть» во всяком случае возникла после 1868 года, а вероятнее даже в 80-х годах прошлого века, так что ей всего лишь сто лет с небольшим. И как умело применяет староверческий начетчик древние каноны стихотворства! Мученик Владимир удостоен настоящего восторженного гимна:

Юности бо плоти своя аки дивный виноград цветяше,
а в разуме же яко красная девица в царском чертозе седяше.
Мужеством плоти своя вся воинския хитрости прохождаше,
а духом же аки высокопарный орел на высоту небесную възлета-
ше...

Древняя русская рифма, в отличие от рифмы XIX века или новейшей, — это сначала опора для ума, а лишь потом наслаждение для уха. Гармония смысла и звука — вот идеал «плетения словес», вот цель словесной эстетики наших предков.

В «Повести временных лет» есть совершенно замечательная похвала книгам, отличающаяся совершенством поэтической формы:

Велика бо бывает полза от ученья книжнаго:
книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью,
мудрость бо обрѣтаем и воздержанье от словес книжных...
Аще бо поищещи в книгах мудрости прильжно,
то обрящещи велику ползу души своей.
Иже бо книги часто чтеть,
то бесѣдует с богомъ или святыми мужи.
Почитая пророческия бесѣды,
и еуангельская ученья и апостолская,
и житья святых отецъ,
восприемлетъ души велику ползу.

Будущее в представлении писателей Древней Руси XI—XIII веков

А. Н. Ужанков

ревнерусские писатели чаще повествовали о «двух полах сего времени» — прошлом и настоящем, и реже вспоминали о земном будущем. Да и грамматическое его выражение не было унифицированным. Скажем, в рассказе «Повести временных лет» под 912 годом о смерти Олега будущее передано формой инфинитива: «От чего ми есть умрети?» — спрашивает Олег кудесника,

и отвечает ему предсказатель: «Княже! Конь, его же любиши и ездиши на нем, от того ти умрети». А немногим выше, в этой же статье, при пересказе договора Олега с греками — глаголами совершенного вида: «Аще кто *убьет* ... аще *сотворит* убийство ... аще ли *ударит* ... аще *украдет*...».

Почему же, говоря о конкретном и обязательном в будущем событии — смерти князя, летописец применил неопределенную форму глагола — инфинитив, перечисляя предполагаемые поступки, которые могут и не произойти, использовал глаголы совершенного вида?

Попробуем разобраться в представлениях древнерусских писателей о времени и в способах его передачи.

Дохристианская Русь была знакома с двумя представлениями времени: круговым (или цикличным) и эпическим, «замкнутыми» по своей природе и сохранившимися в устном народном творчестве. В повторяющихся ежегодно обрядовых календарных праздниках утрачивалось ощущение проходящего; все как бы снова существовало в нынешнем: образовывался замкнутый в пределах настоящего временной круг.

Ой, ой, ты, Масленица,
Ой, и ко двору въезжает,
Ой, да ты, широкая,
Ах, ко двору въезжает...

В древнейших былинах о Вольге и Микуле Селяпиновиче, о Святогоре сохранились такие формы настоящего времени, тогда как в более поздних, связанных (и тем самым локализованных) с событиями XI–XIII веков, выступает прошедшее эпическое время. Любое событие имело начало и конец и не могло повторяться – становилось прошлым:

Так тут старый казак Илья Муромец
Повернул коня богатырского
И поехал по раздольицу чисту полю...
...Как все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки осыпались...

Христианство привнесло на Русь новые представления о времени и истории, тесно связанные между собой. У них была общая точка отсчета – сотворение мира за 5508 лет до рождения Христа, и линейная протяженность, выражающаяся чередой лет – хронологией. Каждое событие фиксировалось своим годом, года можно было считать, а время – мерить...

Новое время не было замкнутым, хотя знало прошлое и настоящее, и тем не было похоже на своих предшественников. Оно не ограничивалось днем нынешним, оставалось открытым для будущего. Можно было провести прямую линию из настоящего в прошлое и постоянно продлевать ее за счет грядущего. Именно таким по направлению и было движение времени в представлении древнерусского писателя. Для нас идти вперед – значит идти в будущее. А для него передний край – в прошлом. Впереди шли предки, он – за ними. «Задние» события – это последние по времени (см. Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 5. М., 1978. С. 184–185). Подтверждение тому есть в «Слове о полку Игореве». Вспомните желание молодых Святославичей «среднюю» славу себе похитить, и «заднюю» самим поделить.

Лишнее время вошло в письменную литературу. Летосчисление стало основой летописания. Под пером Никона, печерского летописца второй половины XI века, исторические легенды и текущие события впервые обрели свое конкретное (зафиксированное) место во времени – превратились в историю. Выстроив их в хронологической последовательности, Никон впервые создал историю Руси.

Ее дальнейшая разработка связана с творчеством Нестора – ученика и последователя Никона, составителя «Повести временных лет». Знакомство Нестора через переводную христианскую литературу с мировой историей послужило толчком к осознанию роли и места в ней Древней Руси. Может быть, поэтому описа-

ние отечественных событий Нестор предваряет кратким Библейским рассказом о происхождении народов и привязывает датой — 6360 (852) годом — русскую историю ко всеобщей. Именно в этом году, по словам летописца, стала прозываться «Русская земля», как то засвидетельствовало летописание греческое. А «отселе почнем и числа положим» «и скажем, што ся здея в лета си (что произошло в эти годы)», то есть, взяв за основу летоисчисление, летописцы стремились описать события каждого года, при этом строго соблюдая принцип временной последовательности. В изложении исторических фактов они старались не забегать вперед (в нашем понимании), а если такое случалось, то только в рамках одного большого рассказа, помещенного, естественно, под одним годом, например 6604 (1096) г.

Такая привязанность к хронологии вынуждала Никона, а за ним и Нестора, включать в летопись перечень «пустых лет»: «В лето 6456. В лето 6457. В лето 6458. В лето 6459. В лето 6460. В лето 6461. В лето 6462. В лето 6463. Иде Ольга в Греки...» А воспитанный на этих традициях редактор Галицко-Волынской летописи, пытавшийся в XIV веке и ее подвергнуть погодной разбивке, отсутствие информации в таком году заменял фразой «Не бысть ничтоже (Не было ничего)».

Так в конце XI — начале XII века и произошло освоение линейной протяженности времени, а стало быть, и истории.

В сознании писателей того времени человеческая история была задана изначально, и ее развитие в определенных временных рамках шло согласно воле бога. Предопределенность событий, когда каждое должно было происходить в отведенное ему свыше время, и пытались отразить печерские летописцы, используя хронологию. В силу этого убеждения они и не отмечали причинно-следственной связи фактов, черты которой были заметны уже в былинах: каждый подвиг былинного богатыря был вызван предшествующим поступком его врагов. Но коль развитие истории человечества, согласно христианской концепции, было не бесконечным, и в итоге на земле должен был наступить всеобщий конец жизни — «конец света», то можно говорить лишь об относительной «открытости» линейного времени, ибо и его прямой временной отрезок ограничен этим печальным обстоятельством. Другое дело, что время его неизвестно. Различными пророчествами отцов церкви это общее земное будущее значительно отдалялось. Следовательно, до того момента существовало конкретное земное будущее для всех людей и для каждого человека, ограниченное уже индивидуальным концом — смертью. Каково же отношение Нестора и других древнерусских писателей к нему?

Нестор назвал упомянутые предсказания волхвов о будущем «кудешеством» (от *кудесник*), занятым предосудительным.

Конкретное будущее человека, по мнению писателей его круга, известно только богу и никто знать его не может. Истинный христианин, если на то не было воли свыше, сам не может предугадать, а тем более предсказать будущее. Вот почему летописец Нестор старается не заглядывать вперед в конкретных жизненных случаях и не употреблять формы будущего времени глагола *быти*. Ибо сказать «я буду или он будет что-то делать» — это значит сказать «я — буду или он — будет», то есть смело утверждать, а точнее — предсказывать, что кто-то будет жив в то время. Но ни летописец, ни его герои не осмеливались взять на себя такую ответственность. Ведь их судьба вверена воле бога...

И тем не менее в договоре Святослава с греками (971 г.), как и в уже упомянутом договоре Олега, употребляется будущее время слова *быти*: «Да аще ни кто (кто-либо) помыслит на страну вашу, да и аз буду противен ему и борюся с ним». А далее русские клянутся, если не соблюдут обещанное, то «своим оружием да (пусть) исечени будем». Но это не предсказание неизбежности, а всего лишь определение вытекающих из оговоренного условия действий русского князя, которые в равной степени как возможны, так и невозможны в будущем. Это — не-реальное будущее, ибо оно «условно».

Когда же летописец не называет никаких условий, то рядом с формой будущего времени, как правило, помещается ссылка на божью волю: «Да аще истина будет (если так и случится), то поистине велик бог будет хрестеянеск».

Весьма примечательно, что в «Слове о полку Игореве» имеется только один пример будущего времени, которое предваряет условие: «Аще его опутаево красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком».

Это — лучшее свидетельство принадлежности памятника эпохе XII века. Вряд ли фальсификатор XIX века имел представление о таких тонкостях времяупотребления.

В рассмотренных случаях писатели не предсказывают и не предугадывают событий, а только делают предположения, в которых уже намечается причинно-следственная связь! Чтобы сбылось предположение, необходимо определенное условие, оговоренное вначале. А оно, исходя из представлений о предопределенности судьбы, опять-таки от человека не зависит.

Здесь, видимо, следует отметить различное отношение летописцев к предсказаниям и предупреждениям. Голословные, ничем

не подкрепленные предсказания волхвов осуждаются ими. Но в то же время природные явления ими часто принимаются за предвестники событий — знаменья, которые посылаются свыше для предупреждения: «Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солници, ли птицами, ли етеромь чим, не на благо бывають; но знаменья сиця на зло бывають, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляють».

Знаменья не только следует правильно понимать, но и необходимо внимать им.

Не случайно затмением солнца предостерегался Игорь от самовольного, не согласованного со старшим князем похода на половцев. Исход его в наказанье за честолюбивые помыслы был предрешен с самого начала. И автор в этом не сомневался. Знамение — затмение солнца — явилось тому первым предвестником. Игорь, однако, не внял предупреждению («Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи») — побороло князев ум желание и жалость знаменье заступила), и его постигает трагическая участь. Любопытная деталь, свидетельствующая о незаурядном мастерстве автора: одной фразой, вложенной в уста Игоря: «Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти (лучше убитым быть, нежели плененным)», — автор предопределяет дальнейшее развитие событий.

Древнерусский книжник был фаталистом. Как и настоящее, будущее ему представлялось роком. Однако, смело описывая настоящее, он боялся заглядывать в будущее. Что стоит судьба одного человека перед всеобщим земным концом? И поэтому автор «Слова» ограничивается в описании земной жизни «двумя полями сего времени» — прошлым и настоящим.

Новый подход к пониманию времени и истории отразился в интереснейшем произведении Галицко-Волынской Руси — Галицкой летописи, а точнее — о княжеском жизнеописании Даниила Романовича Галицкого, написанном в середине следующего, XIII века, видимо, двумя авторами.

Прежде всего, он выразился в отказе от погодных записей, что дало возможность свободно варьировать композицией и не просто записать хронику жизни и деятельности князя Даниила, а создать цельное повествование с наметившейся причинно-следственной связью событий: «Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разумеет. Число же летом zde не писахом, а задняя впишемь...»

Время у них, вернее, строгая хронология, не служит связующим элементом повествования, как это было у Нестора. Они но

стремились ограничить свой рассказ одним годом, а тем более не перечисляли под одним годом все произошедшие в нем события, как это делал Нестор. Хронологию они вообще собирались поместить только в конце своего труда. Куда важнее для них было описать «вся бывшая» события в причинно-следственной взаимосвязи. Прием необычный и непривычный для своего времени! Сами писатели это понимали, и потому подчеркнули, что умный, читая, все поймет. В стремлении к логической завершенности рассказа им порой приходилось, опережая события, забегать далеко вперед, а затем возвращаться назад, что, кстати сказать, свидетельствует о работе галицких писателей не во след событиям.

Скажем, под 1207 годом летопись повествует о несостоявшемся намерении венгерского короля Андрея выдать свою дочь Елизавету замуж за Даниила Галицкого и здесь же говорит о ее дальнейшей судьбе: «И да дщерь свою за лонокрабовича за Лудовика... Юже (которую) ныне святу наречают». Известно, что Елизавета умерла в 1231 году и была канонизирована в 1234. Стало быть, чтобы закончить рассказ о судьбе Елизаветы, автор заглянул почти на 30 лет в предстоящее. Для Нестора это было недопустимо.

Или другой пример. Говоря о женитьбе 17-летнего Даниила Галицкого на Анне, дочери Мстислава Удалого, в этой же статье автор перечисляет родившихся у них детей, то есть опять же информирует о будущем.

Встречаются в тексте и другие случаи, когда, поведав о ком-то или о чем-то в одном месте, автор не приводит подробного окончания своего рассказа, а ограничивается предвосхищающей его ремаркой. И уже позднее, в соответствующем месте, завершает рассказ подробным описанием. Так, под 1217 годом летопись повествует о «прегордом» венгерском воеводе Филя, хотящем захватить «многая руси», и здесь же кратко сообщается о его смерти: «Богу же того нет терпяцю, во ино время убьеп бысть Данилом Романовичем древле прегордый Филя». А подробности о его гибели приведены под 1249 годом.

Нарушив строгую очередность событий и забежав в освещении судьбы венгерского воеводы Филя вперед на три десятилетия, галицкий летописец тем не менее не изменил христианским взглядам на историю, как на проявление божьей воли. Смерть Филя произошла, поскольку «Богу... того нет терпяцю».

Однако уже нечто новое заметили галицкие летописцы в истории — прагматизм. Жизненный путь главного героя — Даниила Галицкого — обретает причинно-следственную обусловленность уже изначально: не погибни его отец — Роман Галицкий, не было

бы распрей в их земле, не пришлось бы Даниилу несколько десятилетий бороться с боярством за отчий престол, и на взаимосвязь этих событий автор произведения обращает внимание читателей. Или другой пример: Даниил Романович идет на войну без брата Василька, поскольку «брат бо ему воротися, бе бо язва ему на нозе» и т. д. Подобное прагматическое осмысление исторических событий было даже для XIII века новым. Продолжение галицкой традиции наблюдается в Волынской летописи. Но, к сожалению, дальнейшего развития она не получила.

Создателям Галицкой летописи, как и Нестору, и автору «Слова», свойственны те же представления о двух «полах сего времени» — прошлом и настоящем. Что же касается земного будущего, то у галицких летописцев оно не имело определенного названия и характеризовалось как «ино (иное) время». Время неопределенное, в отличие от прошлого и настоящего, но такое же реальное — ведь в нем существует реальный в их сознании Страшный суд. В том, что суд будет (значит, будет и будущее), никто не сомневался. Не знали только, когда именно.

В «Повести временных лет» Нестор назвал этот временной отрезок «предбудущим» — идущим за «задним» (настоящим), но, тем не менее, находящимся «пред» будущим.

Поскольку будущее время было понятием новым для сознания древнерусских писателей, вместе с формированием представлений о нем определялось и наименование его. В Древней Руси XI—XII веков бытовали выражения «будущий век», «будущее время». Их можно встретить в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона и в переведенной в XII веке «Пчеле», сборнике изречений, в том числе и античных философов: «Аще нынешнее время добре исправим, то и будущего времени добра чаи».

Из сочинений Илариона становится понятным значение выражения «будущий век» — это время уже после Страшного суда. Исходя из такого понимания будущего, древнерусские книжники о нем не говорили — не могли и не смели говорить.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое вагранка?»

Мельникова, Всеволожск, Ленингр. обл.

Вагранка — печь для плавки чугуна и цветных металлов, а также для обжига различных материалов.

От двора к фабрике и заводу

Т. А. Кильдикеова,
доктор филологических наук,

В. П. Гущина,

кандидат филологических наук

К

аждый новый предмет, новое понятие, имеющие значимость в общественной практике человека, закрепляются в языке обычно с помощью нового слова.

Наблюдения показывают, что типы образования новых слов различны в разные исторические эпохи: в процессе развития языка определенные средства становятся менее употребительными, другие, на-

против, активизируются, вытесняя ранее существующие.

Для описания способов образования слов особый интерес представляет XVII век — период становления русского национального языка, так как это было время, связанное с разнообразными изменениями в его словарном составе. В XVII веке число различных ремесел было довольно ограниченным; наиболее развитыми были металлодобыча, металлообработка, кожевенное производство, производство сермяжного сукна и валяной обуви. Эта ограниченность ремесел находила отражение в языке. Небольшое количество слов обслуживало разные сферы общественной, трудовой деятельности. Так, «предприятия», имевшие разнообразное предназначение и относившиеся к разным сферам жизни, обозначались словом *двор*: «А что с Западной Индеи и подданным и жилцом тех королевских уделов и земель... и им не ездити и не ходити в те пристанищи и в места и в города и в гостиные двory и не торговати» (Вести-Куранты, 1645–1646, 1648, М., 1980); «Отдат ся грамотка на Москве на Илинской улице у старова двора Посолского» (Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия, М., 1965); «пришла грамотка через почту

на почтарной двор» (Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969); «В последних грамотах пишут из Црягорода что царь персицкою город Иллиферино близ Вавилона приступом взял ... а после того взятия пошел под город Мансул и в том городе у турецкого оружейной пушечной двор и всякой пушечной зааса» (Вести-куранты, 1600–1639).

Как видим, в языке XVII века существительное *двор* было многозначным и употреблялось в сочетании с прилагательными, которые конкретизировали значение данного слова. Наименование *двор* в этот период выступало в следующих значениях: «государственное (или церковное) учреждение, ведающее различными хозяйственными и административными делами», – *двор земский, по-сольский*; «место пристанища приезжающих с товарами для продажи, а также торговые ряды (с прилегающей площадью)» – *двор гостиный, постоялый...*; наконец, «предприятия различного производственного назначения»: «Роспис что стало поделки на государе Хамовном дворе в Кодашевской слободе» (Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968).

Одним из таких предприятий был *Пушечный двор*, где изготавливались пушки, небольшие вестовые колокола, которыми снабжались крепости для поднятия тревоги: «и в городе Энгелстате из пушечного двора велел дватцат пят пушек взяти» (Вести-куранты, 1600–1639. М., 1972). На Пушечном дворе существовало разделение труда. Там работали колокольные *литцы* (литейщики), плавильные мастера, паяльщики, плотники, пушечные извозчики и т. д.

Крупными предприятиями по производству монет были *Денежные дворы*, которые находились в Москве, Пскове, Новгород: «На Денежном дворе для многих служеб прибылых расходов и для внешней службы из серебра денги делать» (Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969). В 20–30-х годах XVII века право свободной чеканки было ограничено, и Денежные дворы в Новгороде и Пскове закрыли. В 1648 году была установлена монополия для закупки серебра, и монеты начал чеканить только Денежный двор в Москве. Это было крупное предприятие, на котором в середине XVII века работало уже свыше 200 человек.

Печатными дворами называли типографии: «работаем мы холопи твои тебе великом[у] государю безпрестанно на книжном Печатном дворе» (Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968). Первый Печатный двор в России был основан в Москве в 1553 году. К середине XVII века на Печатном дворе работало свыше 160 человек.

Существовали также *Суконный двор*, где изготовлялось сукно,

Хамовный двор — предприятие для прядения и ткачества, *Кружечный двор*, где делались пиво и мед, и т. д.

В Петровскую эпоху (конец XVII — первая четверть XVIII века) появилось большое количество новых слов, которые вытесняли многозначные слова и составные наименования. В этот период на смену уходящих способов образования наименований приходят новые. Во-первых, активизируются названия, возникшие на основе исконно русских слов. Например, в далеком прошлом в русском языке от глагола *заводити* было образовано существительное *завод*, которое употреблялось главным образом для обозначения действия: «изловя те лещи, посадить в богородковские мои пруды для заводу» (Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. II. М.—Л., 1945); «90 рублей взял Яков на завод мелнишного строения» (Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1969).

Во второй половине XVII — начале XVIII века словом *завод* стали называть преимущественно промышленные предприятия.

В то время в России было построено большое количество заводов. Так, близ Тулы, которая издавна славилась изготовлением оружия, был основан *железодельный завод*; подобные заводы возникли в Костроме, Смоленске, Владимире. В Москве открылись *стеклянные заводы*; несколько *кирпичных заводов* было построено на берегу реки Невы. В 1718 году в Петербурге был открыт небольшой *горный завод* с двумя плавильными печами, горные заводы были основаны на Урале. Петербургские *пороховые заводы* выделяли новый порох и перерабатывали старый.

Во-вторых, в Петровскую эпоху усиливается поток слов, заимствованных из западноевропейских языков. Так, в сферу названий различных предприятий включается слово *фабрика* (от латинск. *fabrica* — мастерская), постепенно ставшее активным в русском языке.

Первая фабрика была основана Петром I в 1714 году. На этой фабрике шелковых лепт действовало 34 стана, при которых работало 280 человек. Здесь пряли шелк из сырца и отделявали шелковые ленты золотом и серебром. Всего Петром I было открыто 19 шелковых фабрик, на которых вырабатывали ткани: парчу, бархат, атлас и др.; здесь же производили мелкие изделия: ленты, кушаки, платки, вязали шпуры и кошельки. При Петре I начали действовать также *полотняные, суконные, парусные фабрики*.

Некоторые заводы и фабрики, возникшие в это время, были довольно крупные. Особенно большим составом рабочих отличались горные и оружейные заводы. В конце XVII — начале XVIII века на всех заводах выплавлялось около 7 миллионов пу-

дов чугуна и свыше 200 000 пудов меди. Началась разработка золота и серебра.

Оружейные заводы поставляли ружья, пушки и холодное оружие на всю армию и освободили государство от необходимости покупать вооружение за границей. На суконных фабриках в Москве и в Казани было занято свыше 700 рабочих. Количество работников на отдельных фабриках (шелковых, парусных) достигало 1500 человек. Всего при Петре I было основано 233 фабрики и завода (Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. 2-е изд. СПб., 1914; Девятисильная Д. И. Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого. Киев. 1917).

Однако в конце XVII – начале XVIII века продолжали существовать и *дворы*. Так, в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» встречаются наименования *литейный двор*, *пушечный двор*, *денежный двор*, *монетный двор*, *суконный двор* и т. д.: «исполнять те деньги в Московской губернии во определенные расходы, а ныне только па один 710 год з денежных и с манетных дворов» (Т. 12. Вып. 1. М., 1975).

Однако постепенно наименование *двор* утрачивается окончательно, и для обозначения предприятий в языке сохраняются два названия – *завод* и *фабрика*.

Почти полностью утрачиваются и составные наименования с существительным *двор*. Сохранились лишь единичные названия, свидетельствующие о прежней многозначности слова: *Гостинный двор* – «торговые ряды в специально выстроенном здании»; *Монетный двор* – «предприятие, где изготавливаются металлические деньги, медали и т. д.».

Отношения между существительными *фабрика* и *завод* продолжительное время были не до конца определенными.

В конце XVII – начале XVIII века исконное существительное *завод* имело уже довольно широкое употребление, о чем свидетельствуют многочисленные сочетания прилагательных с данным словом. В памятниках письменности рассматриваемого периода упоминаются заводы железные, оружейные, серебряные, медные, горные, соляные, кирпичные, восковые, суконные, полотняные, скатертные, салфеточные: «4 августа Сенат приговорил: в Ригу к починке ружья отправить оружейных мастеров с Тульских железных заводов 10 человек» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. М., 1977); «оброчной татарин Шагай Изжбулатов приходил к нему на Каменские железные заводы» (Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.–Л., 1936); «И вынешняго время оныя воры собравшись пошли с войною Нагайской дороги, Уфимского уезду под соляной завод» (Там

же); «...в том же году построен ... для переплавки означенной руды медной Полевской завод» (Там же).

Существительное *фабрика* употреблялось реже. Так, в памятниках письменности XVIII века упоминаются полотняные, суконные, шляпные, лентошные, шелковые фабрики: «Все идет хорошо, даже и вновь заводимая фабрика моя шляпная» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981); «он Гаврило при лентошной фабрике» (Там же).

Как показывают наблюдения, с самого начала проникновения в лексику русского языка слово *фабрика* имело более узкую сферу употребления и закреплялось в языке как наименование предприятий, изготавливающих «потребительские товары». Существительное же *завод* в конце XVII — начале XVIII века обозначало более широкое понятие и называло «промышленное» предприятие. В то же время в рассматриваемый период слово *завод* могло употребляться и в качестве синонима к наименованию *фабрика*. В памятниках письменности одно и то же предприятие называется и словом *фабрика* и словом *завод*: «Завод суконной размножать не в одном месте, так чтоб в пять лет не покупать мундиру заморскова, а именно, чтоб не в одном месте завезть» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. М., 1975); «...мать ево записала на суконную фабрику» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981).

В наше время в языке дифференциация промышленных предприятий на фабрики и заводы осуществляется по назначению выпускаемой ими продукции, отчасти по характеру вырабатываемого ими сырья (завод станкостроительный, тракторный, часовой, радиозавод, ювелирный, авиационный, автомобильный, цементный, металлургический, кирпичный, сталелитейный, нефтеперерабатывающий, лесопильный, а также хлебозавод, консервный, льноперерабатывающий, молокозавод; фабрика ткацкая, суконная, мебельная, бумажная, чулочная).

Однако дифференциация промышленных предприятий выдерживается не всегда, и в этом проявляется сложившаяся с давних времен языковая традиция: в конце XVII — начале XVIII века — *полотняный завод* и *полотняная фабрика*; в 90-е годы XIX века — *кожевенный завод* и *кожевенная фабрика* (Панфилов А. К. Завод и фабрика. — Русская речь, 1968, № 6); в современном русском языке — *фарфоровая фабрика* и *фаянсовый завод*, *бумажная фабрика* и *целлюлозно-бумажный завод* (Завод и фабрика. — Русская речь. 1983. № 2).

Замечательный писатель-этнограф, путешественник Сергей Васильевич Максимов посвятил свою жизнь изучению и описанию быта и культуры русского народа. Его труды дали богатый материал для формировавшейся в то время новой этнографической науки. В последнее десятилетие появилась большой интерес к творчеству этого писателя. Выпущены новые издания его произведений: *Избранное* (М.: Сов. Россия, 1981); *Куль хлеба и его похождения* (М.: Молодая гвардия, 1982 и 1985); *Год на Севере* (Архангельск: Сев.-Зап. книжное изд-во, 1984); *Куль хлеба: Рассказы и очерки* (Лениздат, 1987); *Избранные произведения: В 2 т.* (М.: Худ. литература, 1987) и др. Специальный очерк о С. В. Максимове «Радетель слова народного» опубликовал В. Астафьев в журнале «Наш современник» (1987, № 8).

В предлагаемой статье рассказано о творческой судьбе этого писателя.

ПОЛЕЗЕН НАРОДУ

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ,
доктор филологических наук

етство Сергея Васильевича Максимова прошло среди народа и в общении с природой. Он рано и близко узнал жизнь, быт, культуру людей, занимавшихся разными промыслами и свято хранивших старинные обычаи и нравы. В памяти ребенка глубоко запала их бедность, безысходная нужда, скорбь, страдание. Рос он без матери: она умерла, когда ему не было и двух лет. С. В. Максимов родился 25 сентября (7 октября) 1831 года в посаде Парфентьево (теперь с. Парфеньево) Костромской губернии в семье мелкопоместного дворянина, служившего почтмейстером. Из этой семьи вышли три известных деятеля: один из братьев Сергея Васильевича — Василий Васильевич — стал профессором хирургии, другой брат — Николай Васильевич — писателем. Отец их по тому времени был довольно просвещенным человеком, много читал, хорошо знал друга Пушкина П. А. Ка-

тешина, с которым беседовал долгими вечерами. Все это, несомненно, оставило свой след на судьбе детей.

Начальное образование Сергей Васильевич получил в посадском народном училище, после которого поступил в Костромскую гимназию, где проявил большой интерес к знаниям. Здесь на формирование его научных интересов оказал благотворное влияние учитель русской истории, словесности и географии Пермьяков, почитатель В. Г. Белинского. Не раз потом вспомнит о нем С. В. Максимов с благодарностью. Сергей Васильевич полюбил книги. Учитель гимназии, ставший впоследствии известным писателем-народником, А. А. Потехин руководил его чтением и снабжал литературой.

Окончив гимназию, С. В. Максимов поступил на медицинский факультет Московского университета. Будучи студентом, он вошел в один из интереснейших литературных кружков того времени — «молодой редакции» журнала «Москвитянин», во главе которого был А. Н. Островский. Общение с московской молодежью, группировавшейся вокруг Островского, с А. Ф. Писемским, также входившим в этот кружок, воспитывало интерес к литературному творчеству. В этом объединении С. В. Максимов нашел то, чем сам интересовался: здесь изучали народный быт, народное творчество. «Москве я обязан моими первыми литературными связями, моим литературным воспитанием и первыми проблесками моего сознания, что я должен чем-нибудь быть полезен народу», — признавался Сергей Васильевич своим друзьям (см.: Собрание сочинений С. В. Максимова: В 20 т. СПб., 1908. Т. 1).

В 1852 году С. В. Максимов переехал в Петербург с надеждой попасть в университет на филологический факультет, а пришлось поступить в военно-медицинскую академию, которую он не окончил: медицина мало привлекала его.

В этот период началась литературная деятельность С. В. Максимова. Известность он приобрел своими этнографическими очерками «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» (1854), где представлены хорошо знакомые автору еще с детства зимние развлечения крестьянской молодежи. Затем появились «Извозчики», «Шведы» (портные), «Маляр», «Сергач» (бродячий поводырь дрессированных медведей), в которых изображен народный быт подробно и без прикрас. Обилие этнографического материала, красочность и правдивость описания привлекли внимание И. С. Тургенева, которому особенно понравился очерк «Сергач». Знаменитый уже тогда писатель ободрил начинающего литератора и посоветовал: «Ступайте-ка в народ, внимательно наблюдайте, изучайте его на месте, запасайтесь свежим материалом! У вас

хорошие задатки... Дорога перед вами открыта» (Касторский В. Максимов // Писатели костромичи... Кострома, 1958).

С. В. Максимов послушал совета и летом 1855 года отправился пешком изучать родной край. Он исходил Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую и Вятскую губернии. «Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта в молодом поколении того времени,— писал известный историк литературы А. Н. Пынин.— Мы помним впечатление, какое производили тогда эти рассказы «из народного быта» (и в числе их рассказы г. Максимова), которые были приветствованы как новая полоса литературных интересов, становившихся тогда все более и живыми общественными интересами: изучение народного быта было на очереди, когда в обществе начались оживленные толки о приближающемся освобождении крестьян» (История русской этнографии. СПб., 1891. Т. II).

Писатель изучал и описывал различные социальные слои населения России, но особенно ему была близка жизнь крестьян и рабочих-отходников. Он чувствовал и понимал жизнь простого человека, его душевный склад. Живо, глубоко, правдиво даются им зарисовки народной жизни, русской природы. М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Драгоценнейшее свойство Максимова заключается в его близком знакомстве с народом и его материальной и духовной обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности, наряду с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других».

Вдоль и поперек исходил С. В. Максимов родной край. «Я в самом деле,—вспоминал он на одном из своих юбилеев,—странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много.. В деревню я унес свою любознательность, изучая беспомощную нищету, ласкавшую и любившую меня с малых лет. Любовь помогла мне разобраться: отделить наружное от внутреннего. Деревня лыком подпоясана, мочалами окутаны ноги, молчаливая, безответная, сосредоточенная в себе, скрытная, подслеповато видит, как будто слабо мыслит, мало думает. Оказалось на деле и воочию, что под лохмотьями бьется горячее сердце и что разбросанный хлам есть не что иное, как вчерашние следы неустанной борьбы на жизнь и смерть с суровой природой, что эта борьба руководится изобретательным практическим умом, направляется богатырскими силами, могучим народным гением».

С. В. Максимов участвовал в экспедиции по изучению быта русского населения Севера: отправился к Белому морю, дошел до Ледовитого океана, до Печоры. В описаниях жизни народа он был так точен, что его очерки, статьи приобретали этнографическое

значение. Собранные и изученные им материалы были изложены в статьях, имевших большой успех у читателей, а затем вышла отдельная книга в двух томах под названием «Год на север» (1859). Она содержала много географических, этнографических, а также общественно-политических и психологических сведений. Книга была признана одной из лучших работ по этнографии народов Севера России, и за нее С. В. Максимова была присуждена Малая золотая медаль Русского географического общества.

После северной экспедиции С. В. Максимова была предложена поездка на Дальний Восток, в Амурский край. Результаты этой поездки изложены в книге «На востоке, поездка на Амур [в 1860–1861 г.], дорожные заметки и воспоминания» (1864). Позже Сергей Васильевич много путешествовал по Сибири, изучал жизнь ссыльных и каторжных. Капитальный труд в трех томах «Сибирь и каторга» (1871) потрясает фактическим материалом, рассказывающим о муках и страданиях этих людей.

Следующим предметом изучения С. В. Максимова был быт старообрядцев на побережье Каспийского моря и Урале. О них написана книга «Рассказы из истории старообрядства». В книге «Бродячая Русь» (1877) рассказывается о разных видах бродячничества и нищенстве в Псковской, Смоленской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Витебской и Минской губерниях.

Особый интерес для нас представляет книга С. В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» (1873). В основу ее положен материал, собранный автором во время путешествия по земледельческим губерниям черноземного края России. Книга написана для юных читателей, по словам самого автора, «обреченных на городскую жизнь и отрезанных от деревенских интересов». Это своеобразная художественная энциклопедия крестьянского труда, где рассказано об истории земледелия на Руси, о том, как растет хлеб, его пути от поля до стола, о хлеботорговле на Руси. Книга имела большой успех, несколько раз переиздавалась, была любимым произведением юношества.

В предисловии к изданию, вышедшему в издательстве «Молодая гвардия» в 1985 году, почетный академик ВАСХНИЛ, дважды Герой Социалистического Труда Т. С. Мальцев написал: «А сегодня уже не редкость встретить юного горожанина, которому невдомек, что и как растет, ему не отличить, скажем, овес от сорняка. Для него и хлеб-то сам какое-то отвлеченное понятие. Что ни говори, а любить, ценить нечто можно тогда, когда хорошо его знаешь. Но как — будем смотреть на дело реально — молодому обитателю асфальтовых полей ближе познакомиться с родословной обыкновенного калача? Самое простое — прочесть хорошую

книгу, посмотреть кинокартину...

Но вот беда — что-то не помнится, чтобы кто-то из наших литераторов порадовал нас занимательной книжкой про настоящий русский хлеб, как он добывался и как он добывается. А между тем еще сотню лет назад такое сочинение написано. Это «Куль хлеба и его похождения» Сергея Васильевича Максимова».

Язык произведений С. В. Максимова отличается чистотой и красочностью, богат народными словами и крылатыми выражениями, пословицами и поговорками. Серии статей под заглавиями «Не спуста слово молвится» и «Крылатые слова», вышедшие потом отдельными книгами в 1889 и 1890 гг., свидетельствуют о глубоком знании С. В. Максимовым русского языка, проникнуты любовью к живой народной речи. В них собраны присловья, устойчивые словосочетания русского языка, пословицы и поговорки, объясняются их значение, происхождение, употребление.

Большой интерес в наше время представляет его книга «Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится. По толкованию С. Максимова», переизданная издательством «Художественная литература» в 1955 году по второму, последнему изданию, вышедшему при жизни автора (1899). Это первый опыт толкований темных и непонятных крылатых выражений. В предисловии автор очень образно описал свой подход к изучению народного языкового творчества: «Углубляясь в дремучий и роскошный лес родного языка, богатого, сильного и свежего, краткого и ясного, на этот раз, конечно, довелось пробраться лишь по опушке. Здесь легче было осмотреться, пересчитать все, что было наглазным, произвести исследования и дать описание всему многочисленному разнообразию родов, видов и пород до валежника включительно» (Крылатые слова. М., 1955).

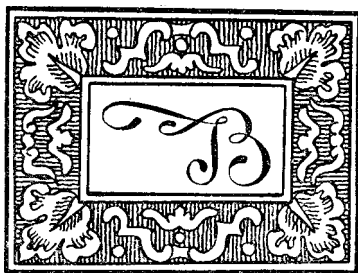
Не все в этой книге ходячие выражения объясняются бесспорно правильно с современной научной точки зрения. Наряду с удачными толкованиями встречаются малоубедительные, иногда ошибочные, некоторые сомнительные, но в основном этот труд дает богатый историко-культурный материал.

Талантливый писатель, этнограф, путешественник С. В. Максимов, отдавший большую часть жизни на изучение родины и быта своего народа, в 1900 году был избран почетным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Умер он в 1901 году в Петербурге и похоронен на Волковом кладбище.

В произведениях С. В. Максимова отражены глубокая любовь к русскому народу, его труду, творчеству, русской природе и русскому языку, вера в силу и мощь народного духа,

Из рукописных материалов

П. Г. Богатырева

ыдающийся этнограф, фольклорист и литературовед П. Г. Богатырев родился 29 января 1893 г. в Саратове. В 1918 году он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Еще в студенческие годы Богатырев принял участие в деятельности Московского лингвистического кружка,

организованного Р. О. Якобсоном. В 1916 г. по поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и Московской диалектологической комиссии Богатырев собирает материалы по фольклору и этнографии в Шенкурском уезде Архангельской губернии. По результатам этой поездки он подготовил ряд публикаций в журналах «Этнографическое обозрение» и «Живая старина».

В 20-е годы, находясь на дипломатической работе в Чехословакии, Богатырев собирает литературные и исторические материалы в архивах Чехословакии, а также Австрии, Германии и Дании, принимает участие в работе Пражского лингвистического кружка, ездит в этнографические экспедиции в Закарпатье. В 1923 году в издательстве «ОПОЯЗ» выходят в свет первые книги Богатырева — «Чешский кукольный и русский народный театр» и «Славянская филология в России за годы войны и революции» (совместно с Р. О. Якобсоном). Позднее появляются работы «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (1929 г.), «Функции национального костюма в Моравской Словакии» (1937 г.), «Народный театр чехов и словаков» (1940 г.).

После начала Второй мировой войны Богатырев возвращается на родину. В 1943–1948 годах он руководит сектором фольклора Института этнографии АН СССР и одновременно преподает в Московском университете. Однако работа ученого была прервана: он стал одной из жертв пресловутой борьбы с космополитизмом. В феврале 1948 года в Институте этнографии прошел ряд заседаний, посвященных осуждению книги В. Я. Проппа «Исторические

корни волшебной сказки», функционально-структурального метода П. Г. Богатырева и наследия А. Н. Веселовского. Материалы этих заседаний опубликованы в журнале «Советская этнография» (1948, № 3, с. 139–163). 17 марта 1948 года в «Литературной газете» появилась статья А. Балакина «Похороны кукушки», в которой подвергалась резкой критике деятельность сектора, возглавлявшегося Богатыревым. В результате ему пришлось уйти из Института этнографии, а позднее — и из университета.

В 1952–1958 годах он преподавал в Воронежском университете, в 1958–1963 годах работал в Институте мировой литературы АН СССР, а с 1964 года до конца жизни (1971 г.) вновь преподавал в МГУ. В 1971 году издательство «Искусство» подготовило том избранных трудов Богатырева «Вопросы теории народного искусства», куда вошли его основные труды 1920–1930-х годов и ряд более поздних статей, имеется здесь и библиография трудов ученого.

И все же наследие Богатырева известно нам далеко не в полном объеме. Практически недоступными остаются статьи ученого, опубликованные на чешском и французском языках в зарубежных изданиях 1920–1930-х годов. А между тем они основаны на полевых материалах, собранных самим ученым, и представляют значительный интерес. Недавно была опубликована подборка шенкурских заговоров из рукописных материалов Богатырева (Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тез. и предварит. мат-лы к симп. М., 1988, ч. 2. с. 75–79). Заслуживают внимания материалы, собранные во время экспедиций в Закарпатье, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ).

Публикуемые нами заметки являются, по-видимому, наиболее ранними этнографическими записями ученого. Они сделаны Богатыревым в 1915 году во время каникул на его родине — в Саратовской губернии. Свадебный обряд, зафиксированный Богатыревым, значительно упростился по сравнению со второй половиной XIX века, потерял многие эпизоды. Например, смотрины соединены со сватаньем, вообще нет «запоя» (помолвки). Из свадебных чинов названы только «дружка» и «полудружье», а более ранние описания называют также «коровайника» и «подсвечника».

И все же публикуемое описание содержит интересные детали. Войдя в дом, чтобы посвататься, родственники жениха смотрят на матицу — поперечную балку, поддерживающую потолок. В народном жилище матица отделяла часть дома, расположенную у входа, от внутренней части, причем эта граница имела и симво-

лический смысл: например, гость, войдя в избу, садился на лавку у входа и не должен был заходить за матицу без специального приглашения, а сваты, наоборот, сами становились или садились под матицей. У Даля: «Сидеть под матицею – быть свахою, сватать в доме невесту». Место под матицей – один из сакральных центров жилища наряду с красным углом и печью. Если печь называют «матушкой» в заговорах, а избу – в пословицах, то за матицей навсегда закрепилось название, утверждающее ее «материнскую» сущность, – «матица», или, как у Богатырева, «матка».

Утром после свадьбы молодых будят, разбивая горшки с золой или песком. Этот шуточный ритуал очень характерен для русской свадьбы. Современного читателя, наверно, шокируют действия с брачной рубашкой молодой, но народное отношение к девственности невесты и представления о том, что стыдно и что позволено, весьма существенно отличались от современных. Интересно описан Богатыревым и спор между родителями жениха и невесты из-за «кладки». У Даля: «В восточных губерниях *кладка* – род калыма, откупа за невесту, условные деньги от жениха на приданое и на свадьбу».

Богатырев записал также рассказ о писаре, который погиб из-за козней колдуна. Не случайно, что саратовские колдуны выбрали своим орудием зайца: в поверьях разных народов заяц связан со злокозненной, дьявольской силой, встреча с ним сулит несчастье. Помните, чего так страшилась Татьяна Ларина:

Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что пачать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

Тексты печатаются по рукописи «Обряды, гадания и приметы, записанные П. Г. Богатыревым в Саратовской и Рязанской губ.» (ЦГАЛИ, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1–5, 14, 19) с незначительной стилистической правкой.

Свадьба

Смотриньы. Отец, мать жениха, сосед их или родственник пожилых лет отправляются к родителям невесты. Как войдут, молятся Богу, потом смотрят на «матку» (–матицу), чтобы родители невесты знали, что они сватать пришли, и садятся около стола или где придется. Родители невесты приглашают близких родст-

венников или соседей, выводят невесту разряженную, начинают рядиться в «кладке». Жених за невесту платит от 10 до 200 рублей. Родители жениха выряживают, чтобы жениху купили родители невесты подарок: сапоги или что-нибудь. Несколько раз родня жениха уходит, их зазывают, так что все это очень напоминает торговлю. Одна сторона убавляет, другая прибавляет, потом бьют по рукам, молятся Богу, некоторые приглашают священника, некоторые нет. Потом изрядно выпьют. Старики уходят, тогда приходит жених с ребятами. Невеста собирает подруг, которые у ней остаются до свадьбы, шьют и собирают приданое. Молодежь пляшет, танцует, пьет чай и водку до рассвета, потом невеста идет провожать жениха. От смотрии до венца проходит не больше двух недель. В это время раза 3 собирается молодежь, пляшут и играют. Называются эти гулянья — «вечера».

Накануне свадьбы близкие родственники жениха и невесты, двое или трое мужчин (называются они «зваты»), ездят по селу и приглашают на свадьбу. В день свадьбы родственники жениха собираются у него, родственники невесты — у невесты. Родственники приносят жениху и невесте по четверти водки, кто не мог запастись вином, дает деньгами стоимость четверти. Собирается поезд, пар 7–8 с колоколами, с бубенцами, выстраиваются во дворе, намечается «дружка», пожилой мужик лет 45–50 и «полудружья». Благословенье происходит дома, у жениха отдельно, у невесты отдельно. Отец и мать становятся в передний угол перед иконами. Берет (кто?) хлеб, на хлебе икона и солопица. Жених и невеста подходят, прежде помолятся, потом кланяются отцу. Он их благословляет, также подходят к матери и к крестному. Тот также благословляет. Благословляют по желанию и некоторые из присутствующих. Затем дружка с хлебом и иконами обходит 3 раза поезд и скачет в церковь. Некоторые крестьяне бросают от колдунов корочки хлеба.

То же самое, что происходит в доме родителей жениха, происходит и в доме родителей невесты. Из церкви у зажиточных крестьян жениха и невесту ведут домой в венцах.

По возвращении домой жених и невеста несколько минут сидят вместе со всеми гостями, потом идут в чулан (где печка), а летом — в клеть или в кладовую. Здесь с ними за столом сидит сваха или товарищ и молодежь. На свадьбе девиц совсем не бывает. Величальные же песни девицы поют на первый день после смотрии.

В 10 часов вечера дружка один укладывает спать молодых.

На другой день очень рано колют горшки, начиненные песком, золою, пылью, горохом и молоком. Колют горшки и мужики,

и бабы. Этим шумом они будят молодых. Затем отправляются сваха или дружка или и тот и другая и просят белье, кладут на поднос и преподносят отцу молодой. Это делается при всех. Отец и мать молодого благодарят отца и мать молодой. После этого молодых уводят в баню. После бани молодые садятся вместе со всеми гостями. Когда гости кричат «горько», молодые целуются. Попьют, поедят и отправляются гулять к молодой. И так целый день ходят от дома к дому или по улице. Разурадят лошадей и ездят по деревне, свахи также разряжаются. На третий день собираются гости у молодого, здесь пьют, но не допьяна. Молодые выходят и кланяются гостям, это называется «поклон», молодым кладут деньги.

Село Камешкир Кузнецкого у. Саратовской губ.

Гибель от зайца

Крестьяне верят, что некоторые лица, главным образом женщины, являются колдунами, которые посылают своих врагов ловить зайцев, и эти зайцы [заводят] их в пропасти, овраги, ямы, и долго мучают, и в конце концов губят. Так, например, ходит убеждение, [что] писарь этого села Николай Чернавский погиб от этого «зайца». Лет 18 тому назад на престольный праздник в селе Наскафтыме в одном доме была пирушка, где писарь сказал колдуну напротив, и колдун сказал: «Посмотрим, что ты не доедешь до своего села», — и присутствующие посторонние поняли, что его он посылает «ловить зайцев». Была буря (в октябре месяце) ужасная, и писарь с кучером в ночь поехал домой, и, действительно, писарь не доехал, замерз, а кучер приехал.

Село Старый Магим Кузнецкого у. Саратовской губ.
Сообщил Яков Иванович Чернавский, брат этого писаря

Подготовка текста и предисловие А. Л. Топоркова

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Группе сотрудников Института русского языка АН СССР присуждена Государственная премия РСФСР 1988 года в области науки и техники за цикл работ по общей проблеме «Исследование памятников древнерусской письменности и разработка принципов их научной публикации». В числе отмеченных работ Изборник 1076 года (М., 1965), Успенский сборник XII–XIII вв. (М., 1971), Апракос Мстислава Великого (М., 1983).

В 1958 году в Институте русского языка АН СССР по предложению академика В. В. Виноградова был организован сектор библиографии, источниковедения и издания памятников. Возглавил этот сектор доктор филологических наук С. И. Котков.

Издание памятников древнерусской письменности исключительно важно для истории русской культуры и русского языка. Изучение бесценных рукописных сокровищ, хранящихся в собраниях Советского Союза, является необходимой предпосылкой воссоздания нашего исторического прошлого, научной разработки проблем древнерусской истории, культуры, языка. Выход в свет наиболее ценных рукописных памятников делает их доступными для широкого круга исследователей, для многочисленных любителей родной старины. Задача издания древнерусских рукописей становится все более актуальной по мере возрастания интереса к историческому прошлому: только таким образом можно и удовлетворить этот интерес, и обеспечить сохранность рукописных фондов.

Сектор начал свою публикаторскую деятельность с подготовки Изборника 1076 года, который, как известно, является третьей датированной древнерусской рукописью, рекомендованной в качестве первоочередного издания Д. С. Лихачевым. К печати подготовлен В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровиной, В. Г. Демьяновым, Г. Ф. Нефедовым под руководством С. И. Коткова.

Как известно, наиболее распространенным типом рукописей с литературными материалами являются сборники (изборники). В них содержатся отрывки библейских сюжетов. Наибольший ин-

терес представляют сборники неопределенного состава. К ним относятся Изборник 1076 года и Успенский сборник XII—XIII вв. В Изборник входит статья, прославляющая чтение книг, а также статьи морально-нравственного характера. Они получили широкую известность на Руси и отразились в оригинальных русских произведениях (Поучение Владимира Мономаха, Моление Даниила Заточника).

Палеографическое исследование, выполненное В. С. Голышенко, позволило установить количество писцов рукописи, границы их работы, их русское происхождение. Ввиду плохой сохранности рукописи исследование потребовало применения новейших методов оптико-фотографического анализа, позволившего В. С. Голышенко разграничить подлинное письмо XI века и неоднократные позднейшие его поновления. Таким образом, в издании был воспроизведен первоначальный текст Изборника 1076 года. Анализ текста с применением указанных методов был первым таким опытом в мировой и отечественной практике.

Успенский сборник XII—XIII вв. подготовлен В. Г. Демьяновым, О. А. Князевской, М. В. Ляпон под редакцией С. И. Коткова. Работа осуществлялась под руководством О. А. Князевской. Рукопись Успенского сборника, хранящаяся в Государственном историческом музее, является самым древним восточнославянским памятником письменности, содержащим оригинальные произведения древнерусской литературы (Сказание о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского, одно из поучений Кирилла Туровского).

Апракос Мстислава Великого (издание подготовили Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова под редакцией Л. П. Жуковской) — ценнейший памятник древнерусского языка и письменной культуры Древней Руси, написанный на рубеже XI—XII вв. В издании представлен полный текст рукописи с палеографическими и лингвистическими примечаниями. Оно содержит палеографическое описание рукописи со сведениями о ее истории и лингвистической характеристикой, исчерпывающий указатель слов и их грамматических форм. Представлены указатели чтений: полистный и в общепринятой последовательности текста. По изданному тексту и указателям слов и форм в дальнейшем могут осуществляться разнообразные исследования языка.

Апракос Мстислава — древнейший из числа сохранившихся полных апракосов, возможно, вообще самый древний в славянских странах. Древнее его только краткие апракосы: древнерусские Остромирово евангелие 1056—1057 гг. и Архангельское евангелие 1092 г. Большинство повторяющихся чтений создаст очень

важное преимущество Апракоса Мстислава Великого по сравнению со всеми другими древнейшими рукописями, которые используются в качестве важнейшего древнего славянского, и особенно древнерусского, лингвистического источника. Повторяющиеся до пяти раз одни и те же тексты написаны в Апракосе Мстислава неодинаково. Богатые вариации грамматических форм, синтаксических конструкций и порядка слов, разные способы передачи живых фонетических процессов, различия в лексическом наполнении текста — все это делает Апракос Мстислава Великого таким источником для исследования истории формирования и функционирования древнерусского литературного (в то время еще литературно-письменного) языка, значение которого трудно переоценить.

Книга содержит три лингвистических указателя, охватывающих все употребляемые в нем слова и их грамматические формы, позволяющие раздельно выявить и квалифицировать языковые факты самого апракоса и бытовой повседневный язык трех лиц, оставивших записи о своей работе. Особую ценность для лингвотекстологических и сравнительно-исторических исследований имеют таблицы повторяющихся чтений. Научный аппарат издания не имеет аналогов в мировой практике издания славянских, греческих, латинских и других памятников подобного содержания.

Издания рукописей Изборника 1076 г., Успенского сборника XII—XIII вв. и Апракоса Мстислава Великого, удостоенные Государственной премии РСФСР 1988 года, ввели в научный оборот ценнейшие источники для изучения древнего периода истории русского языка, истории литературы и культуры. Данные источники особенно необходимы для изучения многих вопросов древнейшей истории восточно- и южнославянских языков и разработки проблем формирования русского литературного языка.

Эти публикации выполнены с учетом лучших образцов лингвистических изданий конца XIX — начала XX века и отвечают высоким научным требованиям. Они служат делу возобновления в советское время традиции лингвистического издания письменных памятников и представляют большой интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей, внимание которых привлекают вопросы культуры славянских народов и русского литературного языка.

Слово

ПАРЛАМЕНТ

В русском языке

Н. В. Киричко

История слова *парламент* (англ. parliament, франц. parlement) в русском языке неоднократно привлекала внимание исследователей. Ей занимались известные лингвисты — М. Фасмер, М. Фогараши и др.

Интересные дополнения к их разысканиям содержатся в исследовании С. М. Глускиной, которая обнаружила употребление существительного *парламент* в Космографии 1637 года (перевод с латинского языка Богдана Лыкова), где несколько раз упоминается об английском парламенте (см.: Глускина С. М. Общественная терминология в Космографии 1637 года. Алфавитный перечень латинских социальных терминов и их соответствий в Космографии. Уч. зап. Псковского гос. пед. института им. С. М. Кирова. Вып. 2. Псков. 1954).

Термин *парламент* был непривычным и не совсем понятным русскому читателю, и поэтому в тексте Космографии ему в некоторых случаях даются пояснения. Переводчик поясняет незнакомый русскому читателю термин при помощи привычных слов *совет* и *сейм*.

Появившись в русском языке, по-видимому, в 1637 году, термин *парламент* долго еще не закреплялся в нем. Почти до конца XVII столетия *парламент* передается при помощи русских соответствий: «А аглинские соемные люди опят короля своего в город Лундень на соиму звали...» (Вести-Куранты. 1642–1644 гг.). Эти случаи продолжают традиции конца XVI века, когда при переводе английских документов слово parliament заменялось русским существительным *соброр*.

Богатые материалы по истории слова применительно к английской реалии содержатся в так называемых *статейных списках*, или отчетах русских дипломатов о своих поездках за границу. В этих документах подробное описание путешествия излагалось по статьям, то есть по пунктам. Во многих списках,

относящихся к сфере дипломатических сношений между Россией и Англией, встречается упоминание об английском парламенте. Впрочем, авторы некоторых статейных списков еще долгое время продолжали традиции замены слова *парламент* русскими соответствиями.

Например, Павел Менезиус, принимавший участие в посольстве царя Алексея Михайловича к ряду западноевропейских правителей, в своей отписке (докладе) русскому государю, составленной 9 мая 1673 года, называет английский парламент *Аглинской Речью Посполитой*: «Да посылал, Государь, ко Французскому Королю Англинский Король посла своего с тем, что Аглинская Речь Посполитая болши того ему с Галанскими статьи войны весть не позволяют и казны давать не хотят...» (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранцами. Ч. 4. СПб., 1856).

Описывая английский парламент в 1687–1688 годах, дьяк Василий Михайлов называет его в своем статейном списке *Думной полатой* и *думой*: «Та ответная полата о которой посланнику сказано называецца Думная в которой королевское величество для целости своего государства де в думе сидит...» (ЦГАДА, англ. дела).

Но употребление русских слов для наименования английского парламента является скорее исключением, чем правилом. Чаще в статейных списках встречается сам термин *парламент*, и вполне возможно, что именно статейные списки стали одним из важных путей закрепления заимствования слова. На материалах статейных списков легко можно проследить, как меняются грамматические свойства существительного *парламент* в русском языке.

В статейном списке Г. С. Дохтурова (1645–1646 гг.) еще не закрепившееся в русском языке слово *парламент* понимается как собирательное и связанные с ним глаголы ставятся во множественном числе: «А парламент де сидят в двух полатах, а выбираны де те думные люди Аглинские и Шкотцкие земли изо всякого города человека по 3 и по 4; в одной де полате сидят де бояр 60 человек а в другой полате мирских и служилых и ис торговых людей 420 человек...», «А как гонец Гарасим Дохтуров в полату вошел, и парламент все встали и шляпы с себя сняли. А сидят парламент в той полате по ступеням, на все стороны вверх пошли ступени, а по середке полаты на низу за столом сидит речник Ульян Лентал, который за всех говорит» [Рогинский З. И. Поездка гошца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–46 гг. (из истории англо-русских отношений в

период английской буржуазной революции XVII века). Ярославль. 1958]. Но эта особенность слова не сохранилась в русском языке, и в других статейных списках существительное *парламент* сочетается с глаголами в единственном числе, как, например, в статейном списке А. Виниуса (1672–74 гг.): «...и парламент будет сидеть...» (ЦГАДА, англ. дела).

В XVII веке не всегда устойчивым был и орфографический облик слова. Здесь наблюдались колебания в употреблении первого гласного.

Форма *перламент* встречается в статейном списке Михаила Головнина (1667 г.): «...чтоб до суда парламентаво ничего над ним не учипити, а как парламент будет сидеть и ево де по приходным и расходным книгам сочтут...» (ЦГАДА, англ. дела), а форма *порламент* — в статейном списке Трифона Немчинова (1676 г.): «Трифоп же в аглинской земле живучи в городе Лондоне слышал что де у аглинского короля порламент будет вскоре...» (Там же).

Колебания между орфографическими формами *парламент* и *перламент* наблюдаются в дипломатических документах 1672 года, составленных А. Виниусом, хотя чаще автор использует форму *парламент*.

Постепенно орфография слова стабилизируется, и в словари попадает уже форма *парламент*, употребляющаяся и в современном русском языке. С пояснениями *парламент* дается в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана (СПб., 1731): «Parlament, fumta curia. Парламент — высшее собрание знатнейших государственных членов».

Подробное толкование слова находим в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту...» Н. Яновского (Т. 3. СПб., 1806), где оно представлено двумя омонимами, которые рассматриваются как два отдельных слова с такими значениями: 1) верховная законодательная власть в Англии, 2) верховный суд во Франции.

На протяжении нескольких веков бытования термина *парламент* в русском языке произошли изменения в его значении. Если в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года это существительное еще связывается с Англией: «Парламент... Собрание лордов, депутатов народных, высшее место правосудия и законодательства в Англии...», то уже через несколько лет в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля связь слова с какой-либо определенной страной не отмечается, и здесь *парламент* — это «...в конституционных государствах, собрание чинов и выборных, палата, дума, собор, для обсуждения законо-

дательных и др. вопросов». Любопытно, что В. Даль раскрывает значение слова *парламент* при помощи почти тех же русских слов-заменителей, которые использовались в дипломатических документах еще в XVI—XVII веках: *дума, собор*.

В публицистике XIX века буржуазный парламент порой иронично называли *говорильней*.

Любопытные примеры замены существительного *парламент* эквивалентами можно обнаружить и в художественных произведениях этого периода. В романе Б. Маркевича «Перелом» наряду с употреблением иронического синонима *говорильня* используется сочетание *двойственный собор*: «Ну, так вот-с и изображают они собою в российских лицах ссй знаменательный „двойственный собор“, какой он там есть в Англии: родитель мой, например, пламенный „коммонер“ из нижней говорильни...». Это сочетание восходит к традициям XVI века. Но своеобразные «переводы» XIX века, конечно, отличаются от переводов слова *парламент* XVI—XVII веков, поскольку в XIX веке они несут ярко выраженную ироническую окраску.

С ударением на последнем слоге слово зафиксировано в ранних словарях: в «Российском с немецким и французским переводом словаря» И. Нордстета (Ч. 2. СПб., 1782) и «Русско-французском словаре или этимологическом лексиконе русского языка» Ф. И. Рейфа (Ч. 2. М., 1836).

Такое же ударение отмечено и в драматической поэме А. К. Толстого «Дон Жуан» (1860 г.):

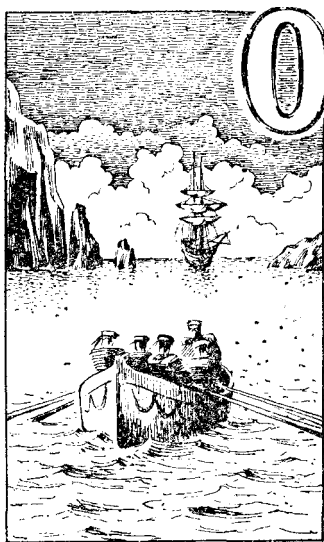
Согласен и на то. Без комплимента,
Мы, значит, вроде парламента;
Мы, так сказать, правления весы,
Сознайтесь, что господь здесь только для красы;
Он символ лишь замысловатый...
Делами ж правим мы, две равные палаты...

Но уже «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. отмечает в этом слове иное ударение: *парла́мент*. Вероятно, ударение на втором слоге становится к середине XIX века господствующим, нормой языка. Но еще и в начале XX века, видимо, наблюдались колебания произносительной нормы слова *парламент*, что нашло отражение в «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи» В. Долопчева, где есть указание: «не парламе́нт, но парла́мент» (Варшава, 1909).

Возможно, сдвиг ударения в слове *парламент* на предпоследний слог произошел в XIX веке под влиянием серии слов на *-а́мент* (*департа́мент, орна́мент, перга́мент, регла́мент, фунда́мент* и др.).

Стать на якорь

О. П. Наумов

Основным выражением, означающим «остановить движение судна и удерживать его на месте нужное время, соединив с грунтом при помощи опущенного на дно якоря», в русском морском языке является *стать на якорь*. Оно очень древнее, употреблялось в русском языке еще в XIV веке. И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка...» приводит такой пример: «И бысть в полунощи, кораблю стоящу на якорех» (1392 г.).

Такое же значение, как и *стать на якорь*, имеют выражения *кинуть*, *бросить*, *положить*, *отдать якорь* и *лечь на якорь*. Якоря не «бросают», не «отдают» и не «кидают» в буквальном смысле слова, но так было не всегда.

В старину на русских речных судах употреблялись выражения *бросить*, *вергнуть*, *метать*, *кидать якорь*. Они были достаточно распространены. Реки на Руси продолжительное время являлись основными путями сообщений.

Нет сомнения и в том, что данные выражения означали первоначально естественный процесс «вержения», «метания», «кидания» и «бросания» якоря с борта небольшого судна и имели только прямой смысл, приобретая значение выражения *стать на якорь*. Со временем увеличивались суда — прибавлялся и вес якоря. Появилось якорное устройство. Теперь якорь не кидали, а опускали на дно с помощью приспособления. А удобные, простые, емкие выражения остались, получив первый переносный смысл.

В 1695–1696 годах в Воронеже началось строительство Азовского флота. Профессиональный язык работавших мастеровых и матросов был положен в основу зарождавшегося здесь русского морского языка. Названные выражения выдержали испытание временем. Если не считать выражения *вергнуть якорь*, которое перестало употребляться еще на рубеже XVII века.

В Петровскую эпоху наибольшее распространение получили выражения *стать на якорь*, *кинуть якорь* и *бросить якорь*. В это же время появляется и новое выражение в русском морском языке *лечь на якорь* как синоним *стать на якорь*. «Как надобно якорь отсечь, когда лежит на якоре (судно) блиско земли в большой ветер чтоб на ту сторону поворотить, на которую похочет?» (Зотов К. Разговор у адмирала с капитаном о команде..., СПб., 1724).

Все эти выражения могли выполнять функцию командных слов лишь в те времена, когда они употреблялись только в прямом смысле. В Петровскую эпоху они уже не являлись командными словами. Значит, была какая-то команда, по которой, при постановке судна на якорь, якорь опускали на дно. Да, действительно, была. Ее находим в «Разговоре у адмирала...». Команда эта — *опускай якорь*.

В 1795 году адмирал А. С. Шишков издает «Трехязычный морской словарь...». В английской части он приводит выражение *Let go the anchor!* «Отдай якорь!», во французской части — *Mouille* «Бросай якорь!», в русской — *Отдай* или *бросай якорь!*

Кроме того, в английской части приведены следующие выражения: *to cast anchor*, *to come to an anchor*, *to anchor* со значением «лечь или стать на якорь». Выражение *to cast anchor* в дословном переводе означает «бросить якорь». Это значит, что и в английском морском языке выражение *бросить якорь* существовало очень давно.

Выход словаря А. С. Шишкова был первым толчком к введению на кораблях командного выражения *отдай якорь*. После выхода в свет «Опыта морской практики» (1804 г.) это командное выражение распространяется на флоте.

Читаем рукопись В. Даля «Записки, веденные идучи с эскадрою на 44-х пушечном фрегате «Флора», написанные летом 1820 года. Наряду с выражением *бросить якорь* он порой употребляет и *отдать якорь*. Так 15-го июля мичман В. Даль пишет: «Сей час отдан якорь на севастопольском рейде», 23-го августа — «Якорь отдан». Потребуется еще более полувека, прежде чем это выражение будет употребляться в языке моряков с такой же легкостью, как и *бросить якорь*.

В 1830 году в России были изданы «Командные слова...», которые и закрепили выражение *отдай якорь* в качестве командного выражения на русском флоте.

Впервые выражение *отдать якорь* появилось в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 года: «Отдать якорь. Мор. зн. бросить якорь в воду».

Все выражения, которые были названы в начале статьи, кроме *лечь на якорь*, вслед за *стать на якорь*, получили второй переносный смысл, вышли за пределы профессионального морского языка и внедрились в народный язык со значением: «обосноваться, остановиться на длительное время или постоянно на данном месте».

Ленинградская область,
Отградное

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Я часто слышу слово „китч“ (или „кич“?). Объясните, пожалуйста, его происхождение и значение».

Н. З. Андрианова, Москва

Словарь-справочник «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой, выпущенный издательством «Русский язык» в 1984 г., отмечает следующие значения слова *китч* в русском языке: 1. Направление в буржуазной литературе, искусстве, кинематографе, пропагандирующее безыдейность, примитивизм, развлекательность; произведение в духе этого направления. 2. Предмет домашнего обихода, одежды и т. п., безвкусно стилизованный подо что-либо.

Английское *kitsch* имеет пренебрежительный оттенок значения и может быть переведено на русский язык словами *мазня* (о картине), *сентиментальщина* (о романе, фильме и т. п.), *чтово* (о литературе).

Что косит год високосный?

Вот и подошел к концу нынешний 1988 год — год високосный. И, возможно, вы тоже, как читатели С. Т. Семенихина из Орши и семья Новожиловых из Ленинграда, заинтересовались, почему каждый четвертый год, на который выпадает лишний февральский день, называют *високосным*? Откуда взялось это слово и связано ли оно как-то с глаголом *косить*, как предполагает В. Бойко из Ставрополя?

На эти вопросы отвечает научный сотрудник Института русского языка АН СССР Т. В. Горячева.

История у слова *високосный*, действительно, очень любопытная. Уже в древнерусском языке было существительное *високость* и прилагательное к нему *високостный*. Вот как цитирует произведение списка XVI века (с оригинала 1136 г.) «Кирика диакона Новгородского Антониева монастыря учения, им же ведати числа всех лет» Словарь русского языка XI–XVII веков (вып. 2, 1975 г.): «На четвертое лѣто приходит день именуем *високост*».

В древнерусский язык слово проникло через новогреческое *bisextos*, которое, в свою очередь, восходило к латинскому *bissexthus* — «дважды шестой» (*bis* — дважды и *sextus* — шесть).

Но как греческое *bisextos* стало русским словом *високость*?

Произошла следующая трансформация: *bisextos* → *висекъсть* → *висекость* → *високость* (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

А чтобы понять, каким образом сложилось понятие *високосный* и как оно связано с числом шесть, обратимся к истории римского календаря. Сначала отметим, что сейчас почти во всех странах мира используется календарь, основанный на движении солнца. Его основа — тропический (солнечный) год продолжительностью 365,24220 суток. В Древнем же Риме около середины VIII в. до н. э. пользовались лунным календарем, основанным

на движении луны. Год у римлян состоял только из десяти месяцев, и было в нем всего 304 дня. Начинаясь год с первого числа того месяца, на который приходилось начало весны. В VII веке до н. э. была проведена реформа римского календаря, и к десяти месяцам добавились еще два — январь и февраль, причем февраль с самого начала стал считаться недобрый месяцем: он был четным, а римляне относили четные числа к несчастливым, и имел всего 28 дней — меньше, чем другие месяцы. Год в новом календаре теперь содержал 355 дней, но все равно оказывался короче тропического года на 10 суток. Календарные числа все меньше соответствовали явлениям природы. Тогда было решено каждые два года между 23 и 24 февраля вставлять добавочный месяц мерцедоний.

Так и поступали, пока не выяснилось, что и эта мера недостаточна: неудобств не убавилось. И по следующей реформе римского календаря в основу его легло годовое перемещение солнца. Теперь год стал равен 365 с четвертью суток. При этом решили в течение 3-х лет считать год в 365 дней, а четвертый — в 366, ведь четверть суток, умноженная на четыре, давала добавочный день. Год стал начинаться с января, месяц мерцедоний из календаря исключили, а на его место между 23 и 24 февраля Юлий Цезарь и определил дополнительный день. Так что раз в четыре года у римлян получалось не одно 24 февраля, а целых два.

Тут нужно сказать, что римляне считали дни в конце месяца не по порядку: 24-е, 25-е, 26-е, как делаем это мы. Они считали назад от первого дня нового месяца. Поэтому 24 февраля назывался шестым днем до мартовских календ (до 1 марта), 25 февраля — пятым днем до мартовских календ, 26-е — соответственно четвертым днем до мартовских календ и т. д. Ну, а когда появился добавочный день 24 февраля, его назвали, естественно, *diēs bissextus* — второй шестой день до мартовских календ. Такой год получил название *annus bissextilis* (содержащий в феврале лишний день).

Вот так цифра 6 вошла в понятие *високосный*.

Итак, слова *високость* и *високосный* были известны на Руси очень давно. Со временем в результате фонетического упрощения группы согласных *-ст-* произошло изменение слова *високость* в *високос*, *високосный* в *високосный*.

А високосным годам, как и дню 29 февраля, приписывалась недобрая слава. Чего, например, стоит хотя бы тот факт, что день 29 февраля был отдан Касьяну — завистливому, злопамят-

тому, немилостивому, скупому, недоброжелателю. В. И. Даль в своем Словаре живого великорусского языка приводит много поговорок и поговорок о високоме и Касьяне: «Касьян па скот взглянет, скот валится; па дерево, дерево сохнет», «Зинул Касьян па крестьян», «Касьян что ни взглянет – все вянет», «Високосный год тяжелый, на людей и на скотину», «Худ приплод в високосный год». В русских говорах (архангельских, Брянских) сохранилось слово *високоме* и выражение *год-високоме* в значении високосный год – «Високоме злой год для севера». Несчастливым считался високосный год в средние века и во многих европейских странах.

Возможно, именно худая слава високосного года послужила причиной возникновения народной этимологии, предполагающей, что *косить* и *високосный* однокоренные, а значит и близкие по смыслу слова. Косит, могли думать в старину, несчастливый год здоровье, благополучие, силу.

Но, как видите, это совсем не так.

Кабульский и джамбульский

«Почему слова *кабульский* и *джамбульский* (от *Кабул* и *Джамбул*) пишутся на русском языке по-разному: *джамбульский* без мягкого знака, а *кабульский* с мягким знаком? Я обратился с

этим вопросом к одному языковеду из Алма-Аты, и он объяснил так: „Слово *Джамбул* – казахское, в нем нет мягкого знака, поэтому и в слове *джамбульский* его нет“. Прав ли он?»

Е. Н. Окулов, Ташкент

По правилам современной русской орфографии, если корень слова (прилагательного) оканчивается на *л*, а затем следует суффикс *-ск-*, то перед суффиксом ставится мягкий знак: *Урал – уральский*, *село – сельский*, *посол – посольский* (см.: Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. М., «Высшая школа». 1973. § 33). В чем же дело?

Язык – живое явление, он постоянно развивается, совершенствуется. Это отражается и в орфографии. Ее морфологический принцип не исключает фонетических и традиционных написаний. Кроме того, есть в русском языке и случаи, когда слово пишется

двойко, например *обусловливаются* и *обуславливаются*. Такая вариантность на письме вызвана языковыми, и в первую очередь, фонетическими особенностями звукового состава слова.

Действительно, *Джамбул* — слово казахское, а в казахском языке согласные звуки не смягчаются. Это обстоятельство учитывается при анализе орфографического (и орфоэпического) облика заимствованного слова и его производных. Заимствования из другого языка, как правило, осваиваются воспринимающим языком длительное время: слова приспособляются к новым языковым нормам и правилам. И хотя слово *джамбульский* русское, оно образовано от заимствованной основы и с точки зрения словообразования относится к прилагательным, мотивированным нерусскими топонимами, так же, как прилагательные *ямалский*, *кызылский*, *хаалин-голский*.

Джамбульская область как официальное географическое название существует с 1939 года, когда город Мирзоян был переименован в Джамбул в честь великого казахского акына Джамбула Джабаева. Так — без мягкого знака — название зафиксировано, в частности в Большой Советской энциклопедии, изданной в 1949–1958 гг. (Т. 14, 1952).

Лишь некоторые справочные издания, например Словарь прилагательных от географических названий Е. А. Левашова (М., Рус. яз. 1986), фиксируют варианты *джамбульский* — *джамбулский*, но современные орфографические словари русского языка приводят прилагательное *джамбульский* без мягкого знака.

Таким образом, прилагательное *джамбульский*, образованное от *Джамбул* и вошедшее в русский литературный язык под влиянием массового казахско-русского двуязычия, в русской письменной речи стало употребляться без мягкого знака.

Прилагательное же *кабульский*, образованное от *Кабул*, хоть и мотивировано с точки зрения словообразования тоже топонимом, но топоним этот пришел из афганского языка пушту (возможно, через английский язык) письменным путем, через книжную речь. Так что *кабульский* образовано вне влияния массового афганско-русского двуязычия.

И последнее: то, что в слове *джамбульский* нет мягкого знака, подкреплено тенденцией русского языка сохранять в производных словах от имен собственных само имя собственное.

Прогнозировать трудно, но, возможно, со временем, когда будет пересматриваться свод правил русской орфографии и пунктуации 1956 года, это разночтение будет устранено.

В. М. Панькин,
кандидат филологических наук

СуперЭВМ

В начале 60-х годов молодые ученые Новосибирского академгородка выдвинули идею создания многопроцессорных электроно-вычислительных машин значительно ббльших возможностей, чем их предшественницы. Однако воплотить идею на практике не удалось: микроэлектронная технология была еще несовершенна.

В конце 70-х годов эти работы были возобновлены, а первые серийные универсальные ЭВМ (производящие 125 млн. операций в секунду) появились совсем недавно, в середине 80-х. Специалисты назвали эти сверхбыстродействующие машины *суперЭВМ*. Итак, появилось новое слово: к аббревиатуре ЭВМ присоединен префикс *супер-*.

О нем следует рассказать особо.

Супер — префикс интернациональный (из лат. *super* — «над»). Сочетаясь с именами существительными, он выражает высокую, гипертрофированную степень признака. В научно-технической терминологии слова с ним обозначают новые научные понятия, технические устройства, приборы, химические вещества: *суперактивность, суперокись, супероксид, суперполимер, суперреагент, супергенерация, супертанкер, суперцентрифуга*.

Префикс *супер-* стали употреблять в 60-е годы, но он не вытеснил тогда синонимичную приставку *сверх-* (*сверхзвезда, сверхнапряжение, сверхпроводимость, сверхпроводник, сверхрастворитель, сверхрешетка, сверхтекучесть, сверхскорость, сверхтоки*).

Однако, несмотря на конкурента, приставка *супер-* в русском языке стала встречаться все чаще и чаще: сказалось бурное развитие научно-технического потенциала общества. Появилась масса новых приборов, машин, устройств, транспортных средств, значительно превосходящих по своим техническим возможностям традиционные: *супермаховик, суперлайнер, супертраулер, супертанкер*. Появились научные понятия *супергравитация, суперсимметрия*. Тогда же слова с префиксом *супер-* замелькали в газетах. Выявилась его способность модифицировать значение чуть ли не любого существительного. Например: *суперведомство, суперкласс, суперзвезда, суперкомбайн*. Правда, иногда — параллельно — существуют пары: *сверхгород* и *супергород, сверхдержава* и *супердержава*.

И, наконец, в круг именных основ, с которыми может сочетаться префикс *super-*, оказалась вовлечена и аббревиатура — образовалось слово *суперЭВМ*. И хотя наряду с ним употребляется его синоним *суперкомпьютер*, *суперЭВМ* все же встречается чаще. Интересно наблюдать, как меняется его орфография. Сейчас оно пишется и с дефисом, и без. Например, «Именно появление супер-ЭВМ открывает новый этап в развитии человеческого общества — этап компьютеризации» (Знание — сила, 1987. № 1), «Подробно рассказывать о будущем компьютера „Марс“ пока рано. В общих чертах это будет мультипроцессорная машина. Наряду с „Кроносами“ в ней будут работать два специализированных мощных вычислителя — суперЭВМ так называемой конвейерной и векторной архитектуры» (Техника — молодежи, 1987. № 6). Почему так? Когда слово только появилось — в более ранних текстах — его писали через дефис: *супер-ЭВМ*. Позднее заметно стал преобладать бездефисный вариант — *суперЭВМ*. Скорее всего, он-то в конце концов и закрепится в общем употреблении: похожую жизнь в орфографии прожило сходное по строению слово *микроЭВМ*.

В. Ю. Мойсеюк
Киев

Восьмиклассница Маша Николаева из Москвы, журналисты киевляне И. В. Бондаренко и М. Н. Королев, лектор П. И. Иваненко из Запорожья написали нам, что затрудняются ставить ударение в зарубежных именах собственных.

О том же пришло письмо из Ленинграда от А. И. Тарасовой: «В прошлом году у нас в стране стал выходить на русском языке журнал „Бурда моден“. Мои знакомые говорят „Бурдá“. По телевидению, когда журнал представляли, говорили и „Бурдá“ и „Бурд́á“. Я не знаю немецкого языка, но хочу произносить название правильно, чтобы не оказаться в смешном положении.»

Об этом наш материал.

Не превращайте «Бурду» в «Бурд́у»

События на планете, печальны они или радостны, не могут не волновать современного человека. Каждый день в центральных газетах, в информационных радио и телевидения мы встречаемся со множеством иностранных названий. Названия городов, средств массовой информации, имена государственных деятелей — как ориентироваться в этом море не всегда знакомых имен собственных? Люди обсуждают новости, поступившие со всего мира, спорят о них, сопереживают. При этом невозможно не признать, что зарубежные имена собственные так или иначе входят в нашу речь, живут в ней и тоже требуют к себе уважения. Культура речи говорящего явно страдает, если при нынешнем уровне общения стран и народов человек не знает, как произнести то или иное название. А ведь в одной только «Правде» ежедневно две полосы отданы международной информации!

И я хорошо понимаю замешательство людей, которым нужно выступать публично, а в тексте встретились неизвестные слова.

Итак, есть ли правила, как ставить ударения в названиях иноязычных газет и журналов? Они изложены во вступительной статье «Правила произношения» к «Словарю ударений для работников радио и телевидения» (М., 1985). Давайте рассмотрим самые общие из них.

Надо помнить, что в английском языке ударение чаще ставится на первом слоге. Например, названия американских городов *Бостон* и *Канзас* произносятся с ударением на первом слоге,

как в языке-источнике. Так же и в названиях газет «*Kánzas-Sítu stár*» и «*Bóstón glób*». Иногда некоторые комментаторы на радио и телевидении используют традиционную форму «*Kánzás-Sítu stár*» и «*Bóstón glób*», но по нынешним нормам, это неправильно. Однако есть случаи, когда ударение падает в английских названиях и на другие слоги, но это бывает гораздо реже, как, например, в названии газеты «*Файнэншл таймс*».

Наблюдаются колебания при произношении американского агентства Ассошиэтед Пресс. Правильно: *Ассошиэтед Пресс*, а не *Ассбшиэтед Прэсс*.

Интерес с точки зрения правильного ударения представляют названия журналов: американского «Макколз мэгэзин» и канадского «Маклиш мэгэзин». Согласно правилу, шотландская частица *мак* всегда неударна. Поэтому ударение надо поставить на последнем слоге: «*Макколз мэгэзин*» и «*Маклиш мэгэзин*».

В итальянском языке ударный чаще всего второй слог от конца, реже — третий или последний. Мы говорим: вестник «*Вита италяна*», газеты «*Коррьере де ла сэра*», «*Лаворо*», но газета «*Унитá*», журналы «*Реальта совьэтика*», «*Чивильта каттолика*», журналы «*Эпока*», «*Ринашита*».

В польском языке ударение всегда ставится на предпоследнем слоге — газеты «*Трибуна роботнича*», «*Жиче Варшавы*», «*Курьер польски*», еженедельник «*Жечевистость*».

А вот в греческом языке нет фиксированного ударения, оно может ставиться на любом слоге, например, газеты «*Катамирини*», «*Харавги*», «*Ризоспастис*».

А. И. Тарасовой из Ленинграда могу ответить, что правильно произносить «*Бурда моден*» — так произносят это наименование сами немцы. Ведь в немецком языке ударение ставится на корне слова и очень редко на суффиксе или окончании. Значит, не стоит превращать название этого западногерманского журнала в «*Бурду*».

Названия государств и городов, которые произносятся с традиционными ударениями, сохраняют их и в составе транслитераций органов печати, например, газеты: «*Вашингтон пост*» («*Вашингтонская почта*»), «*Манчестер ивнинг ньюс*» («*Манчестерские вечерние новости*»), «*Гайти журнал*» («*Газета Гапти*»), хотя в языках-источниках произносится *Уошингтон*, *Манчестер*, *Айти*.

Однако не только выбор правильного ударения вызывает затруднения, когда речь заходит об иноязычных названиях. Иногда даже дикторы телевидения и радио сомневаются, как произнести некоторые согласные — то ли мягко, то ли твердо. Так вот, согласные *р*, *т*, *в*, *н*, *с* перед буквой *е* в таких названиях, как «*Мансли*

ревью» (США, журнал), «Мачёте» (Мексика, журнал), «Франс нувель» (Франция, газета), «Диманш прэсс» (Бельгия, газета), «Неа политиа» (Греция, газета), «Марсейёз» (Франция, газета), произносятся твердо: «Мансли ревью» [рэ], «Мачете» [тэ], «Франс нувель» [вэ], «Диманш прэсс» [рэ], «Неа политиа» [нэ], «Марсейёз» [сэ].

Наблюдаются колебания в произношении некоторых шипящих. Мы в русском языке привыкли произносить шипящие всегда твердо, однако в иноязычных названиях пужно сохранять мягкость, потому что так они произносятся в языке-источнике. Значит, правильно — бельгийская газета «Лйбр бельжйк» [не жы], французский еженедельник «Жён Афрйк» [не жо], французская газета «Жювеналь» [не жу].

У нас на Гостелерадио в помощь дикторам существует специальный справочник «Органы массовой информации зарубежных стран. Международные политические, общественные и спортивные организации» (автор Ф. Л. Агеенко, под редакцией Д. Э. Розенталя М., 1986 г.). В нем 2800 названий газет, журналов, бюллетеней, информационных и телеграфных агентств, теле- и радиоконпаний зарубежных стран, аббревиатуры названий международных политических, общественных, спортивных организаций. Поскольку нет ни одного источника, где бы давалась информация о произношении зарубежных названий органов печати, эти сведения в справочнике приводятся на основе рекомендаций Главных редакций вещания на зарубежные страны Гостелерадио СССР и МИД СССР. Кроме ударения, там даны произносительные пометы к названиям и их перевод на русский язык: «Сатердей ревью убрлд» [тэ, дэ, рэ] («Субботнее обозрение и мир» — США, журнал); «Марксйзм тудёй» [дэ] («Марксизм сегодня» — Великобритания, журнал); «Момёнто сэра» [мэ, сэ] («Вечерние известия» — Италия, газета).

Понимание значения иноязычных названий органов печати может помочь выступающим у микрофона более осмысленно произносить их при чтении информационных материалов. В сложных по составу словах ставится побочное ударение — знак гравис `: «Фрйф`агбсвегельсе» [бэ, вэ, сэ] («Свободное профсоюзное движение» — Норвегия, журнал); «Лейпцигер ф`ольксдйтунг» («Лейпцигская народная газета» — ГДР, газета); «Фамилиенблат» («Семейная газета» — Люксембург, еженедельник на немецком языке).

Справочник полезен не только тем, кто пользуется им сейчас, — дикторам, комментаторам, корреспондентам и обозревателям Гостелерадио. Нужен он и лекторам, и политинформаторам,

и вообще всем, кто интересуется вопросами нормативного произношения и ударения в названиях органов массовой информации.

Ф. Л. Агеенко,
консультант отдела дикторов Центрального
телевидения по вопросам произношения,
ударения и стилистики русского языка

Такие разнообразные значения...

«разнообразить» и как он употребляется в современном русском языке?»

«Прочел у Пушкина в стихотворении „К вельможе“ строки „Свой долгий ясный век Еще ты смолоду умно разнообразил, Искал возможного, умеренно проказил...“

и заинтересовался: как образовац глагол

П. С. Круглый, *Калуга*

Глагол *разнообразить* образован от основы *разнообраз-*. Ее можно выделить, сопоставляя мотивирующие слова: прилагательное *разнообразный* (*разнообраз-н-ый*) и существительное *разнообразие* (*разнообраз-ий-э*).

Как и другие глаголы отыменного происхождения (старт – стартовать, автор – авторизовать и т. п.), *разнообразить* тяготеет к двувидовым глаголам: и несовершенного вида, и совершенного.

В словарях *разнообразить* толкуется только как глагол несовершенного вида, имеющий значение «делать разнообразным». Давайте рассмотрим, чем обусловлен совершенный вид, в котором этот глагол часто используется.

Во-первых, у прилагательного *разнообразный* семантика результативная – *разнообразный* значит исполненный разнообразия, неоднородный по форме, виду или проявлению. Поэтому-то *разнообразить*, помимо значения «делать разнообразным», закономерно тяготеет к значению «сделать разнообразным», «отметить разнообразием». Другими словами, обозначает не только процесс получения признака разнообразия, но и его результат.

Во-вторых, немаловажно, что глагол *разнообразить* образован присоединением к основе *разнообраз-* суффикса *-и-*, который обычно показывает на совершенный вид. Сравните: *бросить* (в отличие от *бросать*), *решить* (*решать*), *кончить* (*кончать*), *ступить* (*сту-*

пать), победить (побеждать), ударить (ударять), простить (прощать), пустить (пускать), явить (являть) и т. д.

Однако способность глагола *разнообразить* выражать значения совершенного вида реализуется не полностью.

Формы настоящего времени для него, например, всегда обозначают действие, отнесенное к расширенному плану современности, и никогда — к будущему (в отличие от большинства двувидовых глаголов). Сравните: Постоянно *разнообразит* игру, ищет в пей что-то новое наш, я не побоюсь этого слова, выдающийся футболист... (Из телерепортажа); Преподает на научной основе, владеет методикой, *разнообразит* формы работы на уроке (Из характеристики).

В инфинитиве и в прошедшем времени *разнообразить* получает значение совершенного вида. Определить же вид помогает контекст, лучше всего — формы синтаксически однородных с *разнообразить* глаголов. Сравните примеры:

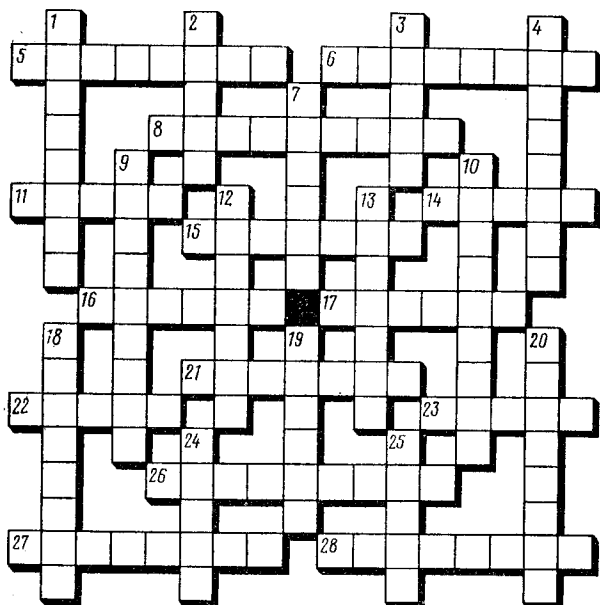
а) с *разнообразить* в форме инфинитива: Можно значительно улучшить воспитательную работу в молодежных кафе. Красивые названия у них есть, посадочные места тоже. Но работу в них пора уже *разнообразить* [*сделать разнообразной*] (В. Чивилихин. Просто письмо.— Учительская газета, 1986, 27 мая); Уже всем, видимо, ясно: любые, самые хорошие идеи и пожелания, связанные с тем, как улучшить качество товаров и *разнообразить* [*сделать разнообразным*] их ассортимент, останутся лишь идеями и пожеланиями, если не удастся создать климат общей заинтересованности всего общества в производстве высококачественных товаров массового спроса (Неделя, 1979, № 26). Но: нестандартное оборудование, которое предоставили детям шефы из стройуправления № 13 треста «Донецкшахтострой», помогает учителю физкультуры усложнять занятия, *разнообразить* [*делать разнообразным*] урок (Вечерний Донецк, 1985, 9 дек.);

б) с *разнообразить* в форме прошедшего времени: С удовлетворением отмечу, что в последнее время спортсмены нашей сборной *разнообразили* [*сделали разнообразной*] игру (Известия, 1986, 1 апр.); До конца первой половины встречи лишь две вспышки как-то *разнообразили* [*отметили разнообразием*] игру хозяев поля.

Подчеркнем, что эти особенности употребления глагола *разнообразить* вовсе не редкость. Теми же свойствами в русском языке обладают, например, глаголы *содействовать*, *предвидеть*, *способствовать*, *характеризовать*, *демонстрировать*, *девать*, *совершенствовать*, *отвечать* и др.

Н. А. Луценко,
кандидат филологических наук
Донецк

Кроссворд. «А. С. Пушкин. Маленькие трагедии»

По горизонтали: 5. Песня в честь возлюбленной. 6. Что Сальери «Поверил... алгеброй...»? 8. Кто закричал, когда Альбер сбросил графа с коня во время поединка? 11. Ласковое обращение к любимой женщине. 14. Словесно-музыкальное произведение, исполненное Мери. 15. Что получил из Испании Альбер? 16. Какой скрипач поправился Моцарту в трактире? 17. Герой песни Мери. 21. Часть архитектурного сооружения. 22. Болотная птица. 23. Созвучия окончаний слов. 26. Выдающийся архитектор и скульптор эпохи Возрождения, упоминаемый Сальери. 27. Вторая часть имени, которым назвался Дон Гуан. 28. Знакомый Соломона.

По вертикали: 1. Деньги, которые хотел занять Альбер. 2. Как Соломон называет яд, составленный аптекарем Товием?

3. Большое количество сокровищ в подвале барона. 4. Как назвал разъяренного Альбера герцог? 7. Холодное оружие, которым обещала убить Дон Гуана Дона Анна. 9. Как Молодой человек называет умершего от чумы шутника Джаксона? 10. Великий русский критик, анализировавший образ Дон Гуана. 12. Имя ростовщика. 13. Место, где были написаны «Маленькие трагедии». 18. Бой двух противников, типичный для Дон Гуана. 19. Болезнь, свирепствовавшая в России, под впечатлением от которой Пушкиным была создана пьеса «Пир во время чумы». 20. Какое звание имел муж Доны Анны? 24. Член религиозной общины, рассказавший Дон Гуану о Доне Анне. 25. Шелковая ткань, которую носили рыцари.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «РУССКАЯ РЕЧЬ» в 1988 году

Язык произведений В. И. Ленина	
Артемьева М. А. Об одной черте стиля В. И. Ленина	2
Наумов К. В., Силина В. И. Образное слово в ленинской публицистике	2
Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!	
Белоусов В. Н. «Моя опора, гордость, радость...»	1
Скворцов Л. И. Культура языка и экология слова. I.	4
Скворцов Л. И. Культура языка и экология слова. II.	5
К 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко	
Коротов В. М. Педагогика завтрашнего дня	2
К 170-летию со дня рождения К. Маркса	
Кедайтене Е. И. Русский язык в жизни К. Маркса	3
Язык художественной литературы	
Архангельский А. Н. Гений, парадоксов друг (О принципе контраста в стилистике А. С. Пушкина)	3
Бабаев Э. Г. Упрямый пасьянс	4
Баландина Н. В. Слово, обращенное в сегодня (Образ и речь автора в рассказе В. Г. Распутина «Что передать вороне?»)	2
Березина С. Н. «Добреньким быть уже не могу»	1
Буров А. А. «Дойти до самой сути...» (Номинативные предложения в поэзии М. Цветаевой)	5
Вацулов В. Э. Из записок филолога	4-5
Волков В. В. «Слово, яснее полдня...» (Антонимы в поэтическом мышлении Роберта Рождественского)	6
Дорожкина Т. Н. Термин в художественном тексте	1
Зубова Л. В. «Черный, черный оку — зелен...»	4
Иванова Н. Н. «Делом давай-ка с бедой управляться...» (О языке поэзии А. Т. Твардовского)	2
Квацаца А. «Круг чтения» Л. Н. Толстого	6
Кателина Л. С. «О Русь — малиновое поле...» (Эпитеты в лирике С. Есенина)	6
Колганова А. А. Как построен псевдоним	4
Ланский Л. Р. «Мой русский стих, живое слово...»	6
Мурьянов М. Ф. Пушкин о московской речи	3
Николаев А. А. «Пошпанным сердцу языком...»	6
Новиков В. И. Живая вода (Заметки о языке поэзии Владимира Высоцкого)	1
Новиков В. И. «Мы вовлекли прозу в поэзию...»	4
Опульская Л. Д. Точность авторского слова	4
Пауткин А. И. Две строки А. Блока	1

Пеньковский А. Б. Тимофеевич или Никифорович?	3
Порудоминский В. И. Гоголь и Даль (Из творческих общест- вий)	5-6
Порудоминский В. И. Даль и Пушкин	1
Шипачева Н. А. Язык и стиль рассказа Леонида Андреева «Город»	3
Шкляревский Г. И. «Милые, любите Пушкина!»	3
Шульская О. В. О некоторых образах в поэзии М. В. Ломоно- сова	1
<i>Штрихи к портрету писателя</i>	
Иванова Т. А. Зефироты В. Ф. Одоевского и Л. Н. Толстого	5
Понов О. П. Перечитывая Лермонтова	2
Турьян М. А. Предвидения В. Ф. Одоевского	3
Слово в драматургии	
Поликовская Л. В. «Люди так и говорят»	2
Стрельцова Е. И. Ружье или телефон? (О символике пьесы «Утиная охота» А. Вампилова)	4
Наши публикации	
Из наследия Андрея Платонова	4
Осоргин Мих. Слова и выражения	5-6
Тэффи. О русском языке	5
Литературная страница	
Андреев Л. Город	3
Фельетоны М. А. Булгакова	5
Слово писателю	
Скворцов К. В. Не боясь любви безответной	2
Пolemические заметки	
Битов А. Г. «Ты один мне поддержка и опора...»	3
Горбачевич К. С. Книжки имеют свою судьбу	3
<i>Вопросы к «Горе от ума»</i>	
Рейсер С. А. Что говорят рукописи	5
Фомичев С. А. В порядке уточнения	5
Культура речи	
Агеенко Ф. Л. Об ударении в названиях московских улиц	5
Анпушкин В. И. Зачем нужна риторика?	5
Борунова С. Н. По страницам «Орфоэпического словаря»	4
Веселов П. В. Как составить служебный документ?	1
Воронова В. Л. Следующая станция — Серпуховская?	3
Граудина Л. К. «Надо учить говорить весь народ...» (Об Ин- ституте живого слова)	1
Дмитриева О. Л. От «Дамского журнала» к «Женскому ка- лендарю»	4
Иванова В. Ф., Тимофеева Г. Г. Октябрь и реформа русского правописания	5
Из Нормативно-стилистического словаря русского языка	1, 3-5
Колесов В. В. Литературное произношение в театре	5
Кочубей Р. И. Разноголосица русского письма XIX века	5
Пугач С. А. Вычислить кого-либо	6
Рахманова Л. И. Построить гигант или построить гиганта?	6
Формановская Н. И. Беседы о речевом этикете	2, 4
Отвечает служба языка	
Елисеева И. А. Наверно — наверное — наверняка	4

Лексикография	
Балахонова Л. И. Каждый словарь отражает свое время . . .	2
Журавлев А. Ф. Должен ли диалектолог быть этнографом?	5
Коготкова Т. С. Заметки о современной областной лексикографии	1
Спорные случаи орфографии	
Калакуцкая Л. П. О метре и мэтре	3
Розенталь Д. Э. Еще раз: Дон-Жуан или Дон Жуан? . . .	4
Терминология	
Волкова И. Н. Как образовать краткую форму термина . .	4
К уроку русского языка	
Бердник Л. Ф. Предложения со значением желательности	6
Соколянский А. А. История «твердого знака»	3
Трудные случаи орфографии	
Чельцова Л. К. Вы и Ваш	2
Страница новых слов	3
Страницы отечественной науки	
Азбелев С. Н. Богатырь русской филологии (К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского)	5
Отечественные языковеды	
Булаховский Л. А. Энантисемия. Развитие противоположных значений	2
Кондрашов Н. А. Н. С. Державин — ученый-славист и педагог	1
Кочерган М. П. Л. А. Булаховский — ученый и педагог . .	2
Обнорский С. П. Культура русского языка	3
Полякова Н. Н. История языка — история народа (К 100-летию со дня рождения С. П. Обнорского)	3
Розанова В. В., Сергеев В. Н. А. М. Бабкин — лексикограф и фразеолог	1
Смирнов С. В. Учитель — имя твое (К 140-летию со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова)	1
Смирнов С. В. Ф. И. Буслаев — ученый и педагог	3
Филин Ф. П. Мой путь в науке	2
Среди книг	
Барашков В. Ф. А как у вас говорят?	3
Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика	6
Иванов В. В., Михайловская Н. Г., Панькин В. М. Язык великого братства	1
Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси	6
Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий	1
О культуре русской речи	2
Петр Тимофеев. Добрые дела не исчезают	6
«Потебня — имя огромного значения»	3
Потиха З. А., Розенталь Д. Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе	4
Словарь русского литературного словоупотребления	5
Словарь русского словообразования	4
Храм муз словесных	2
Слово молодому лингвисту	
Анисимова О. М. <i>Лихо</i> в «Поучении Владимира Мономаха» и в летописании	2
Анисимова О. М. «То си хотя молви»	4

Блохина И. А. «Вот это да!» (Междометные высказывания в речи)	1
Булавина М. А. Термин «община»: история и современность	1
Дмитриева Е. Е. Речь городских слоев у Н. В. Гоголя	1
Оганесян А. Г. «Я, в сущности, мичуринец...» (О словотворчестве поэта Семена Кирсанова)	3
Северская О. И. О картине мира в поэзии Давида Самойлова	2
Фролова Л. Ф. «Помчаша красныя девки половецкыя...»	4
Русский язык как средство межнационального общения	
Григорян Э. А. Без комплиментов	5
Русский язык в современном мире	
VII Международная конференция редакторов журналов по русистике	3
У нас в гостях китайские русисты	3
Хруслов Г. В. Лермонтовская строка в Японии	1
Шайкин А. А. Русский язык во Вьетнаме	6
Из истории культуры и письменности	
Богданов А. П. Литература и общество накануне Петровских преобразований	2
Богданов А. П. Прямая речь истории	3
Бычков В. В. Словесность в оценке древнерусских книжников	4
Верещагин Е. М. «От Пушкина до наших дней»	1
Гогешвили А. А. «Ростре на кусту...»	2
Динерштейн Е. А. Русский издатель А. Ф. Маркс	2
Из Этнолингвистического словаря славянских древностей	5
Качалкин А. Н. Памятники деловой прозы в русских архивах	1
Качалкин А. Н. Русский быт в деловой прозе допетровского времени	2
Кедайтене Е. И. Полезны народу	6
Кильдибекова Т. А., <u>Гуцина В. И.</u> От двора к фабрике и заводу	6
Козлов В. П. Кругок А. И. Мусина-Пушкина	2
Козлов В. П. «Народ безмолвствовал...»	3
Кучкин В. А. Поротва или Поротля?	4
Позиловская С. В. Острожский музей книги	5
Топорков А. Л. Из рукописных материалов Н. Г. Богатырева	6
Ужанков А. Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI—XII веков	6
<i>К 1000-летию введения христианства на Руси</i>	
Верещагин Е. М., <u>Вомперский В. П.</u> И стала Киевская Русь «ведома и слышима всеми...»	4
Верещагин Е. М., <u>Вомперский В. П.</u> Кто и когда «нам писмена сотворил и книги перевел»?	3
Верещагин Е. М., <u>Вомперский В. П.</u> Тысячелетние истоки русской науки	5
Верещагин Е. М., <u>Вомперский В. П.</u> Как началось искусство книжного слова на Руси	6
Качалкин А. Н. Из монастырских архивов	3
На карте Родины	
Валеев Г. К. Откуда «пришли» Ильмены?	5
Отин Е. С. Осеред	2
Цоффка В. В. Ближнее Подмосковье. Немчиновка	4

Язык и образы фольклора

Азбелев С. Н. Добрыня-змееборец	3
Лебедев П. Ф. Пословида не клинок, а колет в бок	4
Николаев С. Г. Считалка и считалочные слова	1
Фольклор и литература	
Владимирцев В. П. «Зальюсь слезьми горючими»	1
Неженец Н. И. Певец Северного края	1
Писатель и фольклор	
Толстой Н. И. «Покаяние земле»	5
Ономастика	
Личные имена у народов мира	4
Никонов В. А. Как Вас зовут?	2
Из истории слов и выражений	
Барандеев А. В. Что такое ерик?	4
Болдина Н. Н. «Еще идут старинные часы...»	4
Вакуров В. Н., Мокненко В. М. Огонь, вода и медные трубы	1
Владимирцев В. П. «Эй, баргузин, пошевеливай вал...»	3
Горячева Т. В. В долгу, как в шелку	1
Добродомов И. Г. Люстра и ее «конкурент»	3
Добродомов И. Г. Этика и этикет	4
Киричко Н. В. Из истории слова <i>парламент</i>	6
Кирсанова Р. М. Турнюра, турниюр	4
Коряковцева Е. И. Судьба слова <i>прогресс</i>	3
Наумов О. П. Статья на якорь	6
Носкова З. А. Портной и порт	2
Топорков А. Л. Воробьиная ночь	4
Фридендлер Л. Г. Стенное письмо — стенная живопись —	
фреска	2
Шустов А. Н. Многоликая терапия	1
Эсанов У. Д. Службист	2
<i>За знакомой строкой</i>	
Опришко А. Я., Котенко Н. В. Наваринского дыма с пламе-	
нем...	5
Поступающему в вуз	
Барандеев А. В. Накануне сочинения	3
Каламова Н. А. Анализ слова	2
Каламова Н. А. Существительные — конкретные, абстрактные,	
собирательные	1
Степанченко И. И. Причастия и прилагательные с -н- — -ни-	
Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский	
университет (1987 г.)	2
Почта «Русской речи»	
А сам не плошай	2
Глобальный, глобалистика, неоглобалистский	1
Как склоняются топонимы?	2
Кабудьский и джамбулский	6
Кто такие интергельповцы?	4
Наброски к портрету читателя	5
Не превращайте «Бурду» а «Бурдú»	6
О происхождении русских фамилий	3
Ответы на письма читателей	5
От лягушника к водокрасу	2
Почему говорят: завтрак, обед, ужин?	4

С поклоном к традициям предков	4
СуперЭВМ	6
Такие разнообразные значения	6
Так он вам и поверил...	1
Точка в заглавии	3
Что косит год високосный?	6
Что привлекло нас во Владимире Высоцком	1
Крессворд	3, 5

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Никто не может мне объяснить, что такое *бювар*? Где нужно ставить в слове ударение?»

С. С. Семенов, дер. Тесово Смоленской обл.

Бюва́р (от французского *buvard*) — папка или портфель с листами промокательной бумаги для хранения конвертов, корреспонденции, почтовой бумаги. Ударение на последнем слоге.

«Что такое *майолика*?»

Н. Гогоберидзе, Рустави

Майолика (от итальянского *majolica*, от названия острова Майорка — итальянцы слово *Majorca* произносили как *Majolica*). Это обожженная глина, покрытая непрозрачной глазурью с рисунком, изделия — посуда, вазы, фигурки — из этой глины. И само искусство изготовления таких изделий тоже называется *майоликой*.

Ответы на кроссворд
«А. С. Пушкин.
Маленькие трагедии»

По горизонтали: 5. Серенада.
6. Гармонию. 8. Клотильда. 11. Ангел.
14. Песня. 15. Подарок. 16. Слепой.
17. Эдмонд. 21. Колонна.
22. Бекас. 23. Рифмы. 26. Бонаротти.
27. Кольвадо. 28. Старичок.

По вертикали: 1. Червонцы.
2. Капли. 3. Груды. 4. Тигренок.
7. Кинжал. 9. Весельчак. 10. Белинский.
12. Соломон. 13. Болдино.
18. Поединок. 19. Холера. 20. Командор.
24. Монах. 25. Атлас.

Этот номер журнала оформили художники: Н. Беланов,
С. Жагин, В. Захаров, В. Леонов, В. Мирошник.

На вопросы читателей в этом номере отвечали: научный сотрудник Института русского языка АН СССР Т. В. Горячева, сотрудник Института русского языка им. А. С. Пушкина Т. И. Тагунова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беляев, М. В. Рыбина

Сдано в набор 18.08.88
Подписано к печати 29.09.88.
Формат бумаги 84 × 108/32.
Печать высокая. Усл. печ. л. 6.72.
Усл. кр.-отг. 337,5 тыс. Уч.-изд.
л. 8,0. Бум. л. 2,0. Тираж 48 700.
Заказ 1930

Орден Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография изд-ва «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6